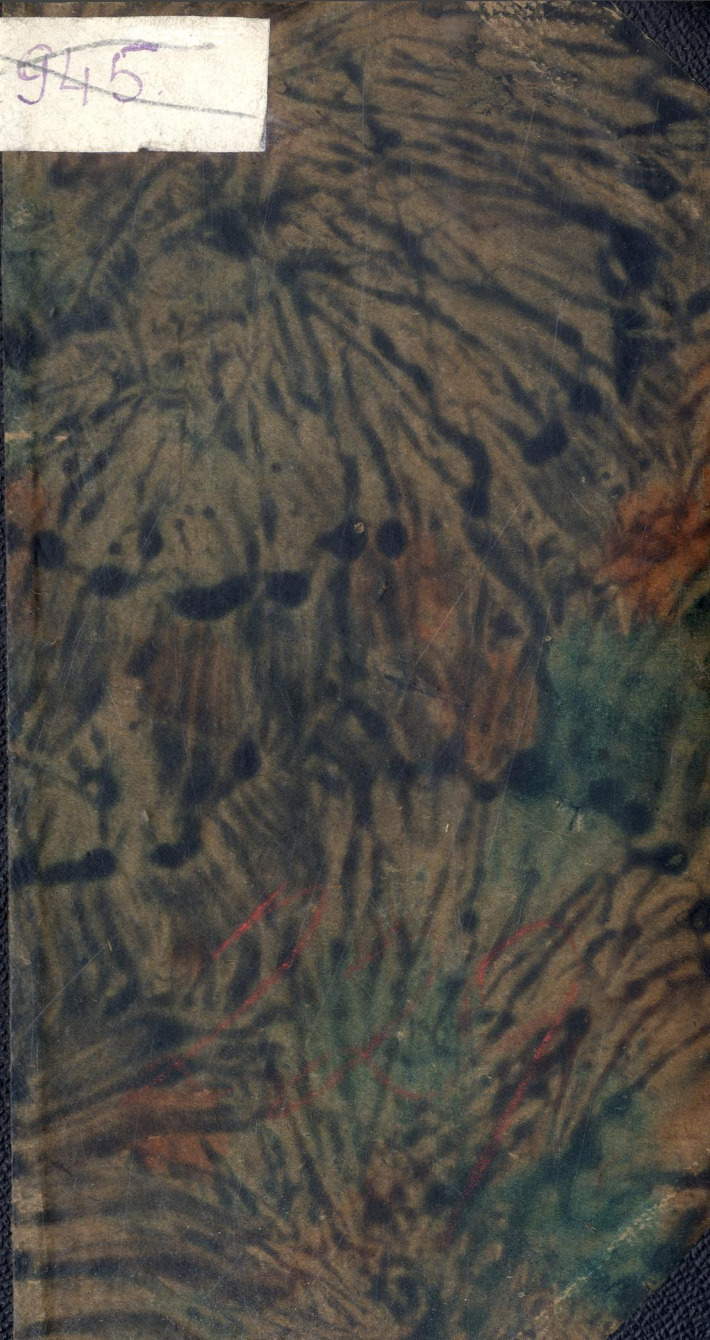

29.945.

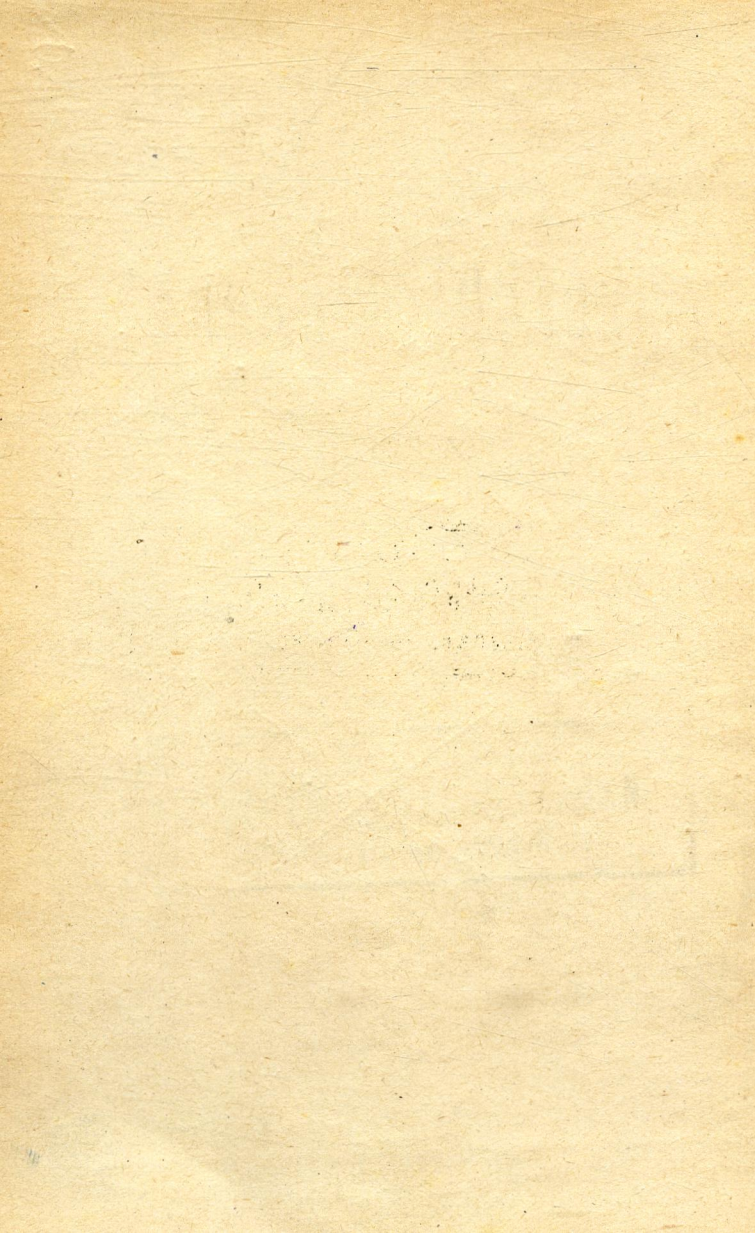
6.

~~св. св. св. св.
св. св. св. св.~~

НЕБЕСНЫЯ СЛОВА.

~~БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
во Львовѣ, ул. Русская 3.~~

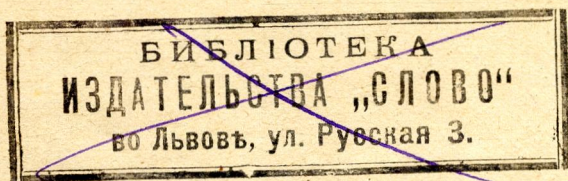
06
10
З. Н. ГИППІУСЪ.

29.945

НЕБЕСНЫЯ СЛОВА

и

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

ПАРИЖЪ

1921.

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Ш572-9/53-644

Imprimerie «ZEMGOR», 216, Bd Raspail, Paris.

НЕБЕСНЫЯ СЛОВА.

I.

В В Е Р Х Ъ.

О небесахъ всегда говорили много пустяковъ. Поэты описывали ихъ пріятный видъ, астрономы занимались вычисленіями, — каждая звѣзда у нихъ подь номеромъ; обыкновенные люди глядятъ на небо, когда боятся, что пойдетъ дождь, а всѣ вообще убѣждены, что между человѣческими дѣлами и небомъ очень мало связи. Люди религіозные, впрочемъ, этого не скажутъ; но они смотрятъ на небо, какъ на задернутую голубую занавѣску, которая сама по себѣ не важна, а только скрываетъ отъ нихъ важное и съ ними имѣющее связь.

О небесахъ, какъ о задернутой занавѣскѣ, не буду говорить. Небо для меня живо, точно живое человѣческое лицо; и оно всегда со мною, принимая самое близкое участіе во всѣхъ моихъ мысляхъ и дѣлахъ. Лицо неба понятнѣе лица земли: люди землю почти никогда не видятъ истинною, нагою, а больше измѣненною же собственными руками; да и какъ иначе? Небеса же чисты и очень широки, а потому и выразительны.

Я расскажу нѣсколько отрывочныхъ случаевъ изъ моей жизни, и будетъ ясно, что небеса живутъ съ нами, говорятъ съ нами, только мы рѣдко слушаемъ ихъ слова.

Поэты въ особенности невыносимы. У нихъ аллегорическія небеса, а я вовсе не хочу аллегорическихъ небесъ. Поэтъ описываетъ грозу долго, подробно, только для того, чтобы прибавить: «въ душѣ моей часто бываютъ такія же грозы...». Или говорятъ о солнцѣ и сравниваютъ его съ «солнцемъ любви». Доктора склонны думать, что грозы вліяютъ на человѣческій организмъ, на нѣшняго человѣка, самымъ понятнымъ образомъ. И все это не то.

Мы заняты своими дѣлами, мы въ нерѣшительности, въ сомнѣніи, — и небо съ нами, улыбается, хмурится, совѣтуетъ, объясняетъ, утѣшаетъ, подсмѣивается — нужно только понимать его слова.

Выучиться нетрудно при вниманіи; особенно, если имѣешь нѣкоторыя способности и склонность смотрѣть вверхъ. Я зналъ одну старушку, которая во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгала... даже не къ Библіи, и не къ Евангелію, а къ часослову. Небо гораздо шире часослова, а притомъ эта книга всегда раскрыта на нужномъ мѣстѣ.

II.

К Р Ы С А.

Я долго жилъ, совершенно не обращая вниманія на небеса, — долго, должно быть, лѣтъ до десяти. Злился, когда съ крышъ текла вода, и прыгалъ козломъ по саду, когда на пескѣ лежали солнечныя пятна, — а наверхъ какъ-то вовсе не глядѣлъ. Мы жили въ деревнѣ, въ Малороссіи, воспитывали меня свободно — вѣрнѣе, вовсе не воспитывали, — я вѣчно былъ одинъ, и очень былъ золъ, упрямъ и тупъ.

Какъ то разъ, въ воскресенье, послѣ завтрака, я пошелъ къ старому амбару ловить крысу, которую я тамъ заимѣтилъ. Старый амбаръ на задворкахъ былъ единственнымъ мѣстомъ, куда мнѣ запрещали ходить, а потому я вѣчно торчалъ у амбара. Сегодня же это было особенно преступно, такъ какъ утромъ меня водили къ обѣдни и надѣли мнѣ голубую шелковую рубашку, которую, я зналъ, я непременно испорчу за амбаромъ. Рубашка, впрочемъ, мнѣ нравилась, и я ее немножко жалѣлъ, но дѣлать было нечего.

У заброшеннаго амбара, сѣраго съ колонками, росла густая трава, почти въ мой ростъ, кругомъ тѣснились строенія, было очень уединенно, никто сюда не заходилъ. Я сѣлъ на корточки пе-

редь заранѣе намѣченной дырой, подъ перекошенной галлереей амбара, — вынулъ кусокъ измятаго сыра, который стащилъ за столомъ, положилъ у дыры и сталъ ждать. Оружія у меня никакого не было, и я не знаю, какъ могъ я надѣяться поймать крысу, и на что она мнѣ, вообще, была нужна, — однако, ждалъ и надѣялся.

Я такъ долго ждалъ, что когда крыса пришла, — я совершенно обезумѣлъ и бросился на нее. Она съ быстротой молніи помчалась наверхъ, на галлереею. Я, кажется вопя, — за ней, на гнилыя доски, и ухватился за поперечную палку перилъ. Палка тотчасъ же переломилась, и я упалъ навзничъ съ порядочной высоты. Но паденіе только ошеломило меня, потому что я упалъ затылкомъ на густую траву. вмѣсто крысы я держалъ въ рукахъ сѣрый обломокъ перила. Тонкія зеленныя нити колебались около меня, а прямо надо мною, только очень высоко, былъ кусокъ неба, голубой, какъ шелкъ моей рубашки. Я зналъ, что это — небо, но въ первый разъ какъ слѣдуетъ посмотрѣлъ на него, подумалъ о немъ — и оно мнѣ понравилось. Оно было, пожалуй, еще голубѣе моей рубашки и стояло надо мной такъ, какъ будто ничего не случилось. Однако, оно видѣло, что я полетѣлъ, и мнѣ стало стыдно. Но лежать и смотрѣть вверхъ все-таки было пріятно, и я не двигался.

Главное, мнѣ нравилось, что небо такое про-

сторное и ничѣмъ не загромождено. Если-бъ крыса тамъ бѣгала, ей некуда было бы спрятаться, и я бы ее непременно поймалъ. А здѣсь выдумали эти амбары, да норы... Хорошо тоже, что пустынно. И небо, хотя видѣло мое пораженіе, осталось серьезнымъ и не очень меня осуждало, такъ что я пересталъ стыдиться, и оно мнѣ еще больше понравилось. Я взглянулъ на рубашку. Она порвалась на рукавѣ и казалась очень тусклой передъ небомъ. Я полежалъ еще, потомъ бодро всталъ, оправился и опять взглянулъ наверхъ. Ну не поймалъ крысу, ну изорвалъ рубашку, а вотъ за то у меня теперь есть небо. Оно видѣло все — и ничего, осталось какъ было. Это хорошо, что оно теперь у меня есть.

Зачѣмъ оно мнѣ нужно — я не зналъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать — тоже не зналъ, да впрочемъ, я не зналъ, что дѣлать и съ крысой, которую хотѣлъ поймать. Но у меня было такое довольство, точно ко всѣмъ старымъ игрушкамъ, которыя несколько не надоѣли, — мнѣ неожиданно подарили новую. У меня былъ амбаръ, садъ, крыса, трава, я самъ — словомъ все, что внизу, — а теперь я открылъ, что и вверху есть тоже хорошее, и оно тоже мое. Хотѣлъ бы я видѣть, кто могъ у меня отнять небо!

Кромѣ того — это было и таинственно: о небѣ никто не говорилъ, и никто не подозрѣвалъ, что оно мое; и я не хотѣлъ ничего говорить, да и

какъ бы я сказалъ? Вотъ я даже теперь говорю, и для другихъ непонятно, — а тогда я ни одного слова объ этомъ не сумѣлъ бы сказать.

Вечеромъ, читая «Отче нашъ», я остановился: «на небеси...» Что это тутъ о небѣ? У меня была нянька, злая, которую я не любилъ и втайнѣ презиралъ. Однако я спросилъ ее, что говорится о небѣ. Она сухо объяснила мнѣ, что Богъ на небѣ.

Я промолчалъ, но это мнѣ не понравилось. Мало, что-ли, Богу мѣста, что онъ поселяется именно на небѣ? Пусть бы въ церкви... Да, я слышалъ, кто-то говорилъ, что Богъ — вездѣ. Ну, тогда мнѣ все равно, пусть и на небѣ. Но небо — мое, совершенно такъ же, какъ садъ, амбаръ и крысиная нора. Не больше, но и ни за что не меньше. Все, что на землѣ, амбаръ, трава — пусть Божье, я знаю, что это и мое; и все, что на небѣ, солнце, тучи длинныя (я теперь вспомнилъ, что видѣлъ тучи длинныя) — пусть Божье, если оно все-таки мое. Это ничему не мѣшаетъ.

III.

ТЕТРАДЬ.

Меня отправляли въ гимназію, въ городъ. Стоялъ свѣтлый, безсолнечный день. Небо разстилалось надо мною ровное-ровное, все бѣлое,

какъ страницы новой тетради. Я нисколько не грустилъ, что уѣзжаю. Ну, будутъ другіе дома, другія деревья, еще другія: мнѣ не казалось, что я теряю эти. Дорога, по которой я поѣду, соединяетъ безъ всякаго перерыва этотъ кусокъ земли съ другимъ; значить—оба мои. Совершенно такъ же, какъ небо накрываетъ безъ прорыва оба мѣста, и всѣ мѣста, и все оно—мое. Я не могу видѣть все на землѣ сразу, потому что я малъ и у самой земли; а небо все могу сразу, потому что издали шире видно. А въ сущности, вѣдь тоже самое.

Теперь небо, хотя и привѣтливое, сочувственное — молчало, все бѣлое и ровное. Я понялъ это такъ, что оно не желаетъ меня развлекать. Я долженъ позаняться, поучиться, чему тамъ въ гимназій учать, а оно пока помолчить, подождетъ. Разстаться вѣдь все равно мы не можемъ. Когда понадобится — оно тутъ какъ тутъ. А поучиться тоже необходимо.

И я уѣхалъ очень веселый.

IV.

СВОБОДА.

Пишу мои небесныя воспоминанія каждый вечеръ понемногу, какъ дневникъ. Тихо пишу и почти не надѣюсь, что кто-нибудь прочтетъ и

поймешь, до какой степени близко намъ небо, — родное, какъ земля.

Достойно замѣчанія, однако, что почти всѣ люди, вспоминая свои слова, долгое время забытыя — вспоминаютъ мѣсто, гдѣ слова были произнесены. Иной разъ и мысли, и чувства, диктовавшія слова, исчезли изъ памяти, а мѣсто помнится. И было ли въ тотъ моментъ свѣтло или темно. Такъ я помню всегда — небо. Если даже и не видѣлъ его, если былъ подъ потолокомъ, я зналъ, какое оно, что говорить, — я о немъ думалъ.

Иногда я его ненавидѣлъ, ссорился съ нимъ, оно мнѣ было противно; но не думать о немъ не могъ.

Мы шли, я и два товарища (я ужъ кончалъ университетъ), въ бѣлую ночь по набережной Невы. Чистое, жидкаго зеленоватаго цвѣта, небо покрывало насъ. Ни одна облачная тѣнь не нарушала его холодной ровности. Мы говорили о свободѣ и ужасно спорили. Особенно я залеталъ высоко. Границъ, казалось, не было моимъ мечтаніямъ. Даже вспомнить не могу всего, что говорилъ. Товарищи, не слушая меня, такъ же, какъ и я ихъ, тоже говорили и, кажется, совершенно то же самое.

И вдругъ я остановился и замолчалъ, какъ будто меня толкнуло. Ужасно сложны были мои мечты о свободѣ и совершенно не имѣли предѣ-

ловъ. А небо надъ нами ровно круглилось, пространство и вездѣ одинаково свѣтлое. За строеніями не видно было линіи соединенія его съ землею, но угадывалось, какъ эта зеленая чаша крѣпко и аккуратно вливается краями въ землю, и какъ твердо замкнуты мы въ этомъ кругѣ. Я всегда любилъ нѣжную и ясную черту приникновенія неба къ землѣ, ихъ поцѣлуй, ихъ соединеніе. О какой свободѣ я говорю? Я зналъ и знаю, я чувствовалъ и чувствую, что я свободенъ въ этомъ кругѣ, и всякій можетъ быть въ немъ свободенъ, какъ я, если полюбитъ обоихъ, и землю, и небо одинаково, — какъ я люблю. Свободенъ въ кругѣ, — до заколдованной, непереходной черты. А другая свобода — какая? — столь невозможна, что даже и хотѣть ся никакъ нельзя, — невозможно.

Это была у меня не мысль, не знаніе и не чувство, не ощущеніе; это было то, что я называю **сознаніемъ**: то-есть чувство — со знаніемъ, ощущеніе — съ мыслью. И я замолчалъ и не говорилъ больше ни о какой свободѣ, а товарищи мои долго еще говорили, слушая каждый себя, и не замѣтили, что я умолкъ.

V.

МОЯ ЖЕНА.

Облака — мысли неба. Такъ и по человѣческому лицу часто проходятъ тѣни мыслей, и лицо мѣняется. Мнѣ кажется, что я иногда умѣю читать мысли людей — и почти всегда умѣю читать мысли неба. И какъ измѣняются черты человека, — измѣняются и черты небеснаго лица: солнце сегодня другое, чѣмъ было вчера, и уже никогда не будетъ сегодняшнимъ. И луны я не видалъ одинаковой. О звѣздахъ и говорить нечего. На солнце рѣдко кто смотритъ — да вѣдь и прямо въ глаза человѣку мы очень рѣдко смотримъ.

Кончая мою жизнь, я не знаю, поймутъ ли меня, но въ молодости я былъ наивенъ и думалъ, что всѣмъ людямъ свойственно столько же смотреть вверхъ, сколько внизъ.

Но, однако, прежде, чѣмъ небо меня покорило безвозвратно, случилось вотъ что: когда я въ первый разъ открылъ, что люди живутъ помимо неба, не обращая на него вниманія, и живутъ просто и даже недурно — я глубоко усумнился въ себя. А если я не правъ? Если все это я только себя выдумалъ, а небо—обыкновенный потолокъ, которому до насъ нѣтъ дѣла? Отчего бы

и мнѣ не жить попросту, какъ всѣ, глядя себѣ подѣ ноги? Признаться, въ ту пору жизни вѣчное вмѣшательство неба въ мои дѣла стало мнѣ просто стѣснительно, утомило и разсердило меня. И вотъ я рѣшилъ быть одинъ, дѣлать безъ свидѣтелей все, что мнѣ хотѣлось, самъ, безъ указокъ, безъ морали, а жить попросту, совершенно какъ всѣ. Я рѣшилъ забыть о небѣ навсегда, потому что вѣдь иначе отъ этого свидѣтеля и учителя нельзя было уйти.

Въ ту пору я только что кончилъ университетъ, служить не начиналъ и даже не зналъ, буду ли служить. Деньги у меня имѣлись, немного, но довольно для меня: отецъ, умирая (мать скончалась давно), оставилъ мнѣ ту небольшую деревушку въ Малороссіи, гдѣ я выросъ. Я писалъ стихи, мнилъ себя поэтомъ и мечталъ посвятить жизнь литературѣ. Университетъ я, впрочемъ, кончилъ математикомъ.

Не надо забывать, что мнѣ шелъ тогда лишь двадцать второй годъ.

Несмотря на такую крайнюю молодость, я рѣшилъ жениться. И не то, чтобы у меня кто-нибудь былъ на примѣтѣ; я просто рѣшилъ жениться какъ можно ранѣе, прожить жизнь какъ можно нормальнѣе, по Толстому. Такія намѣренія не очень вязались съ моими стихами и мыслями о «борьбѣ на поприщѣ поэта» — но въ двадцать одинъ годъ чего не свяжешь!

Въ Петербургѣ барышни были все какія-то неподходящія. Я поѣхалъ путешествовать по Россіи, посмотрѣть какъ люди живутъ, да кстати поискать и невѣсту.

Въ Кіевѣ (къ себѣ въ деревню я такъ и не заѣхалъ) мнѣ пришлось познакомиться съ цѣлымъ сонмомъ барышень, которыя были совершенно непохожи на петербургскихъ, а потому всѣ до одной мнѣ нравились, т. е. казались подходящими женами.

Впрочемъ, скоро я остановилъ мое вниманіе на Вѣрочкѣ Бецъ и Аннѣ Ловиной. Онѣ были очень различны, и каждая хороша въ своемъ родѣ. Вѣрочка — живая, бойкая, если и не умная, то находчивая дѣвушка, блондинка безъ золота — волосы точно пыльные, но красивые; Анна — смуглая, тихая, робкая, можетъ-быть, глухая, но милая, съ длинной, черной косой. Взглядъ у нея былъ медленный, скользящій. Между этими двумя я никакъ не могъ выбрать.

И вотъ я рѣшился рассказать той и другой, отдѣльно конечно, то, что я думалъ во дни «молодости» о небѣ, какъ оно со мной жило, какъ мнѣ мѣшало и надоѣдало, пока, наконецъ, я не вздумалъ бросить всѣ эти бредни и жить, какъ всѣ. Впрочемъ, о томъ, къ чему я пришелъ, я не хотѣлъ говорить, а только рассказать факты и узнать, не расположена-ли которая-нибудь изъ нихъ къ небесной болѣзни. Этого именно я и

боялся, и не хотѣлъ. Я смутно чувствовалъ, сквозь юношескую удалъ, что и самъ не вполне выѣчился — если только это болѣзнь.

Въ первый же вечеръ, когда мы цѣлой компаніей гуляли въ паркѣ надъ Днѣпромъ, я постарался остаться наединѣ съ которой-нибудь, съ Анной или Вѣрочкой. Вышло съ Анной.

Мы сидѣли на скамейкѣ у рѣки, надъ нами было черно-синее, лѣтнее небо и различные узоры изъ довольно большихъ звѣздъ. Самъ я отводилъ глаза, боясь чтобы небо не заговорило со мною противъ воли, и я не сталъ бы его слушать, а ей сказалъ:

— Посмотрите. Видите — небо?

— Да, — отвѣтила она робко.

Мой первый вопросъ прозвучалъ довольно глупо; меня даже укололо, что она не разсмѣялась. Тогда я рѣшилъ продолжать съ поэзіей:

— Что говорятъ вамъ эти звѣзды?

Это была и условная поэзія — и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ шелъ къ дѣлу.

Она отвѣтила не сразу. И тихо.

— Я не умѣю рассказать...

— Но говорятъ? Говорятъ? — приставалъ я.

Она опять долго молчала. Я ужъ началъ терпѣніе.

— Да, много... — сказала она.

— Вотъ какъ! Даже много! Послушайте-ка, что я вамъ расскажу...

Я ей вкратцѣ разсказалъ все, что думалъ о небѣ еще годъ тому назадъ. Я увлекся и уже хотѣлъ было прибавить, что теперь мысли мои измѣнились, — какъ вдругъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Анна плачетъ.

— О чемъ вы? — сказалъ я непривѣтливо и подумалъ про себя, что дѣло плохо.

— Я... такъ понимаю васъ... — сказала Анна взволнованно. — Вотъ это именно... я не умѣю выразить... но я все это понимаю.

У меня сердце упало. Если-бъ я ее любилъ — я бы, конечно, тутъ же понялъ, какъ я дерзко глупъ со своимъ мальчишествомъ насчетъ небесъ, и слѣзота прошла бы — вѣдь она сама собою прошла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но я не любилъ Анну.

Я внутренно поздравилъ себя, что придумалъ такой отличный опытъ, и всталъ со скамьи.

— Успокойтесь, Анна Васильевна... Мы еще поговоримъ... А теперь, я боюсь, насъ ищутъ...

Это было ужасно грубо, но я, увлеченный своими опытами, рѣшилъ продолжать ихъ немедленно. Я на глазахъ у Анны сталъ искать уединенія съ Вѣрочкой и безъ особой ловкости увлекъ ее на ту же скамью.

— Ну, что вы хотѣли мнѣ сказать? — торопила она. — Скорѣе, вѣдь всѣ видѣли, какъ мы сюда шли.

— Пускай видятъ.

— Хорошо, но что такое?

— Этого не скажешь въ двухъ словахъ,—неожиданно обидѣлся я.

Она улыбнулась, сѣла рядомъ и проговорила чинно:

— Все равно, хоть въ десяти.

Звѣздные узоры переливались передъ моими глазами, хотя я ихъ и отводилъ. И, къ моему удивленію, я не зналъ, какъ начать разговоръ. Потомъ рѣшилъ, безъ дальнихъ исканій, начать его совершенно такъ же, какъ съ Анной, и спросилъ:

— Что говорятъ вамъ эти звѣзды?

Вѣрочка расхохоталась.

— Такъ это было ваше важное дѣло? О, поэты, поэты!

— Не смѣйтесь, Вѣра Сергѣевна. Подождите. Послушайте, что я вамъ расскажу.

И рассказалъ ей то же, что Аннѣ, только еще короче. Вѣрочка опять усмѣхнулась.

— Ну, что же вы скажете? — спросилъ я.

— Что скажу? Ничего. Я не люблю притворяться, Иванъ Ивановичъ. Мнѣ лѣнь. Пожалуй, можно бы выдумать какія-нибудь поэтическія слова для этой вашей поэтической... или астрономической исторіи, но, ей Богу, мнѣ лѣнь. Мнѣ все равно. Ну, звѣзды и звѣзды. Интересно, конечно... Но мнѣ все равно.

Если бы я ее любилъ < то я бы опять дога-

дался о своей слѣпотѣ, о томъ, что она — изъ породы существъ, которыя не смотрять вверху, и потому для меня не подходитъ, какъ и я для нея; если-бъ я ее любилъ—я бы всталъ и ушелъ отъ нея; но я ее не любилъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки не хотѣлось дѣлать предложенія; однако, стыдъ передъ собой — развѣ я не рѣшилъ? что за пустяки? — заставилъ меня торопливо, давясь, проговорить:

— Вѣра Сергѣевна, угодно вамъ быть моею женой?

Она, кажется, удивилась:

— Это не поэтическая вольность? — спросила она.

Но я не расположенъ былъ къ веселью и легкимъ шуткамъ.

— Угодно вамъ быть моею женой? — повторилъ я.

Она помолчала.

— Если вы серьезно, то... то я подумаю. Или нѣтъ, впрочемъ, все равно: я согласна. Все равно.

Я почтительно поцѣловалъ ея руку, и мы возвратились къ обществу.

Вѣрочка, дѣйствительно, не любила лгать. Она очень искренно сказала это свое «все равно». Родителей у нея не было, какой-то опекунъ завѣдывалъ ея состояніемъ. Замужъ ей выйти, чтобы приобрести самостоятельность, было нужно, а за

другого или за меня — все равно. Я ей меньше нравился, чѣмъ Козицкій, напимѣрь (она сама мнѣ это все объясняла съ дѣтскимъ простодушіемъ), но Козицкій, пожалуй, заперъ бы ее, заставлялъ бы ее быть вѣрной, — онъ самъ ее любилъ. А я... Вѣрочка отлично видѣла, что я ее не люблю, и удивленно говорила послѣ свадьбы: «Знаешь, я не понимаю, зачѣмъ ты на мнѣ женился?» Я конфузился и угрюмо молчалъ: я и самъ этого уже не понималъ больше.

Никакой семьи у насъ, конечно, не вышло, даже медоваго мѣсяца почти не вышло. Мы отправились проводить его въ мою деревушку. Сначала былъ холодъ, у Вѣрочки сдѣлался насморкъ, отовсюду дуло, и ужасно мы другъ другу не нравились, и это выяснилось именно въ одиночествѣ. Потомъ, слава Богу, настали теплые дни, а съ ними налетѣли къ намъ гости, все больше мужчины, студенты изъ Кіева, офицеры — Вѣрочка зажила весело.

Она, я думаю, начала мнѣ измѣнять со второго-третьяго мѣсяца. Почти у всѣхъ людей, и у женщинъ тоже, есть призванія: одинъ чувствуетъ себя рожденнымъ медикомъ, другой — путешественникомъ, третій — чиновникомъ... Ошибки бываютъ, но къ добру не ведутъ, и сила человека — найти свое собственное мѣсто. Вѣрочка была рождена куртизанкой. Настоящей, искренней, наивной, пылкой — жрицей любви. Всякое

дѣло или хорошо, или дурно, смотря по тому, дѣйствительно ли оно принадлежитъ человѣку, который имъ занимается, или нѣтъ. Если бы Вѣрочка пошла въ сельскія учительницы или монахини — это было бы дурно. Но она была куртизанкой, безкорыстной, беззлой, потому что родилась для этого — и такъ было хорошо.

Она, конечно, чувствовала, что это хорошо, но бессознательно: сознанию ея все-таки было натолковано, что это—*всегда* дурно. И потому она, хотя и безъ ощущенія вины, старалась скрывать, первое время, отъ меня и отъ другихъ, свои невольныя измѣны. Скрывала плохо — лгать она не умѣла — и только озлоблялась и опошлялась, ибо чувствовала свое оправданіе и не знала его.

Я ее понималъ быстро, быстрѣе, чѣмъ понималъ бы, если-бъ любилъ ее, былъ въ нее влюбленъ. А тутъ мнѣ ничто не мѣшало. Я видѣлъ, что она озлобляется, мучается мною, начинаетъ ненавидѣть меня, не вольная въ себѣ, а я не зналъ, какъ развязать этотъ узелъ, чтобы не оскорбить ее. У нея былъ крошечный-крошечный умъ, а такія существа легко обижаются, всѣмъ обижаются и тогда безцѣльно страдаютъ.

Я понималъ все это въ тотъ день, когда опять принялъ небо, какъ моего учителя, какъ что-то живое около меня, покорился ему снова — и уже навсегда. Принявъ небо, я принялъ и землю; вѣдь и ее, не зная того, я отвергъ, отвергая небо.

Принялъ и понялъ... Для меня они были — и вновь стали — неразрывны.

Это случилось въ жаркій іюльскій день, когда я лежалъ въ полѣ, на опушкѣ лѣса. Сѣрая земля лиловѣла у горизонта и переходила въ такое же лиловое небо, которое незамѣтно мѣнялось къ зениту, синее насквозь — и потомъ опять, склоняясь къ другому горизонту, мутнѣло, лиловѣло и переходило въ землю. Гдѣ они дѣлились — я не зналъ, да и дѣлились ли? Я лежалъ навзничъ и чувствовалъ только это земле-небо, да жизнь. Кромѣ земле-неба и жизни, то-есть движеній моего сердца — и другихъ движеній другихъ сердецъ, конечно, — ничего не было. Это я почувствовалъ *со знаніемъ* — и стало мнѣ почти легко, хотя и отвѣтственность свою, своей отдѣльной жизни, среди другихъ жизней, я понималъ. Я думаю тогда, въ этотъ моментъ, я въ первый разъ выступилъ изъ младенчества.

Къ осени въ Вѣрочку влюбился одинъ прѣзжій изъ Петербурга офицеръ и, кажется, серьезно. Этого я только и ждалъ. Она была имъ увлечена, и я видѣлъ, что ей непріятна будетъ разлука, она мучается и не знаетъ, что придумать.

Раньше, чѣмъ офицеръ уѣхалъ, я сказалъ ей:

— Вѣра, здѣсь скучно. Хочешь, поѣдемъ въ Петербургъ?

Она вспыхнула и взглянула на меня странно:

точно боялась, что я ее ловлю, замышляю зло. Я поспѣшно прибавилъ:

— Мнѣ необходимо, Вѣра. Дѣла...

Другая, болѣе «добродѣтельная» женщина, радовалась бы такому удобному мужу, держалась бы за него; но ея прямому характеру это претило, да и не понимала она ни меня, ни себя и мучилась, — я это видѣлъ.

Мы приѣхали въ Петербургъ въ октябрѣ, остановились въ гостиницѣ. О квартирѣ я говорилъ, — но глухо, я зналъ, что надо скорѣе все кончить.

Вѣра пропадала по цѣлымъ днямъ. Вечеромъ мы сходились, и я все хотѣлъ начать и все не зналъ какъ, боясь ее обидѣть. Съ того дня, въ полѣ, — она мнѣ стала дорога, какъ всякая жизнь, всякое дыханье. Все право, что живо.

Пока я собирался, Вѣра, которая была прямою, рѣшительнѣе меня, сама не выдержала.

— Гдѣ ты была? — спросилъ я ее какъ-то, безъ всякой мысли, просто, чтобы сказать что-нибудь.

Она вспыхнула.

— Что это за вопросъ?

Я не отвѣтилъ, да она и не ждала отвѣта. Вдругъ озлобившись, видимо измученная, она стала нападать на меня, неумно, дико — и естественно.

— Я знаю, знаю, что ты думаешь! Ты ду-

маешь, что я видѣлась съ Анатолиемъ Ильичемъ! (Такъ звали офицера). Не могу я выносить твоихъ взоровъ! Что это за подлая мука! Намъ надо, наконецъ, объясниться, Иванъ Ивановичъ!

— Ну да, Вѣра, конечно надо, — сказалъ я кротко.

Она, было, притихла, но потомъ опять вскрикнула:

— Я давно вамъ хотѣла сказать, что я васъ не выношу! Мнѣ ложь ненавистна. Я никого не боюсь. Да, я видѣлась съ Анатолиемъ Ильичемъ! Да, я его люблю! Онъ — не вы! Развѣ я не вижу, что и вы меня нисколько не любите? Вы — странный человѣкъ! Вамъ не надо было жениться! Вы заняты вашей астрономіей, или поэзіей, или ужъ не знаю чѣмъ, а не женой! — Я буду вѣрной женою Анатолию Ильичу, если вы дадите мнѣ свободу! Вы должны мнѣ ее дать.

Бѣдная, она искренно цѣплялась за любовь, какъ за оправданье, искренно думала, можетъ быть, что будетъ вѣрной женой. Какъ сказать ей, что я хочу ей ея блага и только о томъ мечтаю, чтобы дать ей свободу?

— Вѣра, не сердись. Я и самъ хотѣлъ предложить тебѣ разводъ, хотя я и не думаю...

— Вы не вѣрите, что я искренно люблю другого, навсегда, вы не вѣрите? — закричала она со слезами, съ отчаяніемъ — и я понялъ, что я ее обидѣлъ. Надо и тутъ лгать?

Я подошелъ къ окну. За чернымъ окномъ было небо, похожее на ничто, на пустоту. Я зналъ, что оно тамъ, но его не видѣлъ, не слышалъ, оно — молчало.

— Что же, лгать?

Небесная пустота, не слышная, не видная, сказала мнѣ: молчи.

И я смотрѣлъ и молчалъ, пока Вѣра не проговорила всего, что хотѣла, и за себя, и за меня, и, успокоенная, пришла къ тому, къ чему хотѣла придти, то есть рѣшила, что я съ нею во всемъ согласенъ и на все согласенъ.

Мы развѣхались почти ласково. Вскорѣ я далъ ей разводъ. Но замужъ она не вышла ни за этого офицера, ни за кого другого. Она въ Парижѣ безвыѣздно, кажется, счастлива; даже навѣрное счастлива: она нашла свое призваніе. Ей все простится — если и есть у нея грѣхи.

VI.

С М Ъ Х Ъ.

Я не пишу послѣдовательной исторіи моей жизни. Это лишь тѣ отрывочные случаи, которые мнѣ наиболѣе памяты и наиболѣе связаны съ небесами.

Я еще былъ очень молодъ, когда въ первый

разъ поѣхалъ за-границу, въ Италію. Изъ младенчества я вышелъ, исторія съ женой сдѣлала меня серьезнѣе, но все-таки порою совсѣмъ дѣтская, неразумная удалъ меня охватывала; и порою я казался себѣ разочарованнымъ искателемъ новыхъ красотъ, почти демонистомъ, что не мѣшало мнѣ бы быть, въ сущности, юнымъ романтикомъ не безъ сентиментализма.

И вотъ я отправилъ въ Италію. Рѣшилъ пооригинальничать, начать съ конца. Проѣхалъ Германию, Австрію, всю Италію насквозь, не останавливаясь нигдѣ, даже въ Неаполѣ, сѣлъ въ Реджіо на пароходъ и открылъ глаза только въ Сициліи.

Такъ я и сдѣлалъ. Даже въ окна вагоновъ мало смотрѣлъ, въ Неаполѣ, куда пріѣхалъ вечеромъ, сѣлъ тотчасъ же на поѣздъ — и утромъ уже качался на волнахъ Іоническаго моря.

Въ Мессинѣ я тоже не остановился, а проѣхалъ дальше, въ небольшой городокъ; у меня было рекомендательное письмо къ одной всегда живущей тамъ семьѣ.

Была весна. Нѣмецкая семья приняла меня радушно, дала комнату въ нижнемъ этажѣ съ длиннымъ балкономъ надъ крутыми уступами. На уступахъ были апельсиновые деревья въ цвѣту, за ними — леденѣла развалившаяся, широкая Этна, а слѣва, полукругомъ, открывалось высокое-превысокое море, ярче неба.

Сталъ я жить и вскорѣ немного обжился, первое же время я ходилъ, какъ обезумѣвшій, съ открытымъ ртомъ отъ всѣхъ этихъ чудесъ, непривычныхъ и сшеломляющихъ грубо, но сильно. Я не былъ подавленъ, а только изумленъ и почему то очень гордился, что я — тутъ и вижу такія неестественныя вещи.

Гордость и опьяненіе не совсѣмъ прошли, когда я и обжился. Опьяненіе даже исподволь усиливалось, потому что каждый новый день рождалъ новыя цвѣты, новыя цѣпкіе запахи, а также новыя зрѣлища.

Немудрые, но милые, мои хозяева перезнакомили меня съ тамошней иностранной колоніей, равно какъ и съ нѣкоторыми сицилійскими семействами, и я сталъ вникать въ жизнь маленькаго городка.

Ну и городокъ былъ! Весь бѣлый и голубой. Бѣлые домики, точно оплетенные цвѣтами, а внизу и вверху — только голубое, голубое, — небо. какъ море, море, какъ небо. Потомъ я понималъ, что такое море: это земля, притворяющаяся небомъ, подражающая небу: только черты неба — солнце, луна, звѣзды, а также и мысли неба — облака — всегда въ немъ не чисты, а исковерканы. Я не люблю море, но въ то время я рѣшительно ничего не понималъ, и мнѣ казалось, что я достигаю вершинъ красоты, блаженства и тончайшей мудрости.

И люди, которые тамъ жили, все чаще казались мнѣ мудрецами, открывающими завѣтныя тайны наслажденій, глубокихъ, великихъ и смѣлыхъ. Изъ иностранцевъ-собственниковъ, навсегда поселившихся въ этомъ городкѣ, семейныхъ почти не было. На выѣздѣ, по уступамъ, лѣпились бѣленькія виллы одинокихъ богачей-американцевъ, англичанъ; было два-три нѣмецкихъ барона; была вилла какого-то графа, не то поляка, не то русскаго. Хозяинъ мой, старичокъ, имѣлъ, впрочемъ, жену, довольно молодую, хозяйственную и экзальтированную нѣмку, сдѣлавшуюся уже похожей на сицилянку; но это была почти единственная женщина среди всего кружка.

Одинъ англичанинъ, самый богатый, молодой, громаднаго роста, мистеръ Миддль, велъ себя немного отчужденно; говорилъ мало, иногда совсѣмъ не приходилъ туда, гдѣ мы собирались, на виллѣ его я еще не былъ, а про нее рассказывали чудеса. Извнѣ — ничего особеннаго, бѣлыя стѣны, изъ-за нихъ чуть видна крыша небольшого домика, затаютаго блѣдными глициніями. Стоялъ этотъ домикъ въ сторонѣ, почти у самаго подножья сѣрой, скалистой горы, Monte Venere. Когда я встрѣчалъ на узенькой городской улицѣ мистера Миддля, громаднаго, сосредоточеннаго, вѣжливо-молчаливаго, почти таинственнаго — я кланялся ему съ уваженіемъ, со страннымъ замираніемъ сердца, похожимъ и на сомнѣніе и

на зависть. Мнѣ вспоминались мои недавніе, неудачные романы — и всѣ женщины казались мнѣ такими плоскими, пошлыми, и всякая любовь къ нимъ — пошлой, сѣрой, уродливой. Развѣ есть, можетъ быть въ подобной любви что-нибудь ответственное красотѣ здѣшнихъ цвѣтовъ и всего этого сказочнаго, бѣло-голубого города? Нѣтъ, здѣсь все должно быть особеннымъ, необыкновеннымъ, утонченно прекраснымъ, смѣлымъ до дерзости. И я чувствовалъ, какъ я самъ утончаюсь, забываю все на свѣтѣ и только обожаю красоту, да ненавижу пошлые, старые пути.

И вотъ однажды мистеръ Миддль пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ, — обѣдать.

Хозяйка наша волновалась и рассказывала мнѣ въ сотый разъ о красотѣ виллы мистера Миддля. Я, кажется, тоже волновался цѣлый день. Съ утра мы разбирали цвѣты, которые накануне нанесли моей хозяйкѣ знакомые изъ города, туземные друзья изъ окрестныхъ деревень по случаю дня ея рожденія (она была довольно популярна). Я, можно сказать, объѣлся цвѣтами; но не только не получилъ отвращенія къ нимъ, а какъ то животнo наслаждался, перебирая тонкіе, шелковые лепестки, нѣжные, точно шейка ребенка. Мы такъ и не разобрали всѣхъ, когда уже наступилъ вечеръ и пора было идти.

Мистеръ Миддль не любилъ позднихъ гостей.

Поэтому онъ и приглашалъ къ обѣду, къ семи часамъ. Чуть-чуть темнѣло, когда мы вышли. Хозяйка моя огорчалась, что теперь новолуніе, потому что вила мистера Миддля еще красивѣе въ лучахъ мѣсяца.

Вила оказалась совсѣмъ не роскошной, не большой. Садъ и балконъ были увиты, улиты цвѣтами до такой степени, и такіе они, цвѣты, были тутъ сильные, громадныя, властныя, — что мнѣ вспомнился рай послѣ грѣхопаденія. Послѣ грѣхопаденія, опустѣвъ, онъ, вѣроятно, разросся пышнѣе; Адамъ и Ева не мяли больше цвѣтовъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь глупенькое и надоедливое щебетанье которой-нибудь изъ правнучекъ Евы было бы не у мѣста; лишало бы всю эту красоту ея таинственного соблазна. Я даже съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на мою хозяйку; но она держала себя скромно и ни на что не претендовала.

Обѣдали на террасѣ, выходящей въ садъ. Освѣщеніе было какое то странное, движущееся, медленно и правильно переходящее изъ краснаго въ зеленое и потомъ опять въ красное. На столъ подавали молодые служители мистера Миддля въ разноцвѣтныхъ сицилійскихъ одеждахъ, длинныхъ, складчатыхъ. Что я ѣлъ и пилъ — не помню; пилъ не много, хотя часто видѣлъ около себя пару черныхъ, точно бархатныхъ глазъ и смуглую руку, наполняющую мой бокалъ. И ѣда, и

нитье, казалось, пахли цвѣтами. Я оттого и не могъ ни ѣсть, ни пить, — но все-таки это мнѣ правилось.

Послѣ обѣда мы сошли съ террасы на площадку, освѣщенную тѣмъ же вертящимся верхнимъ свѣтомъ. Мистеръ Миддль оживился, сталъ почти любезенъ.

— Сейчасъ... наша тарантелла... — сказалъ онъ и хлопнулъ въ ладоши.

Изъ темнаго, чернаго сада зазвенѣла струна. Невидимые музыканты заиграли тарантеллу. Несложный, быстрый и не то что тоскливый, а тяжелый напѣвъ; какъ страсть бываетъ тяжелая.

Танцевали тѣ же юноши въ длинныхъ одеждахъ, на площадкѣ передъ нами. Помню черные, безсвѣтные, безмысленные глаза съ пристальнымъ взоромъ, смоляные кудри подъ алой повязкой и узкую полоску лба, смуглаго, гладкаго, съ крошечными капельками пота. И быстрыя, граціозно-легкія — и все-таки тяжелыя — движенія подъ тяжелый, однообразный и потрясающій напѣвъ.

Мистеръ Миддль тоже плясалъ — и, кажется, мастерски. Пошла на кругъ и моя хозяйка съ другимъ мальчикомъ. Тотъ, темноглазый, въ аломъ, — выбиралъ только мистера Миддля. Плясалъ и графъ, гибкій, нѣжный, длинный, какъ стебель ириса. Если я не плясалъ, то лишь потому, что совершенно не умѣлъ.

Музыканты, уходя, вѣчно-невидные, сыграли какую-то звенящую серенаду, старую сицилианскую.

Быль уже десятый часъ. Ушли и мы.

Дома я, не отвѣчая на длинные возгласы моей хозяйки, простился съ нею и тотчасъ же спустился къ себѣ.

Я не зажегъ лампы и не остался въ комнатѣ, а вышелъ на балконъ. Облокотившись на рѣшетку, я сталъ смотрѣть внизъ, въ черный провалъ, откуда поднимался и ласково душилъ меня тяжелый, какъ запахъ ладана, запахъ апельсиновыхъ цвѣтовъ. Море шуршало въ глубинѣ, направо острилась сѣрая гора богини Любви.

И я былъ влюбленъ. Влюбленъ, какъ никогда, во все, что меня окружало, и въ себя, и въ свою влюбленность.

Тѣло мое ныло, сладко и слабо, и я чувствовалъ его на себѣ все слабѣющимъ, мягкимъ, безвольнымъ, безсильнымъ. Мнѣ казалось, что я достигаю, касаюсь вершинъ красоты, отъ которыхъ пошлость такъ-же далека, какъ я самъ далекъ теперь отъ низкихъ, пошлыхъ людей, съ ихъ грубой «нормальной» любовью на грубой, уродливой землѣ. Новые пути, новыя формы красоты, любви, жизни... Иду къ нимъ, предчувствую ихъ, чувствую ихъ!

Я поднималъ глаза — и увидѣлъ небо.

Въ первую минуту, помню, я ничего не думалъ,

не понялъ еще, но тонкій холодокъ пробѣжалъ у меня по спинѣ.

Отвести взора я уже не могъ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ...

Небо смѣялось.

Въ слѣдующую же минуту я увидалъ и понялъ, что оно смѣется. Черное, чистое, какъ будто звонкое и холодноватое, несмотря на крупныя звѣзды, которыя щурились, мигали, трепетали отъ смѣха. Юный мѣсяцъ готовился закатиться за Этну, почти лежалъ на ея тупой вершинѣ, именно лежалъ, потому что острые концы его, оба, были обращены вверхъ, точно углы улыбающихся устъ. Небо опять говорило со мной, и опять я понималъ, слышалъ его, — и принималъ его судъ надъ собою. Потому что это былъ его судъ — его смѣхъ, такой неожиданный, почти жестокий.

Я глядѣлъ — и съ моего тѣла, и съ моей души медленно сползало что-то теплое, вязкое, разслабляющее и жалкое. Новая красота, новая любовь! Господи, что со мною было? Точно свѣтъ во мнѣ погасъ. Нѣтъ, все это, хоть и грубое — даже нестрашное, а только смѣшное, такое смѣшное, что и я улыбнулся въ темнотѣ. Небо и надо мною смѣялось, и я стоилъ.

Крупный англичанинъ, его обѣдъ въ свѣтѣ вѣтящихся фонариковъ, пзвилистый, нѣжный графъ, шампанское, пахнущее цвѣтами, тупые глаза мальчика въ алой повязкѣ, потъ у него на

лбу, сомнительная музыка спрятанных музыкантовъ, уединенія именитыхъ иностранцевъ, глубокомысленность священнодѣйственная—эта жизнь, эта разползшаяся Этна, и кривляющееся море, на которое никакъ нельзя посмотрѣть, чтобъ не сказать: *comme c'est beau!* и злополучная гора Венеры, куда иногда отсылають уличенныхъ молодыхъ гражданъ, — да, все это — красота мистера Миддля, когда онъ съ серьезнымъ лицомъ подпрыгиваетъ, громадный, въ тарантеллѣ, и тяжелая золотая цѣпь бьетъ его по животу.

И такъ до смерти, отупѣніе, разваливаніе, болѣзнь... не новые это пути и формы, и не людскіе, а старые, обезьяньи. Жалкое возвращеніе назадъ — жалкое и забавное. Я вспомнилъ себя въ позѣ гордаго, блаженнаго, влюбленнаго мудреца — и уже не смѣхъ, а хохоть сжалъ мнѣ горло.

Звѣзды мигали и щурились, но мѣсяцъ коснулся плоской Этны, и только что коснулся — тотчасъ же и упалъ внизъ, едва мелькнули алые кончики. Улыбка исчезла. Небо меня простило.

Черезъ два дня я уѣхалъ во Флоренцію.

VII.

ЖАЛОСТЬ. СМЕРТНАЯ ТѢНЬ.

Какъ то ужасно тоскливъ, вѣрнѣе — утомителенъ этотъ мой небесный дневникъ. Все больше «психологія», а это слово теперешняя молодежь произносить — если-бъ вы слышали — съ какимъ презрѣніемъ! Но что же дѣлать, въ наше время не стыдились «психологій». Можно, конечно, молчать о ней, какъ стараются молчать теперь, но вѣдь она все-таки живетъ въ душѣ, имѣетъ свою цѣну и значеніе, занимаетъ свое мѣсто и, не выказанная, подчасъ давить человѣка. Къ тому же небо у меня такъ связано съ психологіей, а психологія съ жизнью, что я ихъ не умѣю разорвать.

Психологія — да любовь... Право, можно подумать, что эти записи дѣлала женщина, или ужъ завзятый донъ-Жуанъ... Попадаются такіе, въ мое время попадались, особенно среди поэтовъ. Но я нисколько не донъ-Жуанъ. Во всю мою жизнь я любилъ одну женщину — и эта любовь оставила у меня въ душѣ такую горькую борозду, что я радъ былъ забыть любовь, и потомъ очень сторонился женщинъ, которыя мнѣ могли бы понравиться.

Эта моя единственная любовь началась и кончилась небесными словами. Но расскажу очень

кратко, потому что слушать чужія любовныя исторіи тяжело и скучно, только никто въ этомъ никому еще не признавался.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать пять — двадцать шесть. Въ Петербургѣ я имѣлъ занятія, дѣла. Мнѣ жилось не плохо. И все это я бросилъ, и вотъ, въ половинѣ ноября, ѣхалъ въ Римъ. Тамъ ждала меня женщина, которую я видѣлъ передъ тѣмъ всего разъ десять, встрѣтилъ случайно лѣтомъ, на водахъ, о которой я почти ничего не зналъ, даже лица ея не могъ ясно вспомнить, — но которую любилъ.

Мы переписывались, она сказала, что проживетъ зиму въ Римѣ и звала меня туда. Она меня ужасно любила, а мнѣ иногда казалось, что мое къ ней чувство похоже больше на нѣжность, чѣмъ на любовь. Впрочемъ, не знаю, что это было — не все ли равно? Если и нѣжность — то гресмадная, почти страшная, обезсиливающая.

Я подъѣзжалъ къ Риму рано, на зарѣ. На сѣрой, темной, осенней зарѣ. За часъ до Рима я уже всталъ, былъ готовъ и глядѣлъ пристально, не отрываясь, на блѣдную Кампанью изъ окна вагона.

Никогда не видалъ я ее поздней осенью. О, страшная, о, торжественная Кампанья! Ходили понизу живые, медленные туманы, точно тяжелые мертвецы ползали въ тянущихся за ними бѣлыхъ одеждахъ; качались — и вѣрно сухо шур-

шали — у самыхъ оконъ вагона желто-бурые камыши, стѣны камышей, высокихъ и толстыхъ, стволистыхъ, какъ деревья; иногда, точно изъ сѣраго пара сдѣланные, волновались полукруги далекихъ акведуковъ; низина страшная, влажная, безкрайная, погружающая душу въ непонятное, счастливое томленіе, въ тихій, радостный ужасъ. Это мѣсто, гдѣ кажется, что все, что было, все, что будетъ, — есть, гдѣ времени на себѣ не чувствуешь. Но въ этотъ разъ я не могъ совершенно выйти изъ времени, какой то кусокъ меня оставался во мнѣ — и это было еще страшнѣе.

Свѣтлѣло, свѣтлѣло, все бѣлѣли одежды мертвецовъ, и мертвецы тяжело подымались изъ болотъ, выше къ небу, по которому уже пошли стальные, все синѣющія, тѣни. Но въ разсвѣтномъ небѣ не было веселья, оно круглилось тихое, грустное, и чѣмъ больше я на него смотрѣлъ, тѣмъ печальнѣе сжималось мое сердце. Точно не на любовь я ѣхалъ, а на прощанье.

Я говорилъ себѣ, что она любить меня, а если любить, то все хорошо; какая бы она ни была — она будетъ хорошей, настоящей, любовь дастъ ей все, что нужно. А я дамъ ей все, что отъ меня захочетъ ея любовь. Я не жалѣлъ себя, но... вдругъ я увидѣлъ ясно, понялъ, почувствовалъ — что небо меня жалѣетъ. Поѣздъ шелъ все тише; тихой, сырой свѣжестью вѣяло изъ спущен-

наго окна; на краю небесъ я увидалъ всю бѣлую, тихую, большую, съ прозрачнымъ свѣтомъ, утреннюю звѣзду. О, какая она была нѣжная, милая! Крупная, низкая, точно скатившаяся слеза. Небо молчало, оно не могло помочь, потому что должно было совершиться должное, — но я понялъ его печаль обо мнѣ, его любовь и нѣжность. Моя грусть не прошла оттого, что небо меня пожалѣло, но мнѣ стало легче ее нести, — я былъ не одинъ.

Когда я вышелъ въ Римѣ, вздрагивая отъ утренняго холода и внутреннихъ слезъ, — я еще видѣлъ звѣзду въ просвѣтѣ между вагонами. Она тихо скользила внизъ. Но, проѣзжая по мертвымъ, спящимъ улицамъ, я уже не замѣтилъ ея на небѣ. Вѣрно — закатилась.

И цѣлая зима прошла.

Весной мы переѣхали во Флоренцію.

Люблю эти города, какъ можно любить живыя души, а между тѣмъ я радъ, что жизнь больше не привела меня туда — и не приведетъ, вѣдь жизни ужъ почти не осталось, я старъ. Слишкомъ много я тамъ покинулъ, весь мой юный романтизмъ, всякую, мою собственную, личную радость. Хотя, можетъ быть, это все и пустыя вещи, какъ всякая наивность, — но ихъ любишь. Вѣдь любишь глупое дѣтство.

Небо недаромъ меня жалѣло. Всѣ эти мѣсяцы были однимъ слѣпымъ страданіемъ, отъ лжи,

которая то казалась правдой, то ложью, точно фонарикъ крутился на виллѣ мистера Миддля, отъ ненужныхъ отдаваній своей души, отъ сознанія безсилія.

Мое дѣло, мои мысли — все я бросилъ къ чорту. И почти не понималъ, какой грѣхъ творю. Она, женщина, которую я любилъ, была просто хитрый звѣрекъ со своей конченной душой, а я вокругъ нея старался и вѣрилъ — потому что хотѣлъ, — что мы другъ друга слышимъ, и слова у насъ съ нею — одинаковыя. Она меня тащила въ яму, а я былъ убѣжденъ, что мы вмѣстѣ взбираемся наверхъ. Фу, даже писать непріятно. Я радъ, что такъ кончилось; я даже и зла, невольнаго, не смогъ ей сдѣлать.

А кончилось это — и странно — въ одинъ жаркій, безоблачно-ясный, майскій день.

Мы поѣхали съ ней въ окрестности Флоренціи, въ довольно отдаленный поселокъ, на электрическомъ трамваѣ — гулять. Я былъ раньше тамъ одинъ и зналъ, что оттуда тропа ведетъ на гору, въ сосновый лѣсъ.

Было ярко, жарко. Дорога, гдѣ проложены рельсы, узкая, все подымалась между низкими, бѣлыми стѣнами, за которыми тянулись безконечные, сплошные сады, зеленые, блестящіе.

Вагонъ былъ пустъ. Я вышелъ на заднюю площадку и смотрѣлъ на чистое, безъ единаго облачка, небо и зелень. Скоро и конецъ пути. Вагонъ

все подымается, съ высоты видно кругомъ далеко. Я смотрѣлъ, безъ мыслей о томъ, что вижу,— и вдругъ почувствовалъ какую-то легкую дурноту.

Это была даже не дурнота. Просто я подумалъ: не знаю, что это, но должно быть я нездоровъ.

Я вошелъ въ вагонъ, посидѣлъ немного — и опять вышелъ. И опять то же — дурнота или нездоровье. Весь чистый, ярко-синій куполъ неба казался мнѣ — и вотъ опять не казался — покрытымъ тончайшей паутиной копоти. Мѣсто, на которое я глядѣлъ прямо — ничего, но рядомъ, что глазъ захватывалъ сбоку, было съ чернымъ налетомъ. Я перевелъ взоръ на зелень садовъ,— и вотъ, то же самое: зелень почернѣла, хотя оставалась зеленой; но и небо, почернѣвъ, тоже оставалось синимъ.

Мнѣ стало худо. Не знаю, страхъ ли или боль, но что-то заставило меня закрыть глаза, войти въ вагонъ и сѣсть тамъ молча.

Моя спутница спросила:

— Что съ тобою?

— Ничего. Жарко. Отчего ты не выйдешь на площадку?

Она вышла, постояла и вернулась. Я взглянулъ на нее съ жадностью, — но она ничего не сказала. Значить, ничего нѣтъ. Значить, эта земля, эта копотъ затягиваетъ мои глаза, а не небо.

Я опять вышелъ. Небо мнѣ показалось ужасно близкимъ и съ отсвѣтами чугуна. Листья, нед-

вижные, точно пленкой пепла подернулись. И опять было это — точно не было.

Въ это время мы подѣхали. Я ожидалъ, что я не смогу идти, что я упаду навзничь, и небо станетъ сразу землянымъ надо мною; но я не упалъ, даже голова не кружилась, и небо чернѣло медленно, неуловимо, такъ, что на одно мгновеніе у меня была надежда, что все уже прошло. Но когда мы очутились на широкой площади селенія, я увидалъ, что не прошло.

И сразу стукнула, ударила мысль:

— Да это съ солнцемъ что-нибудь!

Я остановился и поднялъ глаза.

— Ты ничего не замѣчаешь? Тебѣ не кажется, что съ солнцемъ...

— Да,—сказала она нерѣшительно.— Пожалуй, дѣйствительно.

Солнце, однако, стояло чистое на безоблачной лазури. Только лучей какъ будто стало меньше, они укоротились и поблѣднѣли.

Въ открытыхъ дверяхъ лавочки я увидѣлъ толстую итальянку. Она тоже глядѣла вверхъ. Двое парней подошли къ намъ. Я спросилъ ихъ о солнцѣ, и они мнѣ объяснили, что должно было быть затменіе, не полное, но почти полное, и оно уже началось. Я удивился, что не зналъ этого. Впрочемъ, я жилъ уединенно и газетъ не читалъ; не пришлось слышать.

Мы постояли, постояли и пошли по улочкѣ, потомъ на гору, по дорогѣ къ лѣсу.

Молчаніе, не полное, полумолчаніе, притиханье было вокругъ насъ. Сѣрые, мертвенно-синія, и все мертвѣющія деревья не шевельнули ни разу ни однимъ листомъ. И пещельные листы казались вдругъ свернувшимися и поникшими. Только сосны стояли такъ же прямо, окаменѣвъ, и всѣ густо-темныя. Изрѣдка птица вскрикивала оборваннымъ крикомъ, похожимъ на всхлипыванье — и опять все притихало въ чернѣющемъ и какъ будто медленно холодѣющемъ воздухѣ, слишкомъ неподвижномъ.

Я молчалъ. Я видѣлъ то, чего никогда не видѣлъ — умирающее небо. Оно, дѣйствительно, умирало, уходило, отступало, медленно обнажая пустоту, черное пространство, о которомъ мы знаемъ, что оно есть, но не видѣли его, потому что насъ покрываетъ синева неба. Пустота, какъ темная пасть, раскрывалась надо мною. Небо умирало, а съ нимъ умирала и земля, неотрывная отъ него, покрывалась трупными тѣнями и пятнами. А съ ними, съ небомъ и землей, угасала и моя жизнь, трепеть моего сердца. Жизнь связана съ ними, какъ они связаны съ нею.

Я зналъ, конечно, что это не смерть, а лишь прообразъ, призракъ, угроза смерти; затменіе пройдетъ; но я не думалъ объ этомъ; не все ли равно, *такое* пониманіе о смерти или сама та-

кая смерть? Умираемъ — земля, небо и я — вмѣстѣ. Чтобъ былъ я — надо, чтобъ были земля и небо. А чтобъ были они — надо, чтобъ былъ я.

Но спокойный ужасъ этого мгновенья, этого умиранья всей твари — ибо и небо и земля — тварь, — не былъ для меня новымъ чувствомъ: это я сейчасъ же понялъ. Какъ будто давнишняя, тупая боль, жившая ранѣе лишь внѣ сознанія, вдругъ вынырнула, собралась въ одно остріе, прорвала преграду между сердцемъ и мыслью, нашла форму, проявленіе, слово. Мои слѣпныя муки, томленье духа и тѣла, — да вѣдь это умиранье души моей, убійство, черезъ меня, земли и неба, это — затменіе, затменіе, затменіе!

Небо говорило мнѣ: ты боленъ, — посмотри на нашу болѣзнь. Ты смертию умираешь, — посмотри, какъ съ тобой умру и я. Кто слѣпъ — на томъ нѣтъ грѣха. А кто видитъ и не принимаетъ — тому нѣтъ прощенья.

И вся моя уходящая, истребляемая мною въ безцѣльныхъ мукахъ ненужной любви жизнь стала для меня драгоцѣнностью, какъ драгоцѣнность — всякая жизнь, единственная, всякой единственной твари. Смертныя тѣни, синіе лучи ходили вокругъ меня; а мѣра силъ жизни была еще не исполнена, конца еще не было, и оттого такая дрожь, такой трепеть обняли тварь. Нѣтъ, жить, жить надо. — видѣть, если есть глаза; это

еще не ангелъ — это демонъ смерти, не успеніе, а убійство; это — затменіе.

Два часа мертвый, сѣрый мракъ сжималъ воздухъ. Воскресеніе было медленное, едва уловимое: только дышать становилось легче, сердце стукнуло громче, да птицы, еще робко, но кое-гдѣ перекликнулись съ радостнымъ недоумѣніемъ. Небо выходило изъ пустоты, возвращалось ко мнѣ.

Моя спутница притихла, какъ птица, но она была не птица, которая воскресла безотчетно лишь съ воскресеньемъ; и не я, понимающій жизнь, небо и землю, какъ это было мнѣ дано, и который воскресъ тоже лишь съ воскресеньемъ; она была — между нами, на половинѣ пути; со своимъ получувствомъ твари и полумыслью человека, она скоро оправилась, зная, что это «астрономическое явленіе, которое обычно, и оно пройдетъ: непріятно въ первую минуту, а потомъ очень интересно».

Она стала говорить, я молчалъ. Она разсердилась — у насъ каждая мелочь вела къ ссорѣ — и надулась, кажется. Мы взошли на гору, недалеко, сѣли. Стало уже свѣтать тогда, и сердце мое ожгло немного. Нельзя было терять времени. Сказать ей все, что я думалъ и чувствовалъ, прямо, я могъ бы только въ одномъ случаѣ, если бы затменіе духа моего еще продолжалось. Вѣдь она бы ничего не услышала. И я сказалъ:

— За что ты на меня сердишься? Я молчаливъ, я думаю о томъ, что намъ надо разстаться.

Она взглянула изумленно. Но я уже понималъ ея взгляды. И продолжалъ:

— Вѣдь ты говорила, что хочешь, по нѣкоторымъ соображеніямъ, остаться ненадолго во Флоренціи. А мнѣ надо ѣхать теперь.

Объ этомъ, дѣйствительно, была рѣчь. Въ своихъ «соображеніяхъ» она путалась, я вникать не хотѣлъ, боялся; но требовалъ, чтобы она ѣхала со мною. А она кричала, что «должна быть свободна», и я уже ничего не понималъ, ибо все судилъ отъ «любви», гдѣ «свободы» никакой не нужно.

— Ты, значить, теперь согласенъ? Ты понимаешь, что я должна чувствовать себя свободной?

Долго мы говорили. Господь съ ней! Только бы не обидѣть ребенка. Нѣжность у меня осталась, одинокая, большая, ненужная. Любви — не было. Она, эта женщина, была моимъ затмѣніемъ.

Она почему-то плакала, много, жалобно, но дѣтскими, какими-то не горькими слезами. Она сама не понимала, о чемъ плачетъ. «Вѣдь эта разлука всего на нѣсколько недѣль!»

Нѣжность-жалость точно солью разъѣдала мое сердце. Если-бъ я плакалъ, можетъ быть не такъ было бы больно. Но слезы не пришли. Я только тѣло мое все время чувствовалъ, и оно такое было тяжелое.

Мы вернулись въ гостиницу задолго до обѣда. Она, измученная, наплаканная, прилегла на высокую кровать противъ окна, у котораго стоялъ диванчикъ. Прилегла, отвернулась къ стѣнѣ и тотчасъ же заснула, крѣпко, вдругъ, точно огорченный ребенокъ. А я, не зная, зачѣмъ, почему, двигаясь безотчетно, взялъ листъ сѣровой бумаги, карандашъ, сѣлъ на диванчикъ у окна, и сталъ рисовать подушки, золотой узелъ ея волосъ, все ея безпомощное, худенькое, маленькое тѣло, складки бѣлаго пикейнаго платья, чуть свисающія внизъ, кончикъ ноги на одѣялѣ.

Я плохо рисую. Я не зналъ, зачѣмъ я это дѣлаю. Но каждую складку, тѣнь на подушкѣ я рисовалъ старательно, точно это было необходимо, точно мнѣ хотѣлось приложить свою руку къ смертной тѣни любви, прошедшей по моей жизни.

Я кончилъ рисунокъ, неумѣлый, но милый и страшный. Мы чаще говорили съ нею по-французски; и я безотчетно подписалъ по-французски:

«Voici mon enfant morte».

Наша разлука изъ двухнедѣльной перешла въ постоянную просто, легко, почти безъ словъ, сама собою. Она даже и не замѣтила, вѣроятно, какъ это случилось. Я все сдѣлалъ, чтобы мой ребенокъ этого не замѣтилъ. Жестокость — слабость. Надо миловать всякую тварь. Я вернулся въ Россію, странный, будто послѣ тяжелой болѣзни. Обращая взоръ назадъ, я понялъ теперь и многіе

факты яснѣе, вѣрнѣе, иначе. Нѣжность окончательно превратилась въ жалость, такую же ненужную ей, какъ и нѣжность.

Затменіе мое прошло. Надо жить. Надо жить.

VIII.

БАРАНКИ.

Предвечернія облака все дробились, высокія, почти неподвижныя и точно доконами, ровными и мягкими, затягивали зеленѣющее небо. Быльмай. Я ѣхалъ въ тряской извозничьей пролеткѣ по Воздвиженкѣ, въ Москвѣ.

Все было дурно, все не удавалось. Мелочи разныя, — но онѣ оплели меня кругомъ, исподволь, и теперь казалось, что не вырваться изъ паутины. Тупое утомленье жизнью, точно ноги затекли въ неудобныхъ сапогахъ.

Можетъ быть, казалось такъ дурно оттого, что со мною ѣхалъ мой товарищъ Володя, котораго я рѣдко видалъ съ университета, но любилъ, и ѣхали мы съ нимъ отъ отца Геронтія, гдѣ я слушалъ опять Володины мысли. Володя говорилъ съ нимъ, и теперь, не переставая, говорилъ со мной, глядя не на меня, а внизъ, на трясущіяся крылья пролетки. У Володи былъ блѣдный, длинноватый носъ, худыя щеки, неровно заросшія черной бо-

родой, губы у него шевелились, и хотя словъ я всѣхъ не могъ разслышать изъ-за треска и звяканья пролетки, и нашей и другихъ, я догадывался, что онъ говорить все о томъ же.

Я уже понималъ, уже достаточно мнѣ дурно, и паутина кругомъ, и подъ ложечкой тошнота, и жить надоѣло, — а онъ все говорить, да говорить... За что? Онъ нашелъ себѣ выходъ — онъ идетъ въ монахи, а вѣдь я не могу идти въ монахи, зачѣмъ же онъ отравляетъ меня? Вѣдь такія минуты не забудутся — уже потому, что я сердцемъ любилъ Володю, всегда вѣрилъ въ него и, потерявъ, все-таки не оторву его отъ души.

Въ это наше свиданіе — вотъ уже недѣлю я жилъ съ нимъ въ Москвѣ — онъ совсѣмъ измучилъ меня. Мы ѣздили по священникамъ, старцамъ, говорили съ ними, говорили между собою, Володя читалъ мнѣ какія-то страшныя книги, и я вѣчно видѣлъ передъ собой его худое, блѣлое лицо съ шевелящимися губами и опущенные глаза. Онъ вызвалъ меня, чтобы «посоветоваться» со мною вотъ именно насчетъ этого своего шага, поступленія въ монастырь, — но съ перваго слова сталъ такъ себя вести, какъ будто рѣшилъ безповоротню и только все объяснялъ мнѣ, почему нельзя иначе. И я уже вѣрилъ, что нельзя иначе. Во мнѣ сердце тяжѣло, и утомленіе жизнью росло. И любовь моя къ Володѣ какъ-то гасла,

замѣняясь въ иныя минуты тупымъ недружелюбіемъ.

— Бѣжать, бѣжать... — повторялъ Володя подъ дязгъ и грохотъ колесъ. — Гниль это, мерзость... Животныя кругомъ — не люди... О мерзость, мерзость!

Зачѣмъ онъ это повторяетъ? Развѣ онъ не видитъ, что убѣдилъ меня? И все съ большей настойчивостью, странно растущей горячностью, — зачѣмъ?

— Нельзя, нельзя иначе, — продолжалъ Володя. — Мракъ вездѣ, задохнись въ этомъ смрадѣ. Да, вездѣ мракъ. Ты понимаешь, что нельзя мнѣ иначе?

Я не отвѣтилъ. По узкой, свѣтлой улицѣ шли люди, снѣжили, мелькали. На домахъ золотились вывѣски. Мальчишка проюркнулъ подъ лошадиной мордой и захохоталъ, подпрыгнувъ. Володя опять говорилъ, но я уже не слушалъ. Меня заняла одна мысль: а если Володя именно потому такъ настойчиво, съ такой возрастающей горячностью убѣждаетъ меня въ своей правотѣ — что самъ не вполне въ нее вѣритъ? Если онъ хочетъ не поощренія моего — а поддержки этому чуточному сомнѣнію? Если онъ не знаетъ, дѣйствительно-ли вездѣ, все — мракъ и отчаяніе?

— Ты слышишь меня, Ваня? — говорилъ онъ. — Ты понимаешь?

— Володя... — началъ я — и остановился.

Господи, какое счастье, если онъ сомнѣвается! Я вѣрилъ въ радость — и вѣрилъ въ Володю. Которую-нибудь вѣру я долженъ потерять. Но если онъ сомнѣвается...

— Володя... — сказалъ я снова.

Онъ разсердился.

— Ну, что? Что ты все начинаешь? Ты слышалъ? Вѣдь ты вѣришь въ Бога? Или хоть понимаешь, какъ я вѣрю въ Него? А ради Него нельзя жить здѣсь, надо уйти, бѣжать, запереться, во тьмѣ плакать о своей душѣ, проклясть всякую радость, ибо радость сотворилъ дьяволъ, а не Господь...

— Володя, Володя, а это... — я указалъ вверхъ, и помню, у меня слезы вдругъ закипѣли въ сердцѣ и прожгли паутину, оплетающую меня. — Вотъ это... тоже дьяволъ сотворилъ?

Никогда не видѣлъ я такого торжества радости въ небесахъ, какъ въ тотъ вечеръ, надъ грязной, узкой улицей. Серебристое руно раскинулось по зеленовато-голубому полю, прозрачному, какъ тихая земная вода, какъ горный камень. Не улыбка даже была въ небесахъ, а только сияющая, радостная ласка землѣ, не торжественное безстрастіе — а любовь близкаго материнскаго взора.

«Все даю вамъ, все ваше, — говорило небо, — какъ и вы мои».

Володя, за мною, въ первый разъ поднялъ глаза на небо.

То, съ чѣмъ боролась и что уже надломила его душа — было сломлено взоромъ небесъ, силой ихъ радостной любви.

Помню, мы такъ и пріѣхали въ гостиницу молча и потомъ цѣлый вечеръ плакали вдвоемъ. И о чемъ плакали — не знаю. Такъ, отъ радости.

IX.

ТИГРОЙ ИГРАЕТЬ.

Я только что узналъ, что изъ-за Остана опять все пошло къ чорту.

Это былъ самый зловредный мужикъ, какого я встрѣчалъ. Упрямъ, золь, трусливъ и тупъ. И на грѣхъ онъ былъ еще старостой и имѣлъ вліяніе.

Задумавъ одно очень серьезное дѣло, которое впоследствии стало дѣломъ моей жизни, я рѣшилъ, прежде чѣмъ отдаться ему совершенно, съѣздить къ себѣ въ имѣніе и устроить тамъ дѣла съ землей и съ мужиками.

Я не хотѣлъ имъ благотворить, а устроиться съ ними по-хорошему, по-справедливому, не теряя своего, не приобрѣтая чужого, какъ равный съ равными. И я натолкнулся на непреодолимые трудности и невольно вспоминалъ Нехлюдова въ

Толстовскомъ романѣ прошлаго столѣтія—«Воскресенье». Очень было похоже, хотя, повторяю, подозрительнаго, барскаго великодушія во мнѣ не было, да и народъ въ Малороссіи, какъ я думалъ, подѣльнѣе, посвободнѣе, посообразительнѣе, наконецъ и времена не тѣ.

Однако, дѣло тормозилось, и я частенько выходилъ изъ себя, особенно когда понималъ, что мутить Остапъ: растолкуешь, изъ силъ выбьешься, сговорились, кажется, поняли, — глядь, Остапъ имъ тамъ опять все по-своему, и опять все надо снова. Я до сихъ поръ не понимаю, ради чего онъ старался, должно быть искренно думалъ, что я его какъ-нибудь обмишуриваю.

То, что онъ былъ трусъ и передо мною тупо трусилъ и подличалъ, меня и бѣсило, а между тѣмъ запугивать его было необходимо. Я невольно впадалъ въ преувеличеніе и порою былъ несдержанъ съ нимъ, что мнѣ самому казалось претивно.

Стоялѣ октябрь, но погода еще держалась.

Я шелъ по двору, къ дворнику Матвѣю, старику, который у сарая рубилъ дрова. Наканунѣ, казалось, все совершенно у меня съ мужиками сладилось; а сейчасъ я узналъ, что они опять на пятый.

Не было сомнѣнія, что это Остапъ.

Дворъ — широкій, пустой, трава пожелтѣла и

стерлась. Я подошелъ къ Матвѣю, который пересталъ рубить. Короткій день кончался.

— Матвѣй, — сказалъ я, не узнавая своего голоса, такой онъ былъ тихій отъ бѣшенства и сдавленный, — сходи, пожалуйста...на деревню... чтобы Остапъ пришелъ ко мнѣ. Чтобъ сейчасъ пришелъ, слышишь?

Матвѣй поглядѣлъ на меня сочувственно.

— Ужъ и хохлы эти! (Онъ самъ былъ русскій). Упрямѣй чорта, прости Господи, а-глупѣй свиньи. Остапъ этотъ — чего баламутить? Не понимаетъ? Поучить бы его, такъ понялъ бы, небось! Душа-то хамская. Вся понятливость въ мордѣ сидить.

— Сходи за нимъ, пожалуйста, — повторилъ я тихо, сквозь зубы.

Матвѣй опять взглянулъ на меня.

— Пойду, пойду, — сказалъ онъ, и мы двинулись съ нимъ вмѣстѣ, я — къ дому, онъ — въ людскую, должно быть, за армякомъ.

Противъ насъ были деревья сада и западъ. Я глядѣлъ внизъ и все сжималъ зубы отъ боли бѣшенства, но, случайно взглянувъ на лицо Матвѣя, увидѣлъ, что оно какое-то красное, багровое. Негольно я перевелъ взоръ выше, на западное небо за садомъ и остановился.

Остановился и Матвѣй.

Послѣ мгновеннаго молчанія онъ произнесъ:

— Ишь ты, небо то! Тигрой пошло! Тигрой, какъ есть, играетъ!

Но это былъ даже не тигръ, а пятнистая кожа пантеры или какой-нибудь скверной змѣи. Пятна не то пламени, не то крови пачкали небо. И они ширились, выступали на чистыхъ мѣстахъ, горѣли, кидались въ глаза, противныя, густыя, тяжелыя, злобныя, звѣриныя.

Я отвелъ глаза — и по землѣ запрыгали «кровавые мальчики», а душѣ стало стыдно, страшно и гадко. Я точно увидѣлъ цвѣтъ, лицо моей собственной души.

— Вотъ что, Матвѣй...— произнесъ я.— Ты, пожалуйста, не ходи нынче за Остапомъ. Завтра утречкомъ сходишь. Тогда я съ нимъ, утречкомъ, и поговорю. Ну его.

Матвѣй, кажется, не одобрилъ моего рѣшенія, но за Остапомъ не пошелъ.

А пятна на западѣ скоро стали гаснуть, блѣднѣть, кожа пантеры посѣрѣла и стерлась, змѣя уползла, небо успокоилось. Успокоился и я.

Х.

СТЫДЪ.

Вотъ еще одинъ, какъ будто неважный и очень «психологическій» случай изъ моей жизни, который вспоминать мнѣ не очень пріятно, хотя я

туть, собственно, не совершилъ никакого проступка, никакого грѣха. Но самыя большія преступленія вспоминаются не такъ тяжело, какъ порою пустая, мелкая неловкость, недоразумѣніе, ошибка самая невинная, другими даже незамѣченная, или замѣченная — но такая, которую и объяснить нельзя отъ ея ничтожности. И такъ она слезивается маленькимъ комочкомъ въ душѣ, и порой, когда начнешь тамъ ворошить — давить не больно, а тошнотно.

У каждаго, самаго почтеннаго, самаго серьезнаго человѣка, повѣрьте, есть такіе комочки; но они ничуть не мѣшаютъ ему быть и серьезнымъ, и почтеннымъ.

Я не могу сказать, по всей справедливости, что въ тридцать слишкомъ лѣтъ я былъ не серьезенъ, или глупъ, или празденъ. Но была во мнѣ одна точка, гдѣ я словно самъ отъ себя отсталъ, и когда ея касалось дѣло, — я и разсуждалъ, и чувствовалъ иначе, то-есть довольно странно чувствовалъ и очень мало разсуждалъ.

Какъ уже сказано — я любилъ только одну женщину, серьезно пошелъ въ любовь только разъ, и съ тѣхъ поръ всѣмъ существомъ сторонился любви, своей и чужой, храня свои силы для иного. Но такъ какъ я былъ красивъ (хотя мнѣ самому лицо мое часто казалось непріятнымъ) и такъ какъ я никогда за женщинами не ухаживалъ, — я имъ нравился, онѣ сами уха-

живали за мною, и сторониться ихъ нужно было съ умѣньемъ, съ настойчивымъ вниманьемъ. Клянусь, мнѣ это не каждый разъ льстило; я знаю, что я не исключеніе; я — какъ всѣ, я, только уходя отъ нихъ, дѣлалъ не какъ всѣ. Но, однако, я испортился, избаловался, всякая женщина мнѣ стала подозрительна: а вдругъ она въ меня влюбится? И во мнѣ являлась брезгливость, самоувѣренность и раздраженіе.

Послѣ пятилѣтней разлуки я встрѣтилъ Владимира, того самаго, который хотѣлъ итти въ монастырь. Свидѣвшись, едва поговоривъ, мы поняли, что ближе другъ другу, чѣмъ думали сами. У насъ мысли шли къ одному и мечтанья были почти одни, и дѣло почти одно, а вскорѣ стало и совсѣмъ одно. И такъ это было чудесно и радостно, что я увидѣлъ, для чего небо тогда пригрѣло насъ своей лаской: для спасенія не насъ однихъ, а и Божьяго дѣла, ставшаго дѣломъ нашей жизни.

У Владимира была жена. Онъ сказалъ мнѣ просто, что она — бѣдная дѣвушка, которую онъ встрѣтилъ случайно, что она ему помогла, когда онъ нуждался въ помощи, и они женились. Я его не спрашивалъ. Я видѣлъ, что ихъ связываетъ прочная, нѣжная дружба и довѣріе; черезъ Владимира и я къ Наталіи Сергѣевнѣ отнесся какъ будто хорошо.

Она была худощава; не особенно красива;

блѣдное лицо съ немного острымъ подбородкомъ, темныя косы, которыя она носила заплетенными и уложенными вокругъ головы, взглядъ твердый и зоркій. Эта твердость мнѣ даже показалась непріятной. Взоръ ея точно искалъ чего то не должнаго въ чужой душѣ, обличалъ и судилъ.

Впрочемъ, это я чувствовалъ лишь первое время, а потомъ, когда она стала обращаться со мною съ добротой, расположеніемъ и дружествомъ, — я уже не ощущалъ холода. Но зато я началъ бояться, что мы съ Владимиромъ незамѣтно утратимъ нашу самостоятельность, потому что — кто ее знаетъ? а вдругъ она энергичнѣе, властнѣе и тверже насъ?

Это уже было мелкогато съ моей стороны. Но вскорѣ и эта фаза прошла, и я просто соскользнулъ въ привычную мысль, что Наталія Сергѣевна «въ меня влюблена», и на этомъ остановился.

Дѣло наше понемногу шло, то неудачно, то опять возникая, требовало вниманія, силъ и любви; съ Володей мы сходились все ближе и, по вѣѣшности, и съ Наталіей Сергѣевной, которая не уменьшала ко мнѣ своего расположенія и нисколько не скрывала его; я же съ тѣхъ поръ, какъ увѣрился, что она въ меня влюблена, сталъ смотрѣть на нее, какъ на всякую влюбленную женщину, вынужденная близость съ нею раздѣ-

ражала меня, добрыя слова не трогали, и знакомое, полупрезрительное, полупольщенное чувство все чаще охватывало меня въ ея присутствіи. Уйти я не могъ, вѣдь пришлось бы уйти отъ Владимира, а онъ былъ моимъ вторымъ я, такъ же, какъ и я для него.

За себя я, однако, не боялся. Человѣческая власть Наталіи Сергѣевны не была для меня опасна съ тѣхъ поръ, какъ Наталія Сергѣевна оказалась слабой, влюбленной женщиной; а ея женская власть не угрожала мнѣ потому, что эта женщина нисколько мнѣ не нравилась.

Такъ я и жилъ на-двое, то увлекаясь дѣломъ, радуясь, мучаясь и размышляя, работая и уставая, то, вспомнивъ, что эта умная женщина въ меня влюблена, — раздражаясь, сожалься, полупольщенный, думая только о томъ, какъ бы не сказать ей лишняго слова, чтобы не дать напрасныхъ надеждъ.

И вотъ, одинъ разъ, уже въ маѣ, когда начались длинныя бѣлыя ночи, я пришелъ къ нимъ вечеромъ и засидѣлся. Владимиру нездоровилось. Въ первомъ часу онъ сказалъ, что ляжетъ.

— А ты, Ваня, кончи этотъ разговоръ съ Наташей. Она тебѣ покажетъ письма, о которыхъ я тебѣ говорилъ.

Я остался. Въ комнатѣ, гдѣ мы сидѣли, портьеры были откинуты, потому что не смеркалось,

и въ бѣловато-синемъ свѣтѣ я видѣлъ лицо Наталіи Сергѣевны, казавшееся еще блѣднѣе. Она, неторопливо двигаясь (у нея всѣ движенія были спокойны), подошла къ столу, вынула и пода-ла мнѣ дѣловыя письма, которыя я и прочелъ у окна.

Потомъ мы стали говорить о дѣлѣ, потомъ о Владимірѣ. Она говорила не громко, но быстро, съ сживленіемъ. Я все время помнилъ, что она въ меня влюблена, а потому не могъ съ искреннимъ увлеченіемъ говорить ни о нашемъ дѣлѣ, ни о Владимірѣ. Но я слушалъ ее, находилъ опять, что она очень неглупа и дѣльна, и въ душѣ рождалось сложное чувство волненія, фатовства и зло-сти, чуть чуть презрительной.

Не помню хорошенько, о чемъ мы говорили. Кажется, въ концѣ концовъ, обо мнѣ. Она вспомнила, что еще въ началѣ нашего знакомства предсказывала, какъ мы сойдемся и какъ я увлекусь дѣломъ.

Я прохаживался по комнатѣ.

— Да, потому что вы хотѣли сближенія со мною...

— Конечно, хотѣла, — сказала она.

Такая откровенность даже удивила меня. Я испугался, не сказалъ ли чего лишняго. И опять свелъ разговоръ какъ будто на дѣла, въ сущности нисколько о нихъ не думая; и всѣ слова мои и тонъ ихъ, — все шло отъ одной мысли, что,

вотъ, ты въ меня влюблена, а я въ тебя не влюбленъ, но такъ какъ я сношеній съ тобою порвать не могу, то я буду очень-очень деликатенъ, а ты это пойми, вѣдь ты умница.

Тутъ я даже великодушно польстить ей былъ готовъ.

Такъ мы говорили долго, потому что это свиданіе ничуть не казалось мнѣ непріятнымъ.

Но совсѣмъ посвѣтлѣло, пора было разстаться. Высокое окно и балконная дверь выходили на площадь и на восточную сторону неба. И неба очень было много, потому что за площадью начинались какіе то лустыри.

Натація Сергѣевна встала и пошла впереди меня къ выходу. Я шелъ за ней, тихонько ступая. Хотя мы не могли потревожить Владимира, — снальная его была далеко, — но отъ разсвѣтной, глухой ночи, отъ тишины кругомъ, — мы все время говорили вполголоса, и это придавало таинственную значительность нашей, въ сущности простой, бесѣдѣ. Вѣдь я и раньше зналъ, что она въ меня влюблена. Но никогда мои слова не дышали такимъ откровеннымъ признаніемъ ея влюбленности.

Полупечальный, полудовольный я шелъ за нею. Помню ея узкій станъ, свѣтлое суконное платье, черныя косы, гладкія, сложенные вокругъ головы, и голову, немножко наклоненную впередъ.

У самой двери она пріостановилась, обернулась къ окнамъ и сказала очень просто:

— А солнца нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Должно быть. Теперь ужъ поздно.

— Нѣтъ. Когда оно есть — оно здѣсь. Сегодня его нѣтъ.

Она смотрѣла на небо прямо, повернувъ къ нему лицо.

Посмотрѣлъ и я.

Небеса были чистыя, зеленыя, тѣневыя. Но на востокѣ, внизу, лежала полоса облаковъ, бѣлыхъ, покойныхъ, тяжелыхъ, твердыхъ, точно каменныхъ и срѣзаны они были ровно, ровно. Ни малѣйшаго солнца не было, да и не могло быть. Поверхъ этой ограды небо горѣло нѣжнымъ, розоватымъ огнемъ.

Мнѣ ли не знать моего родного неба? Мнѣ ли не понимать, что говорятъ его черты? Я съ ними жилъ, я къ нимъ привыкъ.

Лицо небесъ горѣло отъ стыда.

Огонь перешелъ и на мое лицо. Можетъ быть, это только отблескъ. Но нѣтъ, Наталія Сергѣевна была попрежнему блѣдна. А взоръ ея — спокоенъ и твердъ.

Хотя онъ былъ обращенъ на небо, а не на меня, я понялъ, что и меня онъ нищетъ и судить и, можетъ быть, прощаетъ, а это самое невыносимое. Я понялъ съ проклятой ясностью, что держалъ

себя постыдно, говорилъ, какъ дуракъ (я уже тутъ не скупился на слова), какъ фать, какъ мальчишка, какъ гимназистъ, какъ офицеръ... какъ кто еще? потому что она въ меня — ни капельки не влюблена. А видѣла прекрасно, что я въ этомъ увѣренъ. Да откуда у меня эта увѣренность? Только потому, что другія влюблялись въ меня. Она была добра, она горячо относилась ко мнѣ... И вотъ, я...

Но почему, если видѣла, что я держу себя шуткомъ, почему не сказала, что это не такъ?

Здравый смыслъ шепнулъ мнѣ, что ея словамъ я все равно бы тогда не повѣрилъ. Да и, наконецъ, можетъ быть, она жалѣла меня. Или, можетъ быть, у нея были свои цѣли. Молчаніе было ея право.

Я не могъ дальше выносить этого. Я рѣшилъ все ей сказать, сейчасъ же объяснить, казнить себя, просить прощенья. Въ неосвѣщенной передней я протянулъ ей руку...

Но она не замѣтила въ темнотѣ моей руки, да и я не выговорилъ никакихъ словъ, не нашель. Какъ бы я ихъ могъ найти, когда ихъ нѣтъ для такихъ объясненій? Всякое слово только усилило бы ужасъ стыда между нами. Все происшедшее таково, что какъ-будто оно есть, и даже перевертываетъ человѣка, а между тѣмъ какъ-будто его и нѣтъ. Формы для него нѣтъ, способъ для выраженія его между двумя — нѣтъ.

И такъ я и ушелъ, въ свѣтѣ, сдѣлавшемся желтымъ, въ полной безпомощности.

Объясниться было нельзя. Пережить въ молчаніи, — казалось, тоже нельзя, а это бы и слѣдовало сдѣлать. Но слишкомъ стыдъ меня заѣлъ, я почти возненавидѣлъ Наталію Сергѣевну, и одна была надежда успокоиться, думалось мнѣ, это—чтобы она все-таки сказала мнѣ наконецъ:

«Да я вовсе въ васъ не влюблена!»

Мнѣ думалось, что если я ее доведу до этихъ словъ, то какъ-то унижу, и потому самъ немножко оправлюсь. А то задохнусь.

Вотъ какая въ наше время сложная была психологія, пожалуй, безцѣльная сама по себѣ; однако, насъ она воспитывала.

И я сталъ почти грубъ съ Наталіей Сергѣевой. Чѣмъ она была кротче и спокойнѣе, тѣмъ я грубѣе. Она пыталась уговаривать меня — я бѣсился еще пуще. Я, уже почти неправдоподобно, показывалъ ей, что знаю, какъ она въ меня влюблена, а во мнѣ никакой любви нѣтъ, и охоты къ сближенію нѣтъ. До того зарвался, что даже — прости меня, Господи! — сказалъ, что и вѣры въ успѣхъ общаго дѣла нѣтъ, благодаря недовѣрію къ ней.

Она какъ будто опечалилась.

— Зато Володю вы любите и вѣрите ему.

— Да онъ то меня не любитъ!

Просто самъ не знаю, что говорилъ.

— Ну вотъ, мы васъ оба любимъ, — говорила она, будто утѣшая. — Это у васъ пройдетъ.

И такъ я и не добился своего. Ни на іоту не измѣнилась она ко мнѣ, ни разу не оборвала, даже взоръ опускала. Неуязвимая какая-то. Думаю, много она понимала, а вотъ этого, послѣдняго, что со мною было — не поняла. Рѣшила, что я неизмѣненъ въ своей увѣренности. И зачѣмъ она позволяла, чтобъ я считалъ ее влюбленной? Жалѣла ли она меня? Или у нея были свои цѣли?

Шелъ отъ нихъ передъ вечеромъ, такія были длинныя, спокойныя тучи на небѣ и тянулись онѣ тихо къ югу, къ дальнему морю, должно быть. Захотѣлось и мнѣ успокоиться, отдохнуть, пережить эти пустяки, да такъ, чтобы ужъ ни къ чему такому не возвращаться.

Я уѣхалъ на три мѣсяца. Съ Владимиромъ встрѣтился осенью радостно, съ Наталіей Сергѣевной благодарно. Подозрительное, презрительное и раздраженное чувство къ женщинамъ у меня съ тѣхъ поръ почти исчезло.

Жили мы съ Владимиромъ и его женою почти одною жизнью, одной работой; они были моими единственными помощниками; ближе, кажется, и нельзя быть; а все-таки всю жизнь между мной и Наталіей Сергѣевной чувствовалось что-то невыясненное, закиданное сверху годами, событиями, ничтожное само по себѣ, но мучительное

тѣмъ, что ни съ какимъ словомъ къ нему не подступишься и вообще ничего съ нимъ сдѣлать нельзя.

XI.

УЩЕРБЪ.

Я старъ. Я даже не помню хорошенько, сколько мнѣ лѣтъ: девяносто ли два, или три, а то, пожалуй, и меньше.

Я одинокъ. Володя и Наталія Сергѣевна умерли. Дѣло мое и кое-кто изъ помощниковъ, учениковъ нашихъ — живы; но я самъ отошелъ отъ него и отъ нихъ, когда далъ все, что имѣлъ, и силы упали. Оно живо, оно растетъ уже безъ меня, а я исполнилъ мѣру моихъ силъ и кончилъ все свое.

Я не хочу писать объ этомъ дѣлѣ моей жизни здѣсь, теперь, хотя оно, какъ и все, рождено отъ неба. Но рождено не однимъ какимъ-нибудь моментомъ, не мгновенно мелькнувшимъ выраженіемъ небеснаго лица, — а всей моей жизнью на землѣ подъ небесами. Небесами, непонятно переходящими въ землю, землею, такъ же неуловимо и непонятно переходящею опять въ небеса, и чувствомъ моей жизни въ нихъ, между ними, ими, — страннымъ чувствомъ — со знаніемъ. И чтобы говорить о томъ, что я дѣлалъ и сдѣлалъ

въ эти лучшія тридцать-сорокъ лѣтъ моего житія—мало отрывочныхъ небесныхъ словъ, нужны къ нимъ и слова земли, и слова жизни.

Я не найду ихъ, я ужъ старъ. Кто-нибудь найдеть, скажетъ, напишетъ; не обо мнѣ, что я? меня никто не знаетъ, — а о дѣлѣ; оно живо, ему слава и радость.

Радость и во мнѣ, постоянная и неподвижная, какъ безсолнечный, безтѣнный свѣтъ. Я совсѣмъ одинъ, но это я невѣрно сказалъ, что одинокъ. Никогда не бываю я одинокъ. У меня большія, большія окна, которыя я не завѣшиваю, на площадь. На площади церковь, а за церковью — восходъ. Я сижу въ креслѣ у камина долго, поздно; огонь чуть дышитъ, ноги у меня подъ толстымъ пледомъ, я сталъ зябокъ, а спать хоть и не ложиться—все равно бессонница. Сижу такъ, а передъ утромъ, ужъ небо посвѣтлѣетъ, встанетъ изъ-за моей церкви мѣсяцъ, повиснетъ совсѣмъ надъ крестомъ, а я смотрю на него, люблю его. Какой онъ слабый, тощій, и посвѣтитъ то, какъ надо, уже не хватаетъ его, весь исхудалъ и согнулся. Станетъ низко и виситъ, навѣрхъ ползти бодрости нѣту. Къ смерти у насъ съ нимъ дѣло идетъ, и показывается то онъ такимъ старенькимъ поздно, я одинъ его вижу, а молодые спать, имъ силы нужны.

Небо любить свой старенькій мѣсяцъ, небо понимаетъ, какая у мѣсяца смерть. Небо и меня

любить, оно и мою смерть понимаетъ. Что я, что мѣсяць—оба мы одинаковыя дѣти неба и земли.

И даже странно думать, что есть еще гдѣ-нибудь люди, которые до сихъ поръ вѣрятъ, будто жили они съ землею подъ ногами и съ небомъ надъ головой, а потомъ такъ все перемѣнится, что и подъ ними и надъ ними будетъ только одна земля, а неба уже не будетъ. Они, я думаю, просто никогда внимательно не размышляли о непреложности законовъ жизни, а поразмыслить и поймутъ, что законы и для нихъ не измѣнятся.

Земля не отниметъ жизнь, не отниметъ человека у неба. Да и какъ отнять, когда они всѣ трое, небо, земля и тварь, живы лишь другъ другомъ и всѣ *трое* — *одно*?

Что есть — то будетъ. То, — по, можетъ быть, иное, потому что есть измѣняющее все движеніе.

И когда у меня будетъ иная, новая жизнь — будетъ новая земля и будетъ новое небо.

Слава имъ!

ВСЕ КЪ ХУДУ.

Дементьевъ убилъ свою жену.

Годъ производилось слѣдствіе, потомъ его судили и приговорили, — въ виду смягчающихъ обстоятельствъ и въ виду того, что онъ уже одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ въ предварительномъ заключеніи, — только къ церковному покаянію въ дальнемъ монастырѣ.

Срокъ покаянія пришелъ къ концу, а Дементьевъ и не думалъ уѣзжать изъ монастыря, потому что ему рѣшительно некуда было уѣзжать. Въ монастырѣ онъ велъ себя тихо и молчаливо, и только послѣднее время сталъ иногда разговаривать съ казначеемъ, добродушнымъ, статнымъ и чернокудрымъ о. Меѳодіемъ. Весенней порой, передъ сумерками, сходились они на монастырскомъ кладбищѣ и бесѣдовали. Сидѣли на скамеечкѣ подъ сиренями, у могилы кунчихи Бронзовой. Памятникъ хорошій, высокій, наверху урна, подъ урной — стихи. Монастырь былъ хоть и далекій отъ столицъ, но не захолустный и не очень бѣдный; около — уѣздный городъ.

Какъ-то разъ сошлись они, Дементьевъ и о. Меѳодій, на вечерней, весенней зарѣ, и повели бесѣду. О. Меѳодію давно хотѣлось допросить кающагося, какъ съ нимъ приключился грѣхъ,

но тотъ доселѣ все отмалчивался: бесѣдовали они больше отвлеченно.

— Благодать-то какая, Николай Павлычъ! Дружная нынче весна стала, — заговорилъ монахъ, шумно дыша и глядя вверхъ, на желто-зеленое небо, свѣжее и чистое, какъ будто только что вымытое. — Листочки какіе ужъ большіе. А теплынь-то! Небось въ вашемъ Петербургѣ еще снѣгъ полеживаетъ, либо грязница холодная. Не ѣздить бы тебѣ никуда, Николай Павлычъ, остался бы съ нами. Чего еще? Здѣсь тишина, а у тебя душа потревоженная...

— Я и не поѣду никуда, должно быть, — сказалъ Дементьевъ и усмѣхнулся.

Нельзя было угадать, сколько ему лѣтъ: не то мало, не то много. Сѣроватое, худое лицо, сѣровато-бѣлокурая, рѣдкая, кустиками, борода, сѣровато-блѣдные, запавшіе глаза; на щекахъ, когда онъ усмѣхался, — длинныя складки.

О. Меоодій обрадовался отвѣту.

— Не поѣдешь? Вотъ бы хорошо! Постригся бы съ Божіей помощью, и прожилъ бы свое время въ тишинѣ.

— Нѣтъ, я постригаться не стану, о. Меоодій, — сказалъ Дементьевъ. — А такъ... надоѣла мнѣ вся эта канитель. Уходить некуда... не къ чему... и жить здѣсь — тоже не къ чему. Тебѣ я,

о. Меоодій, пожалуй, скажу, потому что мнѣ все равно: я повѣситься задумалъ.

О. Меоодій отъ неожиданности даже затрясся весь, открылъ ротъ и замахалъ руками.

— Что ты? Николай Павлычъ? Христось съ тобой! Каялся-каялся, откаялся — а теперь въ новое грѣшное помышленіе впадаешь? Въ монастырѣ, да вѣшаться? Подумалъ бы! И съ чего?

— Ну я изъ монастыря въ роуцу уйду, къ рѣчкѣ. Не кричи. Ты добрый человѣкъ; добрый человѣкъ, слыша про это, не долженъ кричать; а если онъ еще и умный — такъ онъ сочувствуетъ, понимаетъ.

— Грѣхъ твой, что-ли, тебя замучилъ? — спросилъ о. Меоодій уже тише.

— Какой грѣхъ! Я и не каялся никогда, что убилъ Марью. Вышло такъ — и отлично.

О. Меоодій хотѣлъ было ужаснуться и начать объяснять собесѣднику его заблужденіе, но любопытство превозмогло все, и онъ спросилъ:

— Да какъ оно случилось-то? Приревновалъ ты ее, что ли? Ахъ ты, Господи Иисусе Христе!

— Я бы тебѣ рассказалъ, о. Меоодій, да вѣдь ты не поймешь. Ты, вонъ, во-первыхъ, все о грѣхѣ да покаяніи...

О. Меоодій немного обидѣлся.

— Ты, Николай Павловичъ, мою душу не знаешь. Думаешь, меня сомнѣнія не посѣщаютъ? Всего бывало. Молчишь только, конечно. Теперь

оно рѣже, а какъ въ молодости-то начнутся мысли, какъ начнутся мысли... Я и нынче отъ многаго не отказываюсь.

— Да не оттого... Такъ. Какой бы ты ни былъ, хоть семи пядей во лбу... А лишнее это. Все равно, вѣдь, никакого сообщенія между людьми нѣту.

— Это вѣрно, нѣту, — оживившись сказалъ о. Меодій. — Я и самъ думалъ, еще когда въ міру жилъ, лавка у отца въ городѣ была. Никакого сообщенія. Ты человѣку свое толкуешь, — а у него свое на умѣ, что — невѣдомо. И знаешь про это, а все силишься, толкуешь. Вотъ за то и хорошо въ монастырѣ. Какое у насъ здѣсь сообщеніе? Самое малое. Съ братьями о самомъ простомъ покалякаешь, о. настоятелю дѣла доложишь, книги покажешь, — вотъ и сообщеніе. За то у насъ съ Богомъ сообщеніе въ молитвѣ. Каждый по-своему, про свое, Господу говорить, ужь Онъ, Вседержитель, разберетъ. А между людьми издавна сообщенія. Мнѣ думалось, дьяволъ сѣтки вездѣ натянулъ.

— Ну вотъ видишь, — сказалъ Дементьевъ. — Самъ говоришь — нѣтъ, зачѣмъ же меня просишь про жену и про все рассказывать? Такъ, изъ любопытства просишь. Да ничего, мнѣ уже все равно.

— Нѣкое малое сообщеніе существуетъ, — проговорилъ, смутившись, о. Меодій. — Вотъ,

напримѣръ, я тебя полюбилъ, — а ты какое слово сказалъ мнѣ: повѣшусь. Я долженъ постигнуть, зачѣмъ ты его сказалъ.

— Да какъ разъ этого-то и не постигнешь. Тутъ ужъ каждый на свою совѣсть рѣшаетъ. А дѣло мое короткое, скажу — и понимай какъ хочешь. Жена моя, Марья, была женщина большая, грязная, крикунья. Жили восемь лѣтъ вмѣстѣ. И такъ она мнѣ надоѣла, такъ надоѣла... этого рассказать нельзя. Женился я на ней студентомъ, въ жильцахъ жилъ у ея матери. Совсѣмъ молоденькій былъ, и монахъ — какихъ у васъ въ обители ни одного нѣтъ. А эта «Машечка» стала ко мнѣ по вечерамъ въ комнату ходить и цѣловаться. Она куда старше меня была, но еще ничего, недурна какъ будто, — да и что я понималъ? Ну, дальше-больше, она о томъ, что мы женимся, съ полной увѣренностью говорила, у меня же разныя въ головѣ благородства, ну и женились, очень скоро. Слушаешь, о. Меоодій?

О. Меоодій молча, со значительнымъ видомъ, кивнулъ головой.

— Моя мать жила въ провинціи — умерла. Марьяна тоже умерла невдолгѣ. Денегъ никакихъ не было. А у Марьи каждый годъ дѣти, да гадкія такія, больныя, все умирали, а она радовалась. Университетъ я сразу же бросилъ, поступилъ на желѣзную дорогу, сорокъ рублей получали, да квартирку — двѣ комнаты и кухня. Изо

дня въ день и пошло. Уйду съ утра, работа глухая, каторжная, — приду — она оретъ, ругается, вонь... Чѣмъ ни попадя въ меня швыряетъ, просто бѣшеная баба, такая злобая. Лицо даже масляное отъ злобы. И я сталъ понемногу ругаться. Прачешную у себя завела и язвить: «вотъ, молю, интеллигентные люди какъ жену держать! Ужъ отольются тебѣ мои слезки, студентъ на патентъ!» А потомъ грязныя слова войдутъ.

О. Мееодій покачалъ головой.

— Экъ она, бабья-то злоба! За то и хорошо въ монастырѣ, что нѣтъ ея тутъ, бабы!

Дементьевъ продолжалъ.

— Да что расписывать. Просто у меня въ головѣ началась какая-то тупость, понемножку сначала давило, потомъ все больше и больше. Надоѣла она мнѣ, такъ надоѣла!

Даже теперь, когда Марья уже не было въ живыхъ, голосъ Дементьева сдѣлался рѣзкимъ и тоскливымъ.

— Одинъ разъ пришелъ домой; черезъ кухню — къ себѣ. Она за мной, съ мокрымъ полотенцемъ и утюгомъ. Утюгъ на столъ бросила, сама ко мнѣ, оретъ, деньги какія-то спрашиваетъ. Я и не разобралъ. Кричу: убирайся! А она меня мокрымъ полотенцемъ по лицу и утюгъ швырнула. Я этотъ утюгъ, — горячій былъ, — подкинулъ да въ нее назадъ. И такъ ловко попалъ,

прямо въ високъ, она упала, не мучилась ни-
сколько.

— Ай-ай-ай! Господи Боже мой! Экий ты,
Николай Павлович! Да что это? тебѣ бы давно-
ее, вѣдъму (прости Господи!) бросить и дѣло съ-
концомъ.

— Бросишь! Не шла она. Всюду, говорить,
за тобой, по закону. Не шла она никуда.

— Да! Дѣло! Можно сказать!

— Ну, а прислуга видѣла, что я не нарочно,
и что она, Марья, первая въ меня утюгомъ
живаркнула. Оттого меня и оправдали. Я-то самъ
не оправдывался. Говорилъ и на судѣ: «убилъ
нечаянно, не думая — но не жалѣю; почему —
потому что она мнѣ очень ужъ надоѣла».

— Экий ты незадачный, Николай Павлычъ, —
нерѣшительнымъ голосомъ произнесъ о. Меоо-
дѣй. — Баба злая тебя сгубила. Кабы хорошая
жена попалась, жилъ бы теперь поживаль, де-
нежки наживаль, служилъ бы тамъ, что ли...

Дементьевъ усмѣхнулся.

— А я вотъ разсудилъ, что все то же было-бы.
Тутъ-то вся и загвоздка, что все то же. Ну, ока-
залась-бы жена получше, я бы съ ней не восемь,
а восемнадцать лѣтъ прожилъ. Думаешь, съ дру-
гой женой и не ссорились бы? И не распускала
бы она себя? И денегъ бы отъ меня не хотѣла?
И дѣти бы не умирали? Ну было бы мѣсто по-
лучше, ну денегъ больше, — такъ все же не до-

ставало бы. Все то же было бы, только длиннѣе, тягучѣе, и все бы шло хуже да хуже, потому что силъ бы меньше становилось да болѣзни бы пришли, а за ними смѣрть, — своимъ порядкомъ. Теперь, какъ повѣшусь, меня подѣ кусточкомъ схоронять, а то бы хорошая жена памятникъ, въ родѣ вотъ Бронзовскаго, заказала. Такъ развѣ не все равно?

О. Меѳодій молчалъ.

— Ты этого, о. Меѳодій, не знаешь, а я тебѣ скажу, что посмотрѣлся я на разныя жизни, и все-то то же самое. Всякая жизнь — къ худу идетъ. Бываютъ тамъ радости по дорогѣ, а направление одно у всѣхъ — къ худу. Общее-то направленье. Сначала, въ молодости, выдумашь себѣ и то и се, не понимаешь, что къ худу, а какъ начнется, — да поймешь, тогда ужъ ахъ, не поскачешь. Ты говоришь «незадачный». Ну, а Наполеонъ — слыхалъ про него? Кажется, задачный былъ. А и у него все, даже хорошее, къ худу шло; и пришло худое, и такъ и докатилось до послѣдняго худа.

— Да вѣдь жизнь-то длинна, — неувѣренно сказалъ о. Меѳодій. — Вотъ теперь избавленья ты, Николай Павловичъ, отъ бабы этой, теперь и живи съ Богомъ. Начинай, коли грѣхъ-то не давить тебя.

— Какъ это начинать? Службу ѣхать искать? Жену новую высматривать? Чтобъ опять все въ

родѣ того же пошло и къ тому же пришло? Нѣтъ ужъ, о. Меѳодій. Ужъ тянулся изо дня въ день неизвѣстно для чего, а ужъ больше не могу. Я за восемь лѣтъ всю жизнь прожилъ, которую другіе за пятьдесятъ проживаютъ. Ту же самую, только у нихъ жиже, а у меня гуще, ну не такъ надолго и хватило; понялъ я ее, жизнь-то матушку. Ты, о. Меѳодій, извини, тебѣ мірская жизнь далека, такъ ты и не разсуждай.

— Да что далека? Къ худу-то она, это правда твоя, къ худу всякая. Если разсудить, такъ ужъ гдѣ-жъ къ хорошему? За то въ монастырѣ-то и благо намъ, что мы ужъ и не мечтаемъ, а сразу готовимся къ пріятію. А вотъ что скажи мнѣ, Николай Павлычъ. Вѣдь, можетъ, ты самъ не знаешь, а, можетъ, наслана на тебя теперь эта духота отъ того, что ты все-таки человѣка убилъ? Неужели никогда не каялся?

— Что велѣли — исполнялъ. А душой — не каялся. Просто вотъ и не думаю, что убилъ. Точно не убилъ.

О. Меѳодій задумчиво поглядѣлъ на темнѣющее небо и кашлянулъ.

— Такъ-таки и не было душевнаго раскаянія? — спросилъ онъ строго.

— Говорю тебѣ, точно и не убивалъ.

О. Меѳодій наклонился къ собесѣднику и проговорилъ таинственно:

— Значить, другъ любезный, ты никого и не убиваль.

Дементьевъ удивился.

— А Марья?

— А Марья — и не было никогда. Вотъ послушай, какія меня мысли однажды посѣтили. На духу не говорилъ, а тебѣ скажу. Есть притча въ Евангеліи, что посѣяль сѣятель сѣмена добрыя, а врагъ пришелъ ночью и посѣялъ между ними плевелы. И взошли и тѣ, и другія, а сѣятель не велѣлъ вырывать плевелы, а чтобы росли пока вмѣстѣ. Плевелы-то — врага созданіе, такъ? А пшеница — Божіе. Вотъ и смекай. Всѣ вмѣстѣ ростемъ. Богъ-то создалъ человѣка съ душой, — неужели врагъ тоже душу можетъ создать? Онъ для виду только, для искушенія создалъ. Какъ будто люди ходятъ — анъ нѣтъ, плевелы, вражье созданье, марево одно, паръ, для божьихъ дѣтей искушенье. Они и не чувствуютъ себя, имъ все равно, лишь бы искусить да пропасть. Вотъ и Марья твоя такая была. Не Богомъ созданная. Искусила тебя и пропала.

Дементьевъ слушалъ-слушалъ внимательно, потомъ усмѣхнулся.

— Видишь ты, что надумаль! Да эдакъ...

— Эдакъ, скажешь, мы съ кѣмъ что хотимъ, то и дѣлаемъ? — оживленно перебилъ его о. Меодій. — То-то, что нѣтъ! То-то, что не смѣемъ мы этого знать! Не дано — и не смѣемъ! Я,

братъ, понимаю, что и тутъ, въ мысли этой, искушеніе! Я и таю ее, тебѣ только сказалъ, самъ не знаю зачѣмъ. Большое искушеніе! Теперь ужъ рѣдко когда вспомню, — а прежде все, бывало, смотрю на народъ, въ церкви или гдѣ, и думаю: который, молъ, изъ васъ настоящій, отъ Бога, а который вражье марево? Очень искушался.

— Да, — сказалъ Дементьевъ задумчиво. — Однако, нежалуй, лучше и не того... И такъ духота.

— А такъ-то меньше духоты, ей Богу! Ты не смотри, что я монахъ захолустный, я очень рассуждаю. Напримѣръ, былъ у насъ такой случай въ городѣ, — давно ужъ — родила дѣвка ребенка и кинула свиньямъ живого. Сама признавалась, слышала, говорить, какъ косточки хрустѣли. Что-жъ, по-твоему, ребенокъ этотъ настоящій быть? Дѣвка виновата, ну а онъ-то, неповинный, за что на зубахъ свинныхъ хрустѣлъ? Страданіе-то его зачѣмъ? Говорять: какъ это Богъ терпитъ? А тутъ и терпѣть нечего, страданія-то и не было, а ребенокъ этотъ, по-моему, марево безчувственное, для дѣвкинаго искушенія: бросишь или не бросишь? Бросила, врагъ-то и радъ, что заглушилъ своей плевелой Божью пшеницу. Съ дѣвки-то спросится, какъ за настоящаго... — И съ тебя за Марью спросится! — вдругъ прибавилъ онъ неожиданно и горячо. — Она, можетъ, и не настоящая была, однако ты

этого знать не смѣешь. Раскаянья у тебя нѣтъ, а вотъ донимаетъ-же тебя тупость да духота. Сердце-то у тебя ужъ жизни не чувствуетъ. Къ своему худу подкатилось раньше времени.

— Чудной ты, о. Меодій! — сказалъ Дементьевъ. — Еще монахъ, а какія у тебя мысли. Да мнѣ теперь все равно. Самъ ты уразумѣлъ, что мнѣ ужъ не жизнь. Чего-жъ испугался давеча, когда я сказалъ...

— Что удавиться-то хочешь? Это тебѣ опять искушеніе...

— Ну вотъ, мнѣ! Это, можетъ, тебѣ искушеніе. Ты уразумѣлъ — ну и не трогай, оставь. Я, можетъ, и самъ не настоящій, а? Можетъ, дьявольское марево? Что скажешь?

И Дементьевъ усмѣхнулся.

О. Меодій весь съежился и странно поглядѣлъ на него. Совсѣмъ стало темно, и лицо Дементьева едва бѣлѣло подъ сиренями. Оба замолкли и долго молчали. О. Меодию было не по себѣ.

Помолчавъ, онъ зѣвнуль притворно и сказалъ:

— Пора, что-ли, въ дома. Свѣжо становится.

Дементьевъ не трогался съ мѣста и молчалъ. Потомъ сказалъ не громко:

— Видишь, отецъ. И поговорили мы съ тобою, а настоящаго сообщенія между нами не произошло. Каждый о своемъ.

— Нѣтъ, что жь... Конечно, и тутъ онъ, дьяволь, много виновать.

— Да... дьяволь... — Дементьевъ опять помолчалъ. — Спрошу я тебя, отецъ: ты въ Бога вѣруешь?

— Что это, Господи! У монаха спрашиваешь! Въ кого-же вѣрить еще! Вѣрую и исповѣдую.

— Вѣруешь. Ну и что-жь?

— Ну и ничего.

— Вотъ видишь — ничего. Вотъ она гдѣ бѣда, почему у насъ съ тобой сообщенія нѣтъ. Вы вѣруете — и ничего, жизнь себѣ ползетъ къ худу, вы только ушли отъ нея, мимо нея къ своему худу припали. А ужъ если-бъ мы вѣрили, вотъ я-бы, скажемъ, вѣрилъ — ужъ у меня-бы не «ничего!» Ужъ я-бы не допустилъ, чтобъ оно все къ худу шло! Ужъ это-бы у меня перемѣнилось!

— Чего перемѣнилось-то? Самъ говорилъ, — смерть-то твоя вѣдь все равно пришла-бы?

— Смерть? Хорошо разсуждаешь, отецъ! Значить, не вѣришь, что, какъ тамъ у васъ, «смертію смерть поправъ?...» И ты не вѣришь? Вотъ оно, «вѣрю — и ничего!»

О. Меодій смутился, кашлянулъ.

— Ну ужъ ты... Это я вѣдь твои-же слова... А мы вѣримъ. Недостойны мы, конечно... Оттого и бываетъ нѣкоторое смятеніе ума, и страхи... Мы вѣримъ. Какъ-же не вѣрить?

Опять они помолчали.

— Вотъ что, о. Мееодій. Попрошу я тебя... Если случится... Если кончу я гдѣ жизнь... Поймай, поймай, довольно вѣдь мы толковали... Такъ вотъ, если я... Ты ужъ помолись за меня, какъ тамъ знаешь. Помолишься?

О. Мееодій испуганно взглянулъ на собесѣдника и робко проговорилъ:

— Что-жъ... Оно, конечно, не полагается...

— Не полагается? Не можетъ быть! Ну спроси, благословись! Настой, чтобъ позволили! Какъ-же вамъ не молиться? Что-жъ это?

— И многіе находятъ несправедливо. За кого-жъ и молиться? Я благословлюсь у о. настоятеля... Бывали примѣры... — Да что ты, право, Николай Павлычъ! Грѣхъ-то, подумай! Вѣдь отвѣчать надо будетъ!

— Ну, оставь, — устало сказалъ Дементьевъ. — Ужъ перетолковали. Ночь поздняя. Пойдемъ покуда.

Они вмѣстѣ двинулись по темному кладбищу. Воздухъ былъ нѣжный, душистый: пахло весенней землей, тополевыми почками и еще какой-то грустной и томной сладостью, — такъ часто пахнетъ на кладбищахъ. Блѣдныя большія звѣзды задрожали вверху. Дементьевъ шелъ, опустивъ голову. Можетъ быть, онъ думалъ, что и весна — къ худу. Вѣдь кончится ея расцвѣтъ — осенью.

Когда друзья разставались, Дементьевъ еще разъ сказалъ о. Мееодию:

— Ты прости, коли я напугалъ тебя. О чемъ просилъ — не забудь. Не думай, что я, можетъ, чортово марево: я, можетъ, и настоящій...

Не разъ еще сходились они подъ сиренями. Но разговоры не налаживались. А черезъ недѣлю Дементьевъ, точно, повѣсилъ въ дальней роцѣ, у рѣки. Объяснили это тѣмъ, что онъ не имѣлъ средствъ къ существованію и страдалъ ипохондріей. О. Мееодій со слезами просилъ о. настоятеля благословить его молиться за скончавшагося. О. настоятель былъ въ затрудненіи и обѣщалъ снестись съ епархіальнымъ преосвященнымъ. Неизвѣстно, чѣмъ это кончилось.

КАБАНЪ

I.

Сквозь длинный, медленный и сѣрый рядъ годовъ глаза видятъ, какъ со дна сквозь глубоую воду. Обращая взоры къ удаляющейся поверхности воды, къ дѣтству, гдѣ еще мелкую волну свободно проникало солнце, мы видимъ, какъ мутнѣетъ солнце, и всѣ предметы черезъ плотнѣющее стекло водъ кажутся слишкомъ большими, невѣроятными, такими, какихъ не бываетъ. И мнѣ хочется рассказывать, не приближая воспоминаній, не превращая волшебномилыхъ, тусклыхъ образовъ въ маленькія, точныя и скучныя фигурки дѣйствительности. Отдѣльные освѣщенные часы, дни, порой недѣли не буду связывать нарочно тамъ, гдѣ они раздѣлены темнотой въ моей памяти.

Вижу себя на стулѣ у стола, съ подложенной подушкой, чтобы быть выше, выводящимъ по тетрадкѣ прописей фразы: «Книга лежитъ на окнѣ».

Мнѣ хочется написать что-нибудь неожиданное, свое. Я пишу съ трудомъ: «книга лежитъ фъ столѣ».

Это «фъ» меня немножко смущаетъ, потому что прежде, чѣмъ учиться писать, я давно и много читаль.

«Фъ» какъ-то смутно непривычно — но, въ общемъ, я доволенъ и наклоняю голову на бокъ, чтобы хорошенько полюбоваться на то, что написалъ.

Но вдругъ я вспоминаю горькое обстоятельство, мучившее меня цѣлый день вчера и сегодня утромъ, осторожно кладу перо, замѣтивъ при этомъ, что пальцы у меня мокры и блестящи отъ чернилъ, — и начинаю сперва хныкать, а потомъ и плакать. Я не реву громко, но всхлипываю.

Такъ длилось нѣсколько минутъ безъ всякихъ измѣненій. Я былъ занятъ своимъ досаднымъ горемъ. Но въ открытую дверь, шурша платьемъ, вошла мама. Я по шороху ея платья зналъ, въ какомъ она настроеніи, и теперь затихъ слегка, потому что шорохъ былъ сердитый.

Мама прошла мимо, къ окну, и что-то искала тамъ.

Не найдя и возвращаясь назадъ, она произнесла съ серьезностью:

— Это удивительно, Витя, какъ у тебя мало характера. Мнѣ жаль тебя даже. Я не думала, что ты можешь плакать днями изъ-за вздора.

Мнѣ стало стыдно, и я замолкъ окончательно. Видя, что она не уходитъ, а дѣйствительно смотритъ на меня съ сожалѣніемъ и насмѣшливостью, я прибавилъ нерѣшительно:

— Поля... уѣхала.

— Прекрасно, что ты ее такъ любишь, но ты не настолько малъ, чтобы не выдержать разлуки со своей нянькой на мѣсяцъ, особенно если знаешь, какъ ей нужно было ѣхать въ деревню.

— Я знаю. Да вѣдь это долго — мѣсяцъ! А мнѣ играть не съ кѣмъ. Ну да пусть-бы. А еще это-то зачѣмъ? Ну зачѣмъ?

Я опять приготовился плакать. Мама покачала головой.

— Я уже тебѣ говорила, Витя, — начала она спокойно, — что Людмила Ѳедоровна, родственница мадамъ Смирновой, которую я такъ уважаю, дѣлаетъ мнѣ услугу, одолженіе, соглашаясь заняться съ тобою лѣто, пока мы на дачѣ. Осенью ты будешь учиться со мной, а Людмила Ѳедоровна уѣдетъ въ Петербургъ. Теперь-же я больна — можетъ быть, поѣду на воды, Поля уѣхала, и я очень рада, что могу поручить тебя надежному человѣку. А ты портишь мою радость и унижаешь себя передъ Людмилой Ѳедоровной. Ты понялъ меня?

Я посмотрѣлъ на маму, на свои руки въ чернилахъ. Мнѣ было очень стыдно.

— Ну хорошо, — сказала мама, снимая меня со стула. — Поди теперь, погуляй въ садикѣ и подумай о моихъ словахъ. Надо имѣть характеръ.

Я медленно и нерѣшительно сошелъ въ пали-

садникъ. Тамъ пекло солнце. Сквозь маленькія, тонкія и рѣдкія сосенки у забора съ уныло-красноватыми, сухими стволами виднѣлась дорога, сыпучая, желтая, вся изъ глубокаго песку. За дорогой возвышались такіе-же сыпучіе, песчаные курганы, поросшіе все тѣми-же красными, грязно-пыльными соснами. Налѣво, въ отдаленіи, извивались рельсы, ходили поѣзда, а за полотномъ опять песокъ, сосновая роща погуще, сквозь которую чуть бѣлѣлъ большой трехэтажный домъ. Домъ этотъ недавно достался по наслѣдству маминой подругѣ, Лидіи Ивановнѣ, которая тамъ, впрочемъ, не жила, и даже, кажется, еще не была ни разу. У нея, какъ я слышала, былъ въ городѣ пансіонъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. У нея-же мы нанимали и дачу, небольшую, деревянную, на самомъ припекѣ. Все это имѣніе, ради безконечныхъ сосенъ, называлось Основою.

Я слышала, что отецъ, возвращаясь вечеромъ изъ города, бранить нашу дачу, зналъ, что и мама недовольна, а мнѣ нравилось. Мы лазили съ Полей на высокія песочныя горы, проваливались, падали внизъ, катались, какъ по снѣгу. Мы уходили далеко, и мѣста были все новыя. Только на ту сторону полотна, къ большому дому, Поля не любила ходить и даже сказала мнѣ однажды, что тамъ «нехорошо». А мнѣ казалось, что тамъ-то именно и хорошо, и бѣлый домъ съ

ровными рядами неподвижныхъ оконъ такъ и тянуть меня.

Полъ написали, что ея мать опасно больна, и она уѣхала къ себѣ въ деревню, очень далеко. Я остался одинъ. Одному мнѣ не позволяли выходить за калитку палисадника. А тутъ еще гувернантка пріѣдетъ... Какое ужъ гулянье съ гувернанткой? Я зналъ гувернантокъ. Два года тому назадъ мнѣ было взяли французенку, *M-me Hortense*. Толстая, страшная, она только кричала мнѣ пронзительно, когда я игралъ на ковръ въ кирпичики: «*ramassez les briques!*» Потомъ оказалось, что она у себя въ комнатѣ пьетъ водку. Она уѣхала, но, уѣзжая, такъ сильно сердилась и бранилась, что я въ ужасѣ прижимался къ Полѣ, которая, слава Богу, ни на минуту меня не оставляла, даже и при гувернанткѣ. А теперь Поли нѣтъ! Что-то со мною будетъ?

Въ горлѣ опять сдавило, но я удержался, одумался и, заложивъ руки за спину, прошелся по дорожкѣ. На клумбѣ глупо слипались отъ порывовъ вѣтра лиловыя, дурно пахнуція, петунии. Сосенки у забора кидали сѣрую, какъ паутина, тѣнь, почти не похожую на тѣнь, и въ которой было не прохладнѣе, чѣмъ на солнцѣ. Вдали, за полотномъ, высокая роща переливалась верхушками и рокотала издали густо, гулко, мѣрнымъ рокотомъ. Сосны очень суровыя. Но это хорошо. Вотъ у нихъ есть характеръ. А у меня нѣтъ ха-

рактера, боюсь гувернантки, не могу вытерпѣть и реву! Такъ пусть-же будетъ характеръ! Довольно!

Я побѣдоносно прошелся еще разъ по саду, даже на бѣлѣющій вдали, межъ сосенъ, домъ взглянулъ почему-то съ торжествомъ, и побѣжалъ къ мамѣ. По дорогѣ я наткнулся на кухарку Анну, толстую чухонку, которая несла сливки въ погребъ. Сливки разлились, я сконфузился, извинился, умѣрилъ быстроту бѣга и явился къ мамѣ не такъ шумно.

Отецъ только что вернулся изъ города, переодѣлся и сидѣлъ съ мамой въ ожиданіи обѣда.

Къ отцу, болѣзненному и раздражительному, я относился равнодушно, говорилъ съ нимъ рѣдко, и потому теперь не сказалъ сразу мамѣ то, что я хотѣлъ.

— Это невозможно, матушка, — сердился отецъ. — Мало того, что еще въ пеклѣ, въ пеклѣ живемъ, — еще и достать ничего нельзя! Пошли за зеленью въ большой домъ, есть же тамъ огородъ! Не изъ города все до послѣдняго огурца привозить!

Мама усмѣхнулась.

— А вотъ ты попробуй, пошли. Ни за чѣмъ не идуть въ большой домъ. Есть тамъ садовникъ, онъ же и огородникъ, угрюмый и древній старикъ. Зовутъ его Дементій, но прозвали еще почему-то Кабанъ. Всѣ знаютъ Дементія Кабана.

Боятся его всё кругомъ ужасно... И даже не его. Чуть не силой заставила Анну сходить за капустой — увѣряеть потомъ, что капуста какъ каменная, не варится. «Нечисто», заладили одно, и конецъ. Я уже пробовала убѣждать ихъ, что все у Бога чисто — еще хуже вышло. Ничего не подѣлаешь.

— Мама, — спросилъ я, — а что значить «нечисто»? А почему ты знаешь, что не нечисто?

— Ты читалъ сказки, Витя. Тамъ говорится и про фей, и про злыхъ волшебниковъ, и про чертей... Однако ты знаешь, что этого вовсе не бываетъ, и если-бъ тебѣ сказали, что въ папиномъ кабинетѣ сидитъ чортъ, ты-бы не повѣрилъ. А люди простые, необразованные, вѣрятъ, что могутъ быть черти не въ сказкѣ, и боятся.

— Черти, мама, ну пусть не могутъ. А все-таки какъ-же знать навѣрное, что можетъ и что не можетъ? Помнишь, одинъ разъ при лунѣ я тебѣ въ пруду русалку показывалъ?

— Какая это была русалка? Я-же тебѣ объяснила, что это серебристая рыба подпрыгивала, оказалось очень просто.

— А чѣмъ-же бы не просто было, если-бъ это русалка оказалась? Вотъ ты мнѣ вчера объясняла, что у насъ въ глазу все кверху ногами. Это же бываетъ, а все оно не просто...

— Глупости какія! — нетерпѣливо прервалъ отецъ. — Неужели ты не можешь сообразить,

что одно естественно, а другое сверхъестественно, выдуманно неучеными, неумными людьми? Станяньками ты до сѣдыхъ волосъ въ домового будешь вѣрить! Учиться нужно, а не рассуждать, не понимая. А теперь обѣдать нельзя-ли? Готово?

Онъ поднялся и пошелъ въ столовую. Мы съ мамой послѣдовали за нимъ. Въ дверяхъ, держа за мамину руку, я приподнялся на ципочки и шепнулъ:

— Знаешь, мама, я ужъ думалъ. И я нисколько не плачу. Я даже радуюсь «ея» пріѣзду!

II.

Вечеромъ явились гости и сѣли съ папой играть въ винтъ. На балконѣ приготавливали закуску. Я все время ждалъ, потомъ подумалъ, что ужъ вѣрно она сегодня не пріѣдетъ. Мнѣ сразу стало легче, а потомъ захотѣлось спать.

Чтобы разгуляться, я сошелъ въ палисадникъ и остановился подлѣ забора. Широкая полоса свѣта шла съ балкона, захватывала круглую клумбу съ петуньями, тянулась до самой калитки. Я глядѣлъ влѣво, за полотно дороги, но ни одно окно большого дома не свѣтилось изъ чернаго воздуха. Ночь была такая темная, или казалась мнѣ со свѣта, точно все тотчасъ-же кон-

чалось около моихъ глазъ, безъ всякой пустоты, и я былъ въ узкомъ ящикѣ. Поѣздъ громко и долго вскрикнулъ, мигнулъ красными глазами и, показавъ на минуту пространство, промчался съ грохотомъ, — и опять за нимъ сомкнулась плотная темнота, захлопнулся ящикъ.

— Ничего и не видно, — подумалъ я. — Мало-ли что тамъ можетъ теперь случаться въ темнотѣ! А человѣкъ никогда не увидить и не узнаетъ.

Это мнѣ показалось веселымъ, хотя не совсемъ понятнымъ, и я совершенно рѣшился идти спать. Но вдругъ маминъ голосъ крикнулъ съ террасы:

— Витя! Гдѣ ты?

Я откликнулся, но испугался и не пошелъ на голосъ. Впрочемъ, я стоялъ въ полосѣ свѣта и былъ виденъ съ балкона. Я разглядѣлъ около мамы незнакомую, очень невысокую фигурку и сразу понялъ, что это «она» таки пріѣхала. Черезъ минуту я увидѣлъ, что мама вмѣстѣ съ ней сходитъ съ балкона и направляется ко мнѣ. Я окончательно замеръ, стиснулъ зубы, чтобы не заплакать, и смотрѣлъ въ землю.

— Поздоровайся, Витя, — сказалъ маминъ голосъ совсемъ близко. — Вотъ, милая Людмила Федоровна, вашъ ученикъ и воспитанникъ. Бука немножко, но это пройдетъ.

Другой голосъ, неожиданно тоненькій и робкій, произнесъ:

— Ничего, мы познакомимся.

Я съ удивленіемъ поднялъ глаза. По-моему у тувернантки долженъ былъ быть другой голосъ. Я увидаль Людмилу Ѳедоровну. Она показалась мнѣ странной, простой, низенькой, худенькой, хотя не слишкомъ тонкой, и такой молодой, что я улыбнулся. Она, вѣроятно, сама меня боялась — по крайней мѣрѣ я бояться ея пересталь и смѣло взглянулъ ей въ глаза. Лицо у нея было не очень красивое, довольно плоское, хотя пріятное, съ широкими губами, смущенно улыбающимися. Голубые глаза она щурила, бѣлокурые хорошіе волосы были со лба гладко-прегладко зачесаны назадъ.

Мама оставила меня съ Людмилой Ѳедоровной и ушла. Мы стояли другъ около друга и молчали: я улыбался съ напряженіемъ, ничего не могъ сказать, и она тоже. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, она сказала:

— Вамъ семь лѣтъ?

— Семь...

Я отвѣтилъ и замолчалъ, а потомъ мы пошли вмѣстѣ къ дому, и въ тотъ вечеръ разговоръ уже не возобновлялся. Мама отправила меня спать.

На другой день Людмила Ѳедоровна показалась мнѣ еще болѣе молодой. Она мнѣ совсѣмъ не понравилась, но я радовался, что ея нечего

бояться, а она, вѣроятно, думала, что нравиться мнѣ, и тоже радовалась. Мы стали заниматься. Она объяснила мнѣ, что я написалъ невѣрно «фѣ» столѣ. Я почему-то обидѣлся, вспомнилъ, какъ, когда я это писалъ, я былъ еще свободенъ, безъ гувернантки... Мнѣ стало жаль себя, и я заплакалъ; Людмила Ѳедоровна вскочила, испугалась, хотѣла бѣжать за мамой, но я одумался и, высморкавшись, рѣшилъ имѣть характеръ, не ныть, и писать «въ»; а не «фѣ».

Въ свободное отъ занятій время — котораго, впрочемъ, было теперь не очень много, ибо Людмила Ѳедоровна съ жаромъ принялась учить меня и по-французски, и по-нѣмецки — мы ходили гулять. Людмила Ѳедоровна еще лучше Поли бѣгала по песчанымъ горамъ, и я былъ доволенъ. Мы въ первый день, не теряя времени, отправились въ рощу за рельсами, къ большому дому. Я съ трепетомъ смотрѣлъ на частый рядъ оконъ, дѣлавшій домъ похожимъ на фабричный. Вглядывался въ крышу, въ стѣны, но ничего интереснаго не увидалъ. Домъ былъ, какъ домъ, бѣлый, старый. Съ одного бока къ нему примыкалъ садъ, или, вѣроятно, огородъ, потому что не было видно деревьевъ изъ-за высокой каменной ограды. Калитка туда была изъ перваго двора, который ужъ показался мнѣ совсѣмъ обыкновеннымъ, только очень пустымъ. Мы взглянули въ растворенныя настежь ворота. Я

сказалъ Людмилѣ Ѳедоровнѣ, что этотъ домъ теперь, съ недавнихъ поръ, принадлежитъ чуждой подругѣ, что мы можемъ найти садовника и попросить его пустить насъ въ садъ. Но Людмила Ѳедоровна отвѣтила, что лучше въ другой разъ, а теперь жарко и пора домой.

На возвратномъ пути я рассказалъ моей гувернанткѣ о старомъ садовникѣ, котораго зовутъ Дементій Кабань, и о томъ, что наша Анна и другіе считаютъ домъ «нечистымъ».

Людмила Ѳедоровна сдѣлала презрительную гримасу и громко расхохоталась.

— Вотъ, если-бъ вы это моему брату сказали! Не погладилъ-бы онъ васъ по головкѣ. Стыдились-бы повторять всякій вздоръ.

Объ этомъ братъ Людмилы Ѳедоровны я уже не разъ слышалъ. Людмила Ѳедоровна дѣлалась на себя совершенно непохожей, когда говорила о братѣ. Я зналъ, что онъ «университантъ» въ Петербургѣ и необыкновенно уменъ. Людмила Ѳедоровна тоже училась въ петербургскомъ институтѣ, но познакомились и сошлись они здѣсь, въ нашемъ городѣ, весной, когда Людмила Ѳедоровна пріѣхала къ замужней старшей сестрѣ, по окончаніи института, и братъ пріѣхалъ тоже. Людмила Ѳедоровна уже сообщила мнѣ, что осенью она ѣдетъ на высшіе женскіе курсы и что вообще братъ «открылъ ей глаза» и «указалъ путь». Многое мнѣ казалось туманнымъ въ

рѣчахъ Людмилы Ѳедоровны, брата же я смутно и дѣлательно ненавиждѣлъ.

— Ну, и что-же бы тутъ могъ сказать вамъ братъ? — спросилъ я угрюмо. Смѣхъ Людмилы Ѳедоровны показался мнѣ «нарочнымъ».

— Братъ сказалъ-бы, что это бабьи бредни. Ничего «нечистаго» нигдѣ нѣтъ, есть природа и ея законы, которые слѣдуетъ изучать.

— Нельзя все изучить.

— Какъ нельзя? Наука идетъ впередъ большими шагами. Скоро все будетъ въ нашей власти, все объяснено, изучено, изслѣдовано. Уголка не останется.

— Чорта нельзя изучить. Онъ сквозь землю проваливается.

Людмила Ѳедоровна всплеснула руками.

— Это ужасно, ужасно, Витя, что вы говорите! Мнѣ стыдно за ваше невѣжество. Какіе-же бываютъ черти? Вы мальчикъ умный, соображайте. Ничего этого нѣтъ. Есть только то, что мы можемъ ощущать, понюхать, увидѣть, словомъ — изслѣдовать какимъ-нибудь изъ нашихъ пяти чувствъ. Поняли? Остального-же ничего нѣтъ.

— Ну, это тоже... Это я не знаю...

Я не могъ найти возраженій на частую и звонкую рѣчь Людмилы Ѳедоровны, но она мнѣ казалась такой обидной, что я надулся и хотѣлъ заплакать.

— Что-же, — началъ я наконецъ, — значить и ада, и рая нѣтъ? Вѣдь никто не видѣлъ ада...

— Ну, это вопросъ сложный, — хитро улыбувшись, сказала Людмила Ѳедоровна. — Вотъ, вырастите сначала, познакомитесь съ умными людьми... Батюшки, васильки, васильки! — вскрикнула вдругъ Людмила Ѳедоровна совсѣмъ другимъ голосомъ и бросилась къ цвѣтамъ.

Рожь на нескѣ была рѣдкая, вся совершенно сквозная, шуршала сухо, какъ бумага, а васильки въ ней росли блѣдные, но Людмила Ѳедоровна была рада и такимъ. Въ лицѣ у нея уже не было никакой презрительности, губы широко улыбались. Скоро мы сидѣли на песчаномъ пригоркѣ, и Людмила Ѳедоровна, напѣвая что-то про себя, плела вѣнокъ изъ блѣдно-синихъ васильковъ. Я все еще думалъ о ненавистномъ братѣ и мучился, но не хотѣлъ говорить, чтобы ей не напомнить. Она-же, какъ будто, совсѣмъ забыла о нашемъ разговорѣ и была иной, гораздо болѣе пріятной.

— Витя, вы любите васильки? — спрашивала она меня. — Они мнѣ столько напоминаютъ... У меня была подруга въ институтѣ, она мнѣ написала стихи о василькахъ... Знаете, что я вамъ скажу? Вы очень хорошій мальчикъ... И способный... Мы вѣдь съ вами пріатели?

— Пріатели, — сказалъ я и, еще хмуро, улыбу-

нулся. Людмила Федоровна вдругъ показалась мнѣ маленькой дѣвочкой, меньше меня.

— Такъ вотъ, хотите, будемъ на ты? У меня въ городѣ было два мальчика, ученики мои, я ихъ звала на ты, и они мнѣ говорили «Люся» и «ты». Тогда мы совсѣмъ сдружимся.

Я опять улыбнулся. Мнѣ и хотѣлось, и было стыдно, и какъ-то чудилось, что этого не слѣдуетъ.

— Какъ же? — сказалъ я. — Сразу нельзя. Я и не умѣю...

— Вотъ, не умѣете! Это не трудно. Меня многія даже изъ классныхъ дамъ звали Люсей. М-те Споръ бывало кричить: Люся, вы опять мечтаете! Я, дѣйствительно, была ужасная мечтательница. Облако-ли вижу, цвѣтокъ—задумаюсь такъ, что ничего не слышу...

— А вотъ какъ-же, — прервалъ я ее вдругъ со строптивой радостью, неосторожно: — значить, и мыслей вообще нѣтъ? И какъ-же ихъ изучать? Ну, онѣ въ мозгу, такъ голову, что-ли, разбить человѣку? Что-жъ про это брать вашъ говорить?

Людмила Федоровна покраснѣла, встала и произнесла съ достоинствомъ:

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. Надо подождать, пока вы подростете. Братъ мой чуждъ нелѣпостей, онъ признаетъ

лишь здравый смысл. А теперь идемъ, насъ ждутъ дома.

Я покорно пошелъ за своей гувернанткой. Она выступала степенно и сосредоточенно, губы не улыбались. Полусиплетенный вѣнокъ васильковъ остался на пригоркѣ.

III.

По ночамъ Людмила Федоровна читала толстыя, тяжелыя книги и утромъ выходила съ красными глазами. Когда мама ласково упрекала ее, что она слишкомъ много занимается, она говорила съ необыкновенной серьезностью:

— Нельзя. Надо хоть немного подогнать умственное развитіе. Братъ говорить, что книги, которыя онъ мнѣ далъ, — азбука, необходимая для каждаго современнаго человѣка. И я положила себѣ ихъ всѣ прочесть до осени.

— Какія-же это книги?

Людмила Федоровна называла скороговоркой какія-то имена, которыхъ я никогда не могъ запомнить, да и не старался. И тотчасъ-же вскрикивала, обнимая маму (она къ ней чувствовала необыкновенную любовь):

— Ахъ, душечка! Какъ трудно понимать — это ужасъ! Ужасъ! Я иногда два часа сижу надъ страницей — ничего не понимаю!

И онѣ обѣ смѣялись, и я смѣялся, радуясь, что она не понимаетъ братниныхъ книгъ. Нѣсколько разъ я порывался въ такія минуты сказать Людмилѣ Ѳедоровнѣ, что я ее буду называть «Люся» и «ты». Но не смѣлъ, а она опять становилась иной, говорила о братѣ, и опять я чувствовалъ ее чужой и ненавистной.

Была половина іюля. Погода стояла жаркая, душная, безъ малѣйшаго вѣтра. Мы и занимались лѣнливо, и гуляли мало: днемъ налило зноемъ и отъ солища, и отъ песковъ.

Мы давно не были на той сторонѣ, и однажды, незадолго до заката, я предложилъ Людмилѣ Ѳедоровнѣ пойти въ большую рощу.

Мы цѣлый день спорили и ссорились, я дѣлалъ ей на зло, а она подсмѣивалась надо мною и восхваляла брата, который, будто-бы, знаетъ столько, сколько мнѣ не узнать и до старыхъ лѣтъ, потому что у меня мозги развиваются неправильно и наполнены пустяками. Я не отвѣчалъ прямо на эти оскорбленія, но затаивалъ въ себѣ.

И теперь я еще дулся и молчалъ. Мы шли по рощѣ. Сосны здѣсь были громадныя, рѣдкія, голыя, прямыя до удивленія и такія ровныя, что я не могъ замѣтить, кѣмъ вверху онѣ начинаютъ сужаться. Травы и дорогъ не было, только опавшія иглы желтѣли, скользкія, какъ ледъ. Низкое солнце бросало лучи на стволы сосенъ,

оставляя въ тѣни верхушки. Сухая кора стволовъ горячо алѣла, и вся роца насквозь блестяла и свѣтилась.

— Вотъ помните, Людмила Ѳеодоровна, — вскричалъ я, — мы читали сказку о золотомъ садѣ? Вотъ они, червонныя деревья, правда? А мы какъ Френцель и Лиза...

— Видите, — сказала наставительно Людмила Ѳеодоровна. — Вамъ кажется, что это деревья изъ сказки, а между тѣмъ это простыя сосны, освѣщенные обыкновеннымъ заходящимъ солнцемъ. Въ данномъ случаѣ это ужъ безспорно ясно, и вы отлично знаете, что это сосны, но иногда вы можете повѣрить иллюзіи, а между тѣмъ все рѣшительно можетъ быть объяснено какимъ-нибудь простымъ явленіемъ природы.

— Ну, это опять братъ вашъ говоритъ?

— Конечно. Что-же, вы хотите, чтобы братъ вѣрилъ въ лѣшаго и въ золотыя деревья?

Я опять надулся и сталъ думать о братѣ и о своемъ сегодняшнемъ снѣ. Этотъ сонъ я представлялъ себѣ ясно, но чувствовалъ, что не сумѣю разсказать, и потому молчалъ. Я видѣлъ большую черную яму, провалъ безъ концовъ и безъ дна, довольно широкій. На одномъ берегу лежали груды толстыя книги въ переплетахъ моей нѣмецкой грамматики, на нихъ сидѣлъ братъ и сильно ихъ изучалъ. На другой сторонѣ бѣгали домовые, лѣшіе, русалки и карлики.

Имъ было очень весело и пріятно, и я радовался, что я съ ними. Они играли со мною и щекотали меня. Но братъ на той сторонѣ все поспѣвшиѣ и поспѣвшиѣ изучалъ свои книги и порою, оторвавшись отъ нихъ, грозилъ русалкамъ кулакомъ, щелкалъ зубами и кричалъ:

— Пойдите! Доберусь я до васъ! Я васъ изучу! Изучу!

Но русалки хохотали, вертѣлись кругами и отвѣчали:

— Ямы не перепрыгнешь!

Я взглянулъ въ провалъ, увидѣлъ, что тамъ никакого дна нѣтъ, а звѣзды мерцаютъ какъ на небѣ, обрадовался и тоже закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Не перепрыгнешь!

Мнѣ казалось, что если-бъ я рассказалъ этотъ сонъ Людмилѣ Ѳедоровнѣ, то братъ былъ-бы уничтоженъ. И я обдумывалъ и вспоминалъ сонъ въ подробностяхъ.

Между тѣмъ мы подошли къ дому. Попржнему туно смотрѣли черныя окна, но отъ стѣнъ, прогрѣтыхъ за день, вѣяло густой теплотой. Мы медленно обошли дворъ. Ворота опять были растворены настежь. И опять дворъ показался мнѣ странно большимъ и пустыннымъ. Но на противоположномъ концѣ, гдѣ поднималась высокая и глухая каменная ограда, я увидаль

пріотворенную дверку. Прошлый разъ дверка ограды была крѣпко заперта.

— Людмила Ѳедоровна, — сказала я радостно. — Видите, отперта? Пройдемъ въ садъ, а? Людмила Ѳедоровна прищурила глаза.

— Пройдемъ, — сказала она. И прибавила: — это интересно.

Дворъ оказался длиннѣе, чѣмъ мы думали. Блѣднѣющее солнце освѣщало его пустыню, поросшую короткой кудрявой травой. Я шелъ, держась за руку Людмилы Ѳедоровны. Мы были уже недалеко отъ калитки, какъ вдругъ я замѣтилъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, старика. Онъ шелъ очень тихо, едва волоча ноги, намъ на перерѣзъ, слѣва направо. Нельзя было понять, какъ мы его давно не замѣтили, потому что дворъ былъ широкій и открытый, а старикъ оказался сразу очень близко. Людмила Ѳедоровна, вѣроятно, тоже его только что замѣтила, потому что ея рука вздрогнула, когда я торопливо шепнулъ:

— Дементій Кабанъ.

Мы оба вдругъ остановились, ожидая, когда пройдетъ старикъ. Онъ двигался все такъ-же медленно, съ трудомъ, опираясь на узловатую палку, согнутый впередъ, къ землѣ. Лицо его было собрано складками въ маленькій комочекъ, бѣлая щетина торчала на подбородкѣ. Онъ казался закутаннымъ поверхъ одежды въ какіе-

то платки и тряпки. Онъ прошелъ мимо не скорѣе и не медленнѣе, чѣмъ шелъ, не повернувъ лица въ нашу сторону. Но, хотя я не замѣтилъ его глазъ подъ сѣдыми клочками нависшихъ бровей, я почувствовалъ, что онъ насъ видѣлъ. И безпокойство во мнѣ было такое, что мнѣ захотѣлось вернуться домой.

Но Людмила Федоровна въ эту минуту рѣшительно двинулась къ оградѣ, и я послѣдовалъ за нею. Старикъ медленно, ровно, точно плылъ, удалялся къ правой сторонѣ двора. Его сторбенную спину едва золотило солнце, и, когда лучъ погасъ, показалось, что и потемнѣвшая фигура старика сразу отдалилась до полувидимости. Мы вошли въ калитку.

Я ожидалъ очутиться въ цвѣтникѣ или огородѣ. Но то, что оказалось за оградой, изумило и меня, и Людмилу Федоровну одинаково.

Мы увидали ровный, сильно удлиненный, четырехугольникъ, довольно большой, больше двора. Онъ былъ похожъ на садъ, потому что кругомъ вились лабиринтомъ узкія песчаныя дорожки. Одна шла вдоль ограды, другая, пошире, къ заколоченной террасѣ дома. Ограда вездѣ была ровная, глухая, сплошная, только въ лѣвой сторонѣ, ближе къ дому, чернѣла дверка, въ которую мы вошли. Недалеко отъ ограды была врыта въ землю каменная цистерна, въ ней, пониже сырой зелени на бокахъ, тяжело лежала

тинная вода. Въ саду не было ни деревьевъ, ни обычныхъ цвѣтовъ: вдоль всей ограды, и по бортамъ другихъ дорожекъ, и около цистерны стояли громадныя зеленоватыя кадки съ желѣзными обручами. Изъ кадокъ шли, корчась, коробясь, вѣясь по песку или торча вверхъ, мясистые члены безконечныхъ кактусовъ. Я видѣлъ небольшіе кактусы прежде, и никогда не вѣрилъ, что они—растеніе. Мнѣ казалось, что это—молчаливое животное, и если воткнуть булавку въ его пухлое тѣло, оттуда выступитъ капля крови. Но такихъ кактусовъ, какъ здѣсь, я никогда не видѣлъ. Одни были съ круглыми, шаровидными листьями, такими крѣпкими, что, казалось, тронь одинъ, и всѣ дрогнутъ. На нихъ сидѣли громадныя бородавки съ волосиками. Другіе крутили свои отростки внизъ, и они, какъ толстыя змѣи, сплетались и свивались на пескѣ. Иные были совсѣмъ мохнатые, блѣдно-зеленые, съ твердыми морщинами и складками. Вѣтеръ не могъ бы шевельнуть ихъ тяжкія тѣла, но думалось, что они сами могли-бы, если-бъ хотѣли. Молча прошли мы по дорожкѣ, вглядываясь въ недвижные кактусы. Я увидѣлъ что-то красное на одномъ сгибѣ. Я подумалъ, что это капля крови. Но, присмотрѣвшись, увидалъ, что это цвѣтокъ. Маленькій, яркій, плотно сидящій, безъ стебля. Онъ точно самъ смотрѣлъ на меня, и я отвернулся. Дорожка уходила вглубь, прямая между

рядами зеленыхъ кадокъ и переплетающихся кактусовъ. Мы повернулись и пошли назадъ. Я надѣялся, что, дойдя до калитки, Людмила Ѳедоровна выйдетъ изъ сада. Но мы миновали калитку, прошли дальше къ дому и сѣли на низенькую каменную скамью, у цистерны. Вода попрежнему чернѣла, какъ пропасть. Съ обѣихъ сторонъ тянулись, безсильно и тяжело, теплыя, пухлыя лапы кактусовъ. Я ждалъ, когда Людмила Ѳедоровна пойдетъ домой. Ждалъ со страстью, но самъ не хотѣлъ сказать ей. Мы оба молчали. Если она, подумалось мнѣ, оттого-же молчить, отчего — я, и тоже не хочетъ сказать первая, то мы всегда будемъ такъ сидѣть. Ну и пусть всегда.

Между тѣмъ пришли сумерки. Тѣ, еще не темныя и уже свѣтлыя, сумерки, равно далекія дню и ночи, когда нигдѣ нѣтъ никакого цвѣта. Небо скрылось. Вмѣсто него былъ просто воздухъ. Кактусы, цистерна, ограда были видны ясно, а между тѣмъ тяжкія змѣи казались легче, и все въ этомъ нецвѣтномъ, мертвомъ воздухѣ было возможнѣе, потому что до первой звѣзды еще такъ-же далеко, какъ уже отъ солнца. Мои глаза, руки и ноги тяжелѣли не то отъ сна, не то отъ непобѣдимой усталости. Меня точно связывало невидимыми и ласковыми нитями.

И вдругъ, въ единое мгновеніе, можетъ быть меньше, чѣмъ въ мгновеніе, — нити порвались.

Я вскочилъ и услышалъ, какъ подлѣ меня, глухо вскрикнувъ, почти вздохнувъ, вскочила Людмила Федоровна.

Она схватила меня на руки, я обнялъ ея шею и прижался къ ней крѣпко. Изъ глубины сада, по прямой дорожкѣ около ограды, на насъ катилось блѣдное животное. Оно катилось быстро, быстро увеличиваясь, и не то лаяло, не то хрюкало торопливымъ, разорваннымъ хрюканьемъ. Намъ нужно было бѣжать ему навстрѣчу, чтобы достигнуть калитки, — и добѣжать раньше него. Людмила Федоровна бросилась впередъ, едва удерживая меня на рукахъ. Я увидалъ близко отъ моего лица широкое, низкое, блѣдное тѣло, блѣдную щетину, тупую плоскую морду и два глаза, совсѣмъ бѣлые, какъ молоко. Я закрылъ глаза. Пронзительное и короткое хрюканье оглушило меня, пахнуло страннымъ тепломъ, — и я почувствовалъ, что мы за калиткой, на дворѣ, и даже слышно было, какъ оно, то, отъ чего повѣяло тепломъ, прокатилось дальше за оградой, вдоль — закатилось и смолкло.

Я услышалъ, что Людмила Федоровна тихо, невнятно и захлебываясь, читаетъ: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...

Мы все еще бѣжали, но уже тише. Я не открывалъ глазъ, и прижался крѣпче и, тихонько плача, повторялъ, не стыдясь:

— Люся... Люся... Милая Люся...

Проходили дни.

Дома не только никто не узналъ о томъ, что мы видѣли, но и другъ съ другомъ мы объ этомъ не говорили.. И вообще мы стали разговаривать мало. Людмила Ѳедоровна строже спрашивала уроки, я сталъ раздражительнѣе и упрямѣе.

Однажды мы сидѣли передъ вечеромъ на песочномъ курганѣ, недалеко отъ дома. Волнистыя облака, легкія, какъ перья, стояли надъ головой. Пробѣжалъ черный поѣздъ и крикнулъ. Роща на той сторонѣ опять горѣла и переливалась золотомъ. Мы только что кончили французскій переводъ и молчали.

— А что, Витенька... произнесла вдругъ Людмила Ѳедоровна съ непривычной робостью, уловивъ мой взглядъ направо, на рощу. — Какъ вы думаете... тогда... что это было?

Я взглянулъ на нее сурово.

— Не знаю, что было, Людмила Ѳедоровна. Вамъ лучше знать. А то брата спросите. Пусть вамъ объяснить.

И зная, что она ни за что не спросить, я злобно прибавилъ:

— Пускай. Только ничего вамъ братъ не объяснить. Ровно ничего!

1897.

KOMETA.

I.

Дѣтство, менѣе раннее, — менѣе мило. Оно яснѣе, ближе: образы не такъ волшебны и туманно-велики. Но, какъ и первое, изумленное сознаніе простыхъ предметовъ міра въ самомъ далекомъ дѣтствѣ, съ рукъ няньки, — поразительны и первыя мысли дальше взора, первое ощущеніе вѣчной непонятности, ударъ о стѣну, которую мы, можетъ быть, перейдемъ только послѣ конца. Хочу говорить теперь объ этихъ первыхъ непредметныхъ чувствахъ и мысляхъ ненервато дѣтства. Мы ихъ считаемъ не стоящими вниманія, а они только страннѣе, необычнѣе, ближе къ истинному — вѣдь они ближе къ своему началу, чѣмъ мысли давно родившагося человѣка. Такой человѣкъ стоитъ на серединѣ пути, ему равно далеки оба острія жизни, а мудрость только тамъ. Я не зналъ этого въ то время, и мнѣ казалось, что между мной и взрослыми не должно быть особенной разницы. Къ тому же росъ я одинъ, безъ сверстниковъ, и мать моя никогда не говорила со мною, какъ съ ребенкомъ, а какъ съ человѣкомъ равнымъ. Если я не понималъ, она долго и серьезно объясняла мнѣ прибавляла: «вотъ, такъ мнѣ самой кажется. Пс-

чему ты думаешь, что я ошиблась?» — Мы жили въ большомъ провинціальномъ городѣ, съ крутыми улицами и скверной, скверно называющейся, рѣкой. Домъ нашъ былъ двухъэтажный, кирпичный, съ прозрачной балюстрадой на крышѣ. Этой балюстрадой я гордился и любилъ отходить отъ дома, гуляя, такъ, чтобъ она была видна. Внизу жила хозяйка съ сестрами. У хозяйки, старой и толстой, былъ ракъ на носу. Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, носъ былъ обвязанъ и казался огромнымъ, страшнымъ. Потомъ мы пошли внизъ на первый день Пасхи. Пахло сдобными крошками, ветчиной, сохнущимъ сладкимъ творогомъ и приторными польскими мазурками. А хозяйкѣ къ тому времени сдѣлали операцію, и у нея былъ прехорошенькій маленькій носикъ, немного согнутый внизъ, и только на переносицѣ лежалъ кусочекъ легонькой ватки. Хозяйка мнѣ казалась красавицей, и я думалъ о томъ, какъ она должна быть теперь счастлива.

Я, впрочемъ, тоже былъ счастливъ, потому что мнѣ подарили игрушечный звѣринецъ, и въ немъ я полюбилъ коричневую, слегка мохнатую, сидячую обезьяну, которую я тотчасъ же отдѣлилъ отъ прочихъ звѣрей, уложилъ въ вату и вначалѣ ласкалъ пальцемъ. Я зналъ, что я потомъ привыкну къ ней — потому что она все-таки моя — и разлюблю, и это меня огорчало, такъ мнѣ было пріятно любить ее.

Я очень любилъ мать. Я такъ ее любилъ, что даже не видѣлъ ея лица, не зналъ, хороша ли она или дурна, и каждое ея свойство, каждая ея черта, казалось мнѣ, были равно необходимы для моей любви. Но она тоже меня любила, цѣловала меня, говорила со мной, могла пустить или не пустить гулять, подарить или не подарить игрушку, и я чувствовалъ, что люблю ее иногда за то, что она пускала гулять и дарила игрушку, чувствовалъ тоже, что эта любовь «навѣчная» и была у меня еще тогда, когда я ни о чемъ не думалъ, пожалуй, еще раньше меня самого была — и потому любить мать казалось мнѣ особенно обыкновенно и нисколько не пріятно.

Этой же, не пріятной любовью, хотя гораздо меньшей и съ оттѣнкомъ товарищества, я любилъ мою няню Полю. Полю я всегда помнилъ около себя. Она была кругленькая, молоденькая, низенькаго роста, съ широкимъ утинымъ носомъ, розовая, несмотря на веснушки, милостивая и веселая. Темные волосы вились легкими кольцами около ушей. Вотъ, я любилъ и Полю. Но Поля тоже была мнѣ нужна, она играла со мною и надѣвала мнѣ чулки, а обезьяна была, во-первыхъ, новая, сразу взявшаяся, а во-вторыхъ, нѣмая, не могущая явить мнѣ ни благодарности, ни расположенія, и я любилъ ее самъ для себя, и въ этомъ было что-то таинственное. Я не игралъ въ обезьяну, днемъ я толь-

ко сидѣлъ надъ нею, сладко томясь и не зная, что съ нею дѣлать, а вечеромъ засыпалъ съ радостнымъ сознаніемъ, что она у меня есть и что больше мнѣ отъ нея ничего не нужно. Потомъ я сталъ отдаляться отъ обезьяны, находя, что я слишкомъ часто смотрю на нее, а это ужъ не то. Я по цѣлымъ днямъ не открывалъ коробочки съ ватой, гдѣ она лежала, и наслаждался только мыслью о ней. И никогда такъ сильно и пріятно ее не любилъ, какъ въ то время. Мнѣ было больно разлюбить, забывать любовь къ обезьянѣ. Но въ это время отецъ принесъ мнѣ номеръ «Нивы». Тамъ была картинка: озеро съ нависшими ивами, лодка, и въ лодкѣ дѣвушка въ бѣломъ платьѣ страннаго фасона. Мнѣ понравилось и озеро, и дѣвушка. Я унесъ картинку къ себѣ.

II.

Мы сидѣли за обѣдомъ и ѣли рябчиковъ.

Отецъ мой (я его видѣлъ рѣдко и относился къ нему съ равнодушіемъ) только что вернулся изъ «Палаты» и о чемъ-то съ оживленіемъ рассказывалъ матери. Я никогда не слушалъ этихъ рассказовъ. Онъ говорилъ точно о не объ общемъ, а о томъ, что касалось только его и могло быть понято имъ однимъ, а вовсе не всѣми людьми. Я удивлялся, что мать слушаетъ эти, ничего не-

значущія для нея, слова. Я равнодушно болталъ ногами и слѣдилъ, какъ отецъ, въ пылу разговора, и повторяя «... а онъ въ это время пишетъ ему: такъ-то и такъ-то...», проводить вилкой быстро по скатерти, зубцы вилки цѣпляють скатерть и оставляють на ней чуть замѣтный шероховатый слѣдъ.

Такъ какъ черную Машу, горничную, недавно рассчитали за грубость, то прислуживала Поля. Желтое ситцевое платье у нея шуршало, на груди топорщились оборки передника, раскраснѣвшееся лицо въ веснушкахъ выражало усердіе. Я смотрѣлъ, какъ она поднесла блюдо къ моему отцу и ждала, пока онъ долго присматривался и выбиралъ. Поля устала держать, и тяжелое блюдо слегка колебалось. Наконецъ, я увидѣлъ, какъ отецъ взялъ кусокъ. Кожа, прожаренная и сдернутая, слегка обнажала бѣлое, нѣжное, какъ пухъ, мясо. Я еще поглядѣлъ на отца, на Полю, на рябчика, и вдругъ такія смѣшныя мысли пришли мнѣ въ голову, что я не удержался и усмѣхнулся громко. Отецъ не любилъ, чтобы хохотали безпричинно, а я не любилъ съ нимъ разговаривать, поэтому я поскорѣе закрылъ ротъ рукою и сдѣлалъ видъ, что никуда не смотрю.

Но отецъ уже замѣтилъ и, обратившись ко мнѣ, строго спросилъ:

— О чемъ ты?

У меня было большое желаніе сказать «такъ», или совсѣмъ ничего не сказать, но это представлялось невозможнымъ. Мать говорила мнѣ, что лгуть только дѣти, и дурныя дѣти притомъ, а что такъ какъ я никогда не лгу, то она и обращается мною, какъ съ равнымъ. Единая же неправда могла превратить меня въ ребенка, и мама перестала бы смотрѣть на меня, какъ на человѣка.

— Смѣшныя мысли пришли въ голову, — сказалъ я.

Отецъ недовольно кашлянулъ.

— Какія же это такія мысли?

Хотя мнѣ и не хотѣлось говорить съ отцомъ, но въ эту минуту я опять вспомнилъ свои мысли и засмѣялся.

— Люди ошибаются, — сказалъ я. — Вотъ, мама мнѣ рассказывала... Я не спорилъ тогда, но я уже видѣлъ, что оно не такъ. Я и правъ, а она не права.

— Да въ чемъ дѣло? — нетерпѣливо крикнулъ отецъ.

— Что это ты кричишь, папа? Я и такъ скажу. Если ты мнѣ не вѣришь, — прибавилъ я съ достоинствомъ, — то можешь у мамы спросить, она здѣсь. Только странно, если ты мнѣ не вѣришь. Я не начиналъ разговора, но если ты хочешь знать, то вотъ: мама мнѣ какъ-то объясняла, что всѣ творенія Божіи равны. И хотя сра-

зу видно, что они не равны, но это будто бы только кажется, а внутри всё равны. И что Богъ справедливъ. А я смотрѣлъ, какъ все дѣлается, и подумалъ: гдѣ же равны? Одно твореніе за столомъ сидѣть — это ты, папа; другое ему подаетъ, служить — это Поля; а третье твореніе сжареное, его ѣдятъ — рябчикъ. Вотъ я и подумалъ: значить, неравны, потому что если-бъ равны — то несправедливо. Я мамѣ это хотѣлъ послѣ, безъ тебя, сказать.

Мама разсердилась, къ моему изумленію, больше отца.

Я хотѣлъ пачать съ ней споръ, но она велѣла мнѣ молчать. Я не обидѣлся, потому что правда была на моей сторонѣ, только пожалъ плечами и, когда кончился обѣдъ, безмолвно пошелъ въ гостиную, въ уголъ къ окну, и расположился тамъ въ креслѣ. Гостиная отдѣлялась отъ залы деревянной аркой, но меня не было видно изъ моего угла. Я спокойно лежалъ и, уже забывъ о равенствѣ и неравенствѣ, размышлялъ, почему съ наступленіемъ августа стали мимо насъ возить все больше и больше гробовъ, что такое холера, и отчего люди боятся смерти и мертвецовъ? Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ умеръ кучеръ Андрей. Я ходилъ его смотрѣть въ дворницкую, и онъ мнѣ очень понравился. Живой онъ былъ красный, слюнявый, почти всегда пьяный, съ налитыми кровью глазами. Онъ вѣчно беспокоился,

былъ недоволенъ и ругался хрипящими и роко-
чущими словами, которыя всѣ называли непри-
личными и которыя ему самому были очевидно
непріятны. Теперь же, умершій, онъ лежалъ бѣ-
лый и спокойный, и такой красивый, какимъ
еще никогда не бывалъ. На видъ онъ казался
необыкновенно довольнымъ, и я порадовался за
него. Что же касается до ада, куда Андрея будто
бы пошлютъ, то этому я положительно не могъ
вѣрить. Неужели Богъ, который добрѣе всѣхъ
людей, согласится мучить Андрея вѣчно за не-
приличныя слова и за водку? Это бы и человѣкъ
помучилъ, да и простилъ. А не то, что Богъ.
Богъ сразу простить, это и говорить нечего.

Мои размышленія были прерваны голосомъ
отца, который изъ-за стола пришелъ съ сигарой
въ залу, прогуливался тамъ изъ угла въ уголъ и
спорилъ съ матерью. Она, я зналъ, сидѣла на
своемъ обычномъ мѣстѣ, за рабочимъ столикомъ.

— Это совершенно невозможно, — говорилъ
отецъ. — Ты изъ него сдѣлала уродъ. Развѣ это
ребенокъ? Ему нужно въ бабки играть, да пор-
ки бояться, а ты чуть съ нимъ не на вы, рассу-
ждаешь съ нимъ Богъ знаетъ о чемъ, вбила ему
въ голову, что онъ человѣкъ, когда его отъ полу
не видать, скоро бояться его станешь... Раска-
ешься, да поздно. Этого, другъ мой, твоего фило-
софа да нѣженку товарищи въ гимназіи такъ
дуть будутъ, что врядъ ли у него голова на пле-

чахъ останется. Книги ему всё даешь читать, да еще объясняешь! Ну, развѣ онъ можетъ ихъ понимать?

Мама что-то возразила, но тихо, и я не слышалъ. Кстати сказать, я былъ вовсе не нѣженка, росъ здоровымъ и крѣпкимъ мальчикомъ, большимъ не по лѣтамъ.

Отецъ однако еще говорилъ, я пересталъ было слушать, но вдругъ новое слово привлекло мое вниманіе.

— Какъ хочешь, матушка, въ пансіонъ — такъ въ пансіонъ. Я, пожалуй, согласенъ, что въ гимназію ему рано. Всякая переменна ему полезна. Твоя система воспитанія мнѣ кажется нелѣпой, извини меня, хотя я и даль слово не вмѣшиваться. Напримѣръ, это убѣжденіе, что такому малышу возможно всегда давать правдивыя объясненія! Мало ли онъ о чемъ будетъ спрашивать! Нѣтъ, дѣтямъ лгать надо! Не бойся, они всему вѣрятъ.

— Вонъ оно что! — подумалъ я, обиженный. — Лгать! Хорошъ большой человѣкъ! Никогда не стану съ нимъ говорить.

— Не могу я этого, — отвѣчала мама. — Не стану передъ ребенкомъ унижаться. Что я знаю, то и онъ можетъ знать. Нисколько онъ не глупѣе меня, только неопытнѣе. Ради этого я и учу, и объясняю, сколько умѣю. Но я готова сдѣлать тебѣ уступку, я отдамъ его въ пансіонъ Артемь-

евоѣ, моеѣ подружѣ. Мы вмѣстѣ учились въ Москвѣ, хотя она въ старшихъ классахъ была. Лидіи Ивановнѣ я довѣряю, а Витѣ слѣдуетъ повиноваться людямъ, поучиться не одному.

— Еще не захочетъ онъ въ пансіонъ, упрямивать придется, — началъ отецъ насмѣшливо.

Но тутъ я, уставъ подслушивать (ужасно это мнѣ не нравилось), вышелъ изъ гостиной.

— Извините, папа, мама, — сказалъ я. — Я нечаянно слышалъ, что вы говорите. Я хотѣлъ выйти, но потомъ, не знаю какъ, остался и слушалъ. Отчего ты думаешь, папа, что я не хочу въ пансіонъ? Я мамѣ довѣряю, и если она хочетъ, то пусть я иду въ пансіонъ. Я тебя огорчилъ, что сравнилъ съ рябчикомъ, но ты тоже, папа, неправъ передо мной. Потому что я не хочу тебя обманывать, а ты хочешь.

Папа хотѣлъ опять разсердиться и закричать, но мама въ эту минуту притянула меня за рукавъ, поцѣловала и сказала строго:

— Довольно разговоровъ и ссоръ. И ты неправъ, ты подслушивалъ. Ступай къ Полѣ, играй, или читай. О пансіонѣ мы поговоримъ.

Я тотчасъ же выбѣжалъ и не слыхалъ больше словъ отца. Въ дѣтской Поли не было. Я легъ на столъ, подперъ голову руками и, напѣвая, смотрѣлъ на улицу въ окно. Тамъ свѣтило желтое солнце, бѣжали собаки, шли и ѣхали люди. Пронесли бѣлый гробъ, и онъ долго колебался надъ

головами людей безъ шапокъ, а лучи солнца блестѣли въ кистяхъ. Я думалъ о пансіонѣ, о мамѣ, о Полѣ, и о гладкомъ глиняномъ кувшинчикѣ, который Поля мнѣ принесла вчера. Я полюбилъ кувшинчикъ, положилъ его въ ямочку подъ подушку, и радовался теперь мыслью, что онъ у меня есть. Я думалъ о томъ, какіе люди счастливые, и какъ хорошо имъ жить. Съ самаго начала въ раю ангельчиками, — это я зналъ твердо. Потомъ рождаются, растутъ, начинаютъ все видѣть и понимать. Могутъ любить, какъ я маму и Полю, и ихъ любятъ. Есть еще разныя обезьянки, кувшины, картинки — ихъ можно любить особенно, радоваться, что они далеко. Непріятно, правда, разлюбить, — но опять что-нибудь найдешь и полюбишь. А потомъ придетъ смерть, сдѣлаешься спокойнымъ, бѣлымъ, красивымъ, и понесутъ тебя съ почетомъ въ блестящемъ гробѣ. Богъ проститъ, если дѣлалъ нехорошо, и опять будешь въ раю. И у меня даже въ груди сжалось отъ радости, что я тоже человѣкъ, и тоже счастливъ, какъ и всѣ люди.

III.

Въ концѣ августа меня отдали въ пансіонъ. Это былъ пансіонъ собственно для дѣвочекъ, но въ приготовительномъ классѣ было два мальчи-

ка, кромѣ меня: сынъ начальницы, Лидіи Ивановны, — Вася, годомъ старше меня, высокій, ушастый, хитро и злобно улыбающійся, и затѣмъ сынъ нашего учителя танцевъ, запуганный и такой блѣдный мальчикъ, что у него даже вѣки были изсиня-прозрачныя. Мнѣ казалось совершенно безразличнымъ, учусь ли я съ дѣвочками, или съ мальчиками. Дѣвочекъ я не презиралъ, жалѣлъ только немного, что имъ трудно въ юбкахъ дѣлать гимнастику. Многія же дѣвочки мнѣ казались хорошенькими и милыми, и учились онѣ хорошо. Я скоро по русскому языку, ариметикѣ, географіи и Закону Божиему перешелъ изъ приготовительнаго во второй классъ, гдѣ сидѣли дѣвочки побольше и поумнѣе. Меня изумляло только, что каждый разъ, когда какой-нибудь учитель ставилъ двойку, дѣвочка начинала громко плакать, а учитель переправлялъ баллъ. Повторялось это чуть не всякій день и всегда точно-точно одинаково. Учитель былъ у насъ одинъ, кромѣ батюшки, но батюшка даже и не пытался никому ставить два. Я не получалъ двойки, потому что географія и русскій языкъ меня занимали, но твердо рѣшилъ, если получу, не заплакать и промолчать. Съ Васей я обращался вѣжливо, но холодно. Когда же онъ вздумалъ драться, я побилъ его, потому что оказался сильнее. Насъ обоихъ наказали, т.е. поставили по угламъ въ комнатѣ Лидіи Ивановны, гдѣ было

тепло, уютно и весело, потому что сама Лидія Ивановна пила тутъ же чай съ какой-то своей знакомой и все время съ ней болтала.

У Лидіи Ивановны была длинная шея, толстый носъ съ бородавкой и желтые зубы. Но, хотя она походила на Васю, лицо ея, когда она улыбалась, мнѣ нравилось, — такое было доброе. Вася помирился со мною и сказалъ, что онъ дерется съ горя, потому что очень стыдно мальчине учиться въ дѣвичьемъ пансіонѣ, и онъ страдаетъ. Онъ прибавилъ, что все равно этого не перенесетъ и убѣжитъ. Мнѣ стало его жалко, но горю его я сочувствовать не могъ, потому что оно мнѣ казалось вздоромъ. Не все ли равно, гдѣ учиться, и не все ли равно, мальчики или дѣвочки? Я любилъ и тѣхъ, и другихъ. Мальчики еще хуже немного: они дерутся и, главное, ни съ того, ни съ сего. Я не понималъ, зачѣмъ драться, и не очень любилъ драться, хотя, если меня задѣвали, спуску не давалъ — это было только справедливо.

— Ты скажи, попробуй, кому-нибудь, что ты съ дѣвчонками учишься, — убѣждалъ меня Вася. — Засмѣютъ.

— Да что-жъ тутъ смѣшного?

— Ужъ этого не знаю, а только унизительно, и засмѣетъ каждый. И побьетъ.

— Побьетъ, и я его побью.

— А коли онъ сильнѣй тебя?

— Пусть тогда бьетъ, только онъ все-таки будетъ неправъ, а я правъ.

Вася озлобленно махаль рукой и уходилъ отъ меня. Съ сыномъ учителя танцевъ я не говорилъ; онъ меня почему-то сильно боялся. Въ пансіонѣ я былъ цѣлый день. Послѣ обѣда Лидія Ивановна брала меня къ себѣ, сажала на колѣни, цѣловала, кормила фруктами и конфектами. Когда къ ней приходили гости, она рассказывала имъ про мою мать, про то, какъ онѣ вмѣстѣ учились — хотя онѣ собственно и не вмѣстѣ учились, потому что Лидія Ивановна была гораздо старше моей матери, — и какъ она, Лидія Ивановна, любитъ мою мать и меня. Я чувствовалъ удовольствіе и благодарность и мнѣ хотѣлось самому любить добрую Лидію Ивановну.

Вечеромъ за мной приходила моя Поля. Я кидался къ ней со всѣхъ ногъ, потому что все-таки скучалъ въ пансіонѣ, а Поля была такая привычная, домашняя, пахла сметанными лепешками и кумачомъ и, главное, вся была моя. Мнѣ очень нравилось сознаніе, что Поля — моя, служить мнѣ, любить меня, ухаживаетъ за мной должна меня слушаться. За то, что она моя, особенно нѣжно любилъ Полю. Кромѣ того, мнѣ казалось, что мы съ ней во многомъ похожи: слышалъ однажды, какъ мама спрашивала, почему она не шьетъ себѣ лиловое платье, которое она ей подарила къ празднику и которое такъ въ

матеріи и лежитъ въ сундукѣ. Поля отвѣчала, что ей матерія очень нравится и что ей «жаль» шить изъ нея платье. И я подумалъ: вѣроятно, Поля любитъ свою матерію, какъ я любилъ обезьянку и кувшинчикъ; мнѣ стало совсѣмъ понятно, что она не можетъ сшить платье и носить его, пока не разлюбитъ. Я пытался даже говорить съ Полей объ этомъ, но она только смѣялась.

— Что это вы, батюшка! Что она, человѣкъ — матерія-то? Какъ я еще ее любить буду? Глупостей понавыдумаете! Красивая она очень, не по мнѣ, такъ и жалѣю шить. Сшьешь, а надѣть и некуда.

По такимъ уклончивымъ Полинымъ отвѣтамъ я рѣшилъ, что она, пожалуй, дѣйствительно любитъ матерію, какъ я обезьяну любилъ, и только не хочетъ признаться, что я вполне оправдывалъ и понималъ, потому что я и самъ тщательно скрывалъ всегда свою любовь, пока она не проходила, и, кажется, умеръ бы отъ стыда, если-бъ пришлось говорить о ней, хоть съ матерью. Мать знала о моихъ увлеченіяхъ, и я твердо вѣрилъ, что она понимаетъ меня. Я просто говорилъ ей: а вотъ, мама, ты мнѣ въ прошломъ году стадо подарила. Такъ я тамъ корову Лужавку любилъ, бѣлую, съ красными пятнами. Только она къ рукамъ лица отъ краски, оттого я ее разлюбилъ.

— А помнишь, — говорила мама, — ты любилъ черную голову у дѣдушки въ кабинетѣ, подъ стекломъ? Я еще тебѣ все хотѣла сказать, съ кого это вылило, а ты зажималъ уши, а послѣ оказалось, что ты ее любилъ.

— Ну, я былъ маленькій тогда, — возражалъ я, искренно не понимая, какъ я могъ любить некрасивую черную голову въ капюшонѣ. Я зналъ теперь, что это бюстъ, вылитый изъ мѣди, и представляетъ онъ Саванароллу, который проповѣдывалъ посты и послушаніе, за что его и сожгли живымъ на кострѣ. Мама мнѣ часто рассказывала про него, но онъ мнѣ не нравился, и я радовался, что когда любилъ его черную голову, то не зналъ ни его имени, ни всей его исторіи.

Стояла осень, и дни были переменные: то шелъ дождь, то вѣтеръ рвалъ облака въ клочья и обнажалъ зеленое, блѣдное, очень холодное небо. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, послѣ дождя, мы шли съ Полей изъ пансіона. Мнѣ было грустно, потому что сегодня въ классѣ учитель объяснялъ изъ географіи широту, долготу и градусы, а я ничего не понималъ. Даже дѣвочки (я понемногу начиналъ думать, что онѣ глупѣе мальчиковъ) понимали, а я не понималъ, а когда учитель въ концѣ сказалъ, что въ сущности никакого экватора даже и нѣтъ, и чтобы мы не забывали, что это «воображаемая линія», то я почувствовалъ, что никогда ничего не пойму. Вообра-

жаемыя? И навѣрно нѣтъ? Тогда зачѣмъ же это все? Если-бъ сомнѣваться можно было, есть или нѣтъ, ну тогда пусть, тогда даже лучше. А то навѣрно нѣтъ. Не хочу воображать, если навѣрно.

Я думалъ такъ долго, что сталъ уже сомнѣваться, есть ли точно и всѣ звѣзды, и такое ли большое солнце, какъ насъ учили. Я очень любилъ узнавать все про звѣзды, и мнѣ стало весело при мысли, что ихъ, пожалуй, нѣтъ, и что это неизвѣстно. Но это *можетъ быть* нѣтъ, а земной оси меридіановъ навѣрно нѣтъ... и я съ негодованіемъ откинулъ всякія помышленія о нихъ.

Я замѣтилъ, что и Поля казалась скучной или сердитой. Губы она держала впередъ, безпокойно мигала глазами и такъ разсѣянно вела меня за руку, что мнѣ приходилось часто прыгать съ тротуара и наткаться на фонарные столбы.

— Ну, что это съ тобой? — сказалъ я капризно. — Мечтаешь! Не видишь, куда идешь! Чуть сейчасъ подь лошадь не псали.

— Ничего не попали, а вы шалили бы меньше, вотъ что! — вдругъ огрызнулась моя няня. — Силь нѣтъ никакихъ съ этимъ ребенкомъ. Что да что, да о чемъ думаешь? Ни о чемъ! Ничего со мной! Мало какихъ непріятностей, всего-то маленькимъ мальчикамъ и говорить — не пере-скажешь!

Я очень изумился непривычному тону Поли, и нисколько не обидѣлся, а взволновался. Вѣрс-

ятно, случилось что-нибудь очень плохое, потому что иначе она не стала бы так говорить со мною. Мы вошли на мостъ. Внизу лежала бурая, слегка разлившаяся отъ дождей, но все-таки мелкая, рѣка, засоренная по краямъ, въ грязныхъ берегахъ. Зеленовато-красный закатъ сквозь черныя, рваныя тучи освѣщалъ ее холодно и уныло. Низкій, ледяной вѣтеръ дулъ сквозь перила моста.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, Поля, — началъ я серьезно, — скажи, что случилось? Вѣроятно, готовится что-нибудь худое. Я вѣдь вижу, какое у тебя скучное лицо. Скажи, о чемъ ты думаешь? Слышала что-нибудь?

— Мало ли что я слышу? — отвѣчала Поля, хотя и нетерпѣливо, но сдержаннѣе. — Бѣдъ-то на свѣтѣ — не прибавлять.

— Нѣтъ, ты скажи, скажи! — молилъ я. — Что, на примѣръ?

Поля точно задумалась на минуту, потомъ вдругъ, съ очень серьезнымъ лицомъ, произнесла:

— Вотъ, на примѣръ, комета.

Я весь замеръ.

— Комета? Гдѣ комета? Какая?

— Ну, ужъ какая — не знаю. А только слышала, давеча папа съ мамой говорили, — явится комета. И будетъ по небу гулять каждый вечеръ, пока не пропадетъ.

Въ первую минуту я былъ такъ пораженъ, что не нашель словъ, а когда наконецъ раскрыль ротъ для дальнѣйшихъ вопросовъ, то невольно остановился и не сказалъ ничего. То, что я увидѣлъ, поразило меня новымъ удивленіемъ. Лицо Поля, за секунду передъ тѣмъ злое, встревоженное, непріятное, съ выпяченными губами, вдругъ сдѣлалось совсѣмъ инымъ, и такимъ свѣтлымъ, какъ будто тучи сразу разорвались передъ заходящимъ солнцемъ, и лучъ упалъ на это лицо. Губы потемнѣли, ноздри расширились, и вся Поля сдѣлалась другой Полей, которую я еще никогда не видалъ. Она улыбнулась и, не глядя, поклонилась кому-то. Когда я повернулъ голову, я замѣтилъ только удаляющуюся фигуру мужчины, въ черномъ, съ желтыми кантиками, пальто, надѣтомъ въ накидку. Я хотѣлъ было спросить Полю, кому это она поклонилась, но вдругъ раздумалъ и спросилъ неувѣренно:

— А это худо, комета?

— Что? — спросила Поля. Она все еще улыбалась и смотрѣла мимо меня.

— Комета, я говорю, къ худу?

— Какая комета? — такъ-же разсѣянно-ласково спросила Поля. И вдругъ, спохватившись, стараясь хмурить брови, добавила:

— Конечно, худо! Такіе большіе выросли, этого даже не знаете! Худо, нехорошо!

Я всматривался въ ея розовое лицо, не пере-

ставшее улыбаться, и спросилъ опять, съ невольнымъ сомнѣніемъ:

— А можетъ, и не очень худо, а? Не очень худо, Поля?

IV.

Цѣлый вечеръ я былъ молчаливъ и скученъ, и все хотѣлъ и не смѣлъ спросить маму о кометѣ. Что касается Полинаго лица, то, подумавъ объ этомъ пристально, я понялъ, что и спрашивать нельзя, не о чемъ, потому что въ сущности ничего и не было. И это казалось очень страннымъ: было, а если представить себѣ, что спрашиваешь словами, то сразу ничего и нѣтъ.

И я сталъ думать только о кометѣ. Прощаясь съ мамой передъ сномъ, я, наконецъ, рѣшился и сказалъ:

— Мама, скажи, правда, что идетъ комета?

— Комета? Что, это вамъ учитель объяснялъ?

— Нѣтъ, не учитель... А какая она, мама, комета?

— Развѣ ты не знаешь? Вѣдь вы, кажется, проходили. Звѣзда съ длиннымъ, прозрачнымъ хвостомъ...

И мама рассказала мнѣ о кометѣ. Сказала, что эта — возвращается черезъ шестьдесятъ семь лѣтъ, что она очень большая и уже видна.

— Сегодня облачно, темно, — заключила ма-

ма, а завтра, если будетъ хорошая погода, я тебѣ отпущу съ Полей на улицу вечеромъ, — полюбуйся, коли такъ интересуешься.

— Мама, а вотъ говорятъ еще, что это не къ добру...

— Это вздоръ, милый. Какое дѣло кометѣ до насъ и нашихъ бѣдъ? Идетъ себѣ она своимъ путемъ, пройдетъ мимо и скроется. Кто вѣритъ, — пожалуй, тому и къ худу, потому что вѣдь каждому по его вѣрѣ случается.

Я не понялъ и хотѣлъ спросить, почему это, но не спросилъ, рѣшивъ самъ сначала подумать, такъ-ли оно. Но комета наполняла мою душу ужасомъ, котораго я еще никогда не зналъ. И я не бѣдъ, ею предрекаемыхъ, боялся, а ея самой. Поля раздѣла меня, говорила мнѣ что-то, но я слушалъ плохо, занятый своими мыслями, и даже не взглянулъ, какое у нея теперь лицо. Долго не могъ заснуть, а когда заснулъ, то мнѣ снилось, что я лежу въ своей постели безъ движенія, съ закрытыми глазами, и все-таки вижу, что въ окно дѣтской смотритъ большая комета, близкая, страшная и свѣтлая... Я знаю, что это къ худу, и силюсь открыть глаза, и все-таки не могу... Утромъ страхъ прошелъ, на душѣ стало спокойнѣе, но комета была со мною, и я ни о чемъ не думалъ, кромѣ нея.

Въ этотъ день диктантъ мой оказался изъ рукъ вонъ плохимъ. Учитель, когда, по обыкновенію,

послѣ урока окружили его, чтобы видѣть, какія онъ ставитъ кому отмѣтки, въ графѣ противъ моего имени вывелъ два и остансвился на мину-ту. Я посмотрѣлъ на мою двойку съ равнодуш-нымъ презрѣніемъ и не подумалъ заплакать. Это удивило и даже смутило учителя. Онъ взглянулъ на меня съ ожиданіемъ, но я молчалъ. Мнѣ было рѣшительно все равно. Тогда учитель заторопил-ся и сдѣлалъ видъ, что по моему горю все-таки прощаетъ меня.

— Ну три, три съ минусомъ, бормоталъ онъ, перечеркивая клѣтку. — Зато ужъ впередъ — чтобы... Стараться надо.

Я пожалъ плечами и отошелъ отъ стола.

Вечеромъ, передъ самымъ закатомъ, мы опять шли съ Полей по мосту. Мои вечерніе ужасы надвигались. Небо становилось все чище, обла-ка медленно вытягивались и уходили, и я зналъ, что мама вечеромъ, когда станетъ темно, по-шлетъ меня смотрѣть комету. Комета непременно будетъ. А я не хочу и не могу ее видѣть. Ска-зать-же мамѣ, какъ я отношусь къ кометѣ, мнѣ было невозможно — не знаю, отчего. Но лучше умереть. Я шелъ и натыкался на столбы и тум-бы, не видя дороги. Вдругъ Полинъ голосъ, — и странный, пѣвучій, носовой какой-то, — вы-велъ меня изъ задумчивости. Я поднялъ глаза. Поля говорила не со мной. Она вела меня за ру-ку, но не смотрѣла въ мою сторону и точно сов-

сѣмъ забыла обо мнѣ. Рядомъ съ ней шель тотъ самый высокій человѣкъ въ черномъ пальто съ желтыми кантами, котораго мы встрѣтили и вчера на мосту. Онъ говорилъ что-то Полѣ, наклоняясь къ ней, потому что ея голова была ему едва по плечо, а у Поли было опять такое-же странное, свѣтлое лицо, какъ вчера. И опять это лицо мнѣ не понравилось, какъ не нравился тягучій голосъ, котораго я совсѣмъ не узнавалъ. Я пристально разсматривалъ Полинаго знакомого. У него былъ носъ граночками, не совсѣмъ круглый, очень открытые, выпуклые глаза, голубоватые, и губы треугольникомъ, большія и чрезвычайно розовыя. Я помню, что никогда не видалъ такихъ розовыхъ губъ, — не красныя нисколько, а розовыя, какъ шиповникъ, или еще у бабъ такія платья праздничныя бывають. Губы эти шли сильно впередъ, а на верхней росъ бѣловатый пухъ, свѣтлѣе кожи. Такой-же пухъ былъ кое-гдѣ и на щекахъ, которыя непріятно круглились, точно налитыя. Замѣтивъ, что я на него такъ пристально смотрю, онъ приподнял фуражку и произнесъ, слегка улыбаясь:

— Очень пріятно познакомиться.

— Это Мелентій Николаевичъ, Витенька, — заговорила Поля торопливо, обращаясь ко мнѣ такъ-же сладко, тѣмъ-же непріятнымъ, носовымъ голосомъ, какимъ говорила съ Мелентіемъ. — Они на телеграфѣ служатъ. Знаете, гдѣ мы съ вами

были, бабушкѣ денешу отравляли, еще машинка стучала: тикъ-тикъ...

Въ послѣднихъ словахъ Поли опять было что-то непривычное. Никогда она не говорила со мной такъ, точно съ двухлѣтнимъ младенцомъ. И я догадался, что она опять обо мнѣ совсѣмъ не думаетъ, какъ будто меня нѣтъ и не было.

— Вотъ, заходите еще когда-нибудь, — произнесъ Мелентій. — Я могу ленту показать. Весьма интересно для развитого человѣка.

Голосъ у Мелентія былъ довольно пріятный, говорилъ онъ точно съ легкой насмѣшкой.

Я ничего не отвѣтилъ и продолжалъ слѣдить за нимъ глазами. Онъ опять заговорилъ съ Полей, и такъ тихо, что я, даже прислушиваясь, не могъ ничего разобрать, особенно за стукомъ колесъ. Впрочемъ, я уловилъ слово «комета», произнесенное Полей вслѣдъ за словомъ «сегодня», и это сразу вернуло меня къ моимъ страхамъ и сомнѣніямъ.

Мелентій простился съ нами не у самого дома, а за угломъ. Это мнѣ показалось страннымъ, но я ничего не сказалъ. Поля все время заговаривала со мною, но я отмалчивался: и свои дѣла меня тревожили, и отъ Поли было какъ-то обидно и безпокойно.

За чаемъ я молчалъ тоже. И голова болѣла немного, и ожиданіе измучило. Наконецъ мать сказала:

— Ты, Витя, хотѣлъ комету посмотреѣть. Изъ-скопъ ея теперь не видно, а вотъ пойди съ Полей на дворъ, или по площади пройдитесь, — погода прекрасная. Ты здоровъ?

— Да, я здоровъ. Голова только болить.

— Ничего, еще лучше будетъ. Ступайте.

Поля торопливо и разсѣянно стала меня одѣвать.

— Ночью-то гулять тоже опасно бываетъ, — говорила она быстро, не то смущенно, не то сердито. — Мазурики тоже бродятъ. Хорошо, коли кто встрѣтится, проводить попросимъ....

Ночь была темная, ясная, и сверху, должно быть, всѣ звѣзды казались крупными. Въ ту секунду, какъ я вышелъ на улицу и нечаянно увидалъ кусокъ темносиняго неба, я уже твердо зналъ, что буду дѣлать. Я рѣшилъ не смотреѣть на комету. Мнѣ казалось, что если я ее не увижу, то она со мной ничего не сдѣлаетъ. И всѣ силы мои были направлены на то, чтобы не увидать ее какъ-нибудь нечаянно, и чтобы при этомъ никто не замѣтилъ, что я на нее не смотрю.

Мы пересѣкли улицу и прошли за уголъ, на площадь.

— Смотрите, смотрите, Витенька, — говорила Поля. — Вонъ она какая, комета-то! Батюшки, полнеба хвостомъ-то покрыла! Звѣздочки смететъ ей Богу! Нѣтъ, ужъ это знаменіе, тутъ и спориться нечего!

Я обратилъ лицо къ небу и закрылъ глаза. Мнѣ казалось, что комета пронизываетъ лучами мои вѣки, но, вѣроятно, это былъ свѣтъ отъ фонаря, около котораго мы стояли. Я зналъ, что стоитъ мнѣ открыть глаза, и я увижу ее. И все будетъ кончено. Я употреблялъ великія усилія, чтобы не открыть глазъ, и что-то стучало въ голову и въ грудь, — вѣрно, сердце.

— Весьма интересно и ужасно, — проговорила Поля совсѣмъ другимъ голосомъ. Я скользнулъ взоромъ по землѣ и тотчасъ-же увидалъ около Полиной юбки высокіе сапоги и полы чернаго распахнутаго пальто. Я понялъ, что это опять Мелентій. Мы пошли все вмѣстѣ. Мелентій громко разсуждалъ о кометѣ, спросилъ меня о чемъ-то — я ему отвѣтилъ, глядя внизъ. Потомъ онъ сталъ говорить съ Полей, а я слушалъ, какъ стучитъ сердце, и мучился, удерживая себя отъ взора наверхъ. На поворотахъ я совсѣмъ закрывалъ глаза и нѣсколько разъ чуть не упалъ. Когда я смотрѣлъ влѣво, на темныя стѣны домовъ, мнѣ все-таки казалось, что я вижу «ее» краемъ глаза, или уже видѣлъ, когда перевелъ взглядъ. Подбѣзды и лѣстницы, казалось, отражали ея лучи. Тогда я думалъ въ отчаяніи, что все равно все кончено, что ужъ лучше я посмотрю прямо. Но въ послѣднюю секунду нерѣшимость овладѣвала мной, и я даже рукой плотно прикрывалъ глаза, уже не заботясь, что замѣ-

тить Поля. Она, впрочемъ, совершенно забыла обо мнѣ.

Я вздохнулъ свободно на лѣстницѣ. Передъ самой дверью Поля вдругъ остановилась.

— Вы, Витенька, лучше не говорите мамѣ, что насъ провожалъ Мелентій Николаевичъ. Это очень хорошо, что они насъ провожали, потому что мало-ли ночью на улицахъ... А только вы все-таки не говорите: мама еще подумаютъ, что это мы изъ-за нихъ такъ поздно прогуляли, а я, вотъ ей Богу-же, и ни сномъ ни духомъ не знала, да и что мнѣ?..

Она остановилась. Я взглянулъ на нее съ изумленіемъ и сказалъ:

— Да мнѣ все равно.

Я хотѣлъ прибавить, что онъ какой-то противный, Мелентій,—но удержался и прямо пошелъ въ дѣтскую. Мама спросила меня, понравилась-ли мнѣ комета и гдѣ мы такъ долго пропадали.

Я сказалъ, что очень понравилась, и покраснѣлъ, потому что солгалъ.

V.

На другой день, и на третій я не пошелъ въ пансіонъ: у меня болѣло горло. Вѣрно, простудился тогда вечеромъ. Небо опять заволочлось

тучами, шелъ дождикъ, ночи стояли такія черныя, что даже едва огни фонарей были видны изъ оконъ. Угловая комната выходила на площадь. Я сидѣлъ на подоконникѣ и смотрѣлъ на низкія, быстро бѣгущія тучи. Смеркалось, и небо еще посѣрѣло. Мнѣ было скучно и гадко, и въ тѣлѣ былъ какой-то стыдъ, и я все думалъ и не могъ рѣшить, почему я — я. Много-же людей, но всѣ они — не я, а я именно я, а я — это совсѣмъ особенное... И только одно. Вотъ Поля, напримѣръ: и похожа на меня была, и моя была, и я ее любилъ, и вдругъ все измѣнилось. Я не зналъ, что именно измѣнилось; я чувствовалъ только, что мы съ ней стали чужими и далекими, ненужными другъ другу. И мнѣ дѣлалось злобно и досадно, когда я начиналъ думать объ этомъ.

Кто-то тихо вошелъ въ комнату. Я обернулся и увидалъ Полю. Она подходила съ виновато-радостнымъ лицомъ. Я хотѣлъ разсердиться, но она улыбалась, кивала мнѣ головой и шептала:

— Пожалуйста-ка сюда... Пожалуйста на минуточку...

Я слѣзъ съ окна и пошелъ за нею. Папы и мамы не было дома. Сильно темнѣло, но огня нигдѣ не зажигали. Поля съ торжествующей и хитрой улыбкой вела меня по всѣмъ комнатамъ. Мы миновали переднюю и вошли въ дѣвичью. На встрѣчу, изъ-за стола, покрытаго бѣлой ска-

тертью и освѣщеннаго ярею стѣнной лампой, поднялась высокая фигура Мелентія. Въ сторонѣ я увидѣлъ кухарку Степаниду и недавно нанятую горничную Оеклушу, пожилую дѣвушку.

— Мое почтеніе,—сказалъ Мелентій.—Слышаль, что вы больны. Весьма непріятная исторія. Вотъ, я осмѣлился... изъ уваженія къ вашимъ успѣхамъ по ученію... И какъ Пелагея Дмитриевна мнѣ говорила, что вы обожаете писать... Позволю себѣ преподнести.

Мелентій протягивалъ мнѣ тоненькую точеную ручку для пера, костяную, красную съ бѣлымъ. Ручка вся была изъ навинченныхъ пишечекъ и лепешечекъ, то красныхъ, то бѣлыхъ. Кромѣ нея, Мелентій держалъ еще тетрадь въ бумажномъ переплетѣ съ золотыми выпуклыми разводами и съ наклеенной овальной картинкой — розаномъ — посерединѣ.

Я взялъ ручку и тетрадь, покраснѣлъ и сказалъ спасибо.

Вещи мнѣ не нравились, а Мелентія и жалко не было, — я не любилъ его розовыя треугольныя губы. Но случайно я посмотрѣлъ на Полю: у нея было такое лицо, точно она хочетъ заплакать отъ страха, что мнѣ не понравятся подарки, точно это для нея важнѣе всего на свѣтѣ. Я бросился къ ней, поцѣловалъ ее, опять сказалъ «спасибо», и выбѣжалъ изъ дѣвичьей, прижимая къ груди тетрадку.

Въ залѣ было совсѣмъ темно. Я пробирался опять туда-же, въ угловую. Пробѣжавъ залу и гостиную, я пошелъ тише и, медленно, думая о Полѣ, о томъ, какіе у нея сейчасъ были глаза, когда она смотрѣла на ручку и тетрадку, — подошелъ къ окну и взглянулъ вверхъ. Тамъ передъ вечеромъ ползали сѣрыя тучи, и я глядѣлъ, какія онѣ низкія и тяжкія. Но теперь тучъ не было. Изсиня-черное небо, чистое и холодное, разстилалось передъ окномъ. И прямо на меня съ этого неба смотрѣла пышная и кроткая, блѣдно-золотая звѣзда. Полоса прозрачнаго, бѣловатаго свѣта, расширяясь и ослабѣвая, ниспадала отъ нея къ горизонту, не прямо, а легко и воздушно округляясь. И сквозь это молочное, тонкое, какъ паръ, покрывало — видны были, чуть-чуть, другія, маленькія, мерцающія звѣзды.

До боли прижимая къ груди тетрадку, я смотрѣлъ, не отрывая глазъ, на комету. И чего я боялся? Зачѣмъ бѣжалъ и отвертывался отъ нея? Вонъ она какая, широкая, тихая... Нѣтъ въ ней никакого худа, и не можетъ быть. Милая, и далеко она какъ, я знаю, что далеко, а чувствую, точно она со мной... Я опять вспомнилъ Полю. Она плакала сейчасъ, боясь, что мнѣ не понравятся Мелентьевы подарки. Мнѣ захотѣлось на минуту, чтобы ей такъ-же было хорошо, если это можно, какъ мнѣ теперь. Я долго

смотрѣлъ въ глаза блѣдно-золотой звѣздѣ и плакать тоже.

VI.

Мать рѣшила не посылать меня больше въ пансіонъ. Ей казалось, что это дурно вліяетъ и на мой характеръ, и на здоровье. Я былъ радъ. Цѣлые вечера я проводилъ безъ огня, на окнѣ въ угловой, слѣдя за кометой. Я зналъ, что она скоро уйдетъ, но не огорчился этимъ. Она уйдетъ, но она будетъ, — это только я перестану ее видѣть. Я пока буду о ней думать, а потомъ она вернется. Черезъ много лѣтъ, правда, но не все-ли равно? Вернется — и опять уйдетъ, и опять вернется. Какъ это хорошо! Я не боялся, что разлюблю комету, какъ раньше многое разлюблялъ. Я зналъ, что ее — не разлюблю.

Только облачные ночи печалили меня. Онѣ совсѣмъ напрасно отнимали у меня комету. Она была пока здѣсь, но невидная сквозь облачный слой.

Мама сказала мнѣ, что Поля выходить замужъ и что завтра будетъ обрученіе. Это поразило меня глубоко и казалось мнѣ совершенно непонятнымъ. Я забылъ, какъ жалѣлъ и ее, и тетрадку съ ручкой въ тотъ вечеръ, когда въ первый разъ увидалъ комету. Опять это мнѣ казалось противнымъ и досаднымъ, главное —

Мелентій, за котораго она и выходила замужъ. Замужъ! Это еще что? Ходила за мной, любила меня, вдругъ явился какой-то Мелентій, и Поля, которая вѣчно была моя, скачетъ къ этому мерзкому Мелентію. Я ревѣлъ отъ злости цѣлое утро, уткнувшись въ подушку. Я думалъ, что Поля, увидавъ мое разстройство, откажется отъ Мелентія. Но она ходила за мной красная, смущенная, огорченная, всячески утѣшала меня, но и не подумала отказаться.

Послѣ завтрака пришла мать, а Поля куда-то исчезла. Мама сѣла около моей постели и сказала серьезнымъ голосомъ:

— Я думала, что ты разумнѣе, Витя.

Я повернулъ къ ней лицо.

— Да я ужъ не плачу. Ты, мама, извини. Только согласишься, что это гадко съ ея стороны. Ну, я могу еще понять, ну пусть она любить Мелентія, но замужъ-то къ чему? Что это еще? Нѣтъ, мама, какъ ты себѣ хочешь, а Вася пансіонскій правду говорилъ, что всѣ женщины, во-первыхъ, злы, а во-вторыхъ, глупы. Главное, я не могу понять...

— Чего-же ты не можешь понять? — спросила мама спокойно.

— Да вотъ, зачѣмъ она непременно замужъ?..

— Она любить Мелентія, вѣдь ты же знаешь...

Я вскочилъ въ волненіи и сѣлъ на постели.

— Нѣтъ, послушай, мама. Объясни мнѣ это разъ навсегда. Какъ она его любить? Вѣдь все можно объяснить. Не любить же она его, какъ меня, или какъ я тебя. Мы съ тобой всегда вмѣстѣ, а Мелентій для нея вдругъ взялся, вотъ какъ, помнишь, у меня обезьянка была, я обезьянку любилъ?

Тутъ я покраснѣлъ, потому что думалъ о кометѣ.

— Или еще, — продолжалъ я тише, — черную голову любилъ... А потомъ мимо насъ дама проѣзжала въ своей коляскѣ, шляпка темно-розовая... Помнишь? Часто проѣзжала. Потомъ еще было... Такъ вотъ она Мелентія? Ну, а замужъ-то зачѣмъ?

Мама немного подумала и наконецъ сказала:

— Витя, тебѣ лѣтъ немного, ты не выросъ, отличаешься отъ взрослыхъ и по себѣ ихъ судить не можешь. Я тебѣ объясню, какъ сама понимаю, старайся вникнуть. Положимъ, Поля любить Мелентія, какъ ты любилъ и кувшинчикъ, и черную голову. Но только у взрослыхъ къ такой любви примѣшивается еще инстинктъ, то-есть безсознательное желаніе покоряться законамъ природы. Природа велѣла, чтобы животныя и люди имѣли дѣтей, которыя будутъ жить послѣ ихъ смерти. И вотъ, взрослый человѣкъ или животное, у которыхъ тѣло выросло и способно рождать дѣтей, безсознательно стре-

мится угодить природѣ. Поэтому Поля и хочется выйти замужъ, т. е. жить вмѣстѣ съ Мелентіемъ, чтобы имѣть дѣтей, хотя, можетъ быть, она объ этомъ и не думаетъ.

Я слушалъ, не сводя глазъ съ маминаго лица.

— Мама, что ты говоришь!.. Такъ это для инстинкта? А любовь какъ-же?

— Вотъ, любовь и смѣшана... Это и есть любовь.

— Нѣтъ, мама. А какъ-же, если любовь, то совсѣмъ не хочешь этотъ предметъ или человѣка себѣ имѣть? Только, чтобы онъ былъ гдѣ-нибудь...

— Ты маленькій, у тебя это иначе.

— Значить, мама, когда я вырасту, я ужъ не такъ буду любить, а какъ Поля? Съ инстинктомъ, и чтобы самому, чтобы себѣ имѣть, поближе? И непременно другую женщину, чтобы дѣтей? О мама, какъ это плохо! Я не хочу вырасти! Пусть я буду всегда, какъ теперь...

— Этого нельзя. Теперь ты ребенокъ. Законы природы нельзя перемѣнить, и если ты теперь и любишь, это природѣ ненужно. Это такъ, не серьезно, проба... Другія дѣти и совсѣмъ не любятъ такой любовью, какъ ты.

— Совсѣмъ? Пока вырастутъ? До инстинкта?

— Да, до того, что называютъ настоящей любовью...

Я замолчалъ. Мнѣ было больно, и страшно,

какъ никогда, но я не плакалъ. Я смотрѣлъ на маму, хотѣлъ спрашивать ее еще и еще, потому что я все-таки не понималъ, но не спрашивалъ. Мнѣ казалось, что она меня обидѣла. И не все ли равно? Она — взрослая, она думаетъ и чувствуетъ иначе; вонъ она мою любовь, потому только, что я не хочу ничего себѣ, называетъ несерьезной. Пусть я останусь совсѣмъ одинъ. А взрослые пусть женятся, забираютъ себѣ, кого любятъ, покоряются законамъ природы... Пусть.

Я тихо опустилъ голову на подушку и закрылъ глаза.

Мама еще что-то говорила мнѣ, потомъ, думая, что я хочу уснуть, поцѣловала меня въ голову и вышла.

Вечеромъ было Полино благословенье. Въ дѣвичью набралось видимо - невидимо народу. Сосѣдскія горничныя пришли въ такихъ яркихъ платьяхъ, что больно было смотрѣть. Дѣвичью, большую комнату, освѣтили четырьмя лампамъ и еще свѣчами. Мелентій привелъ только одну свою родственницу, старую, съ пристрашнымъ лицомъ. Казалось, что она все время смѣется, а въ сущности это у нея верхній клыкъ былъ слишкомъ длиненъ и ложился на нижнюю губу. Зеленое платье, шелковое, обшитое черными шнуточками, противно шумѣло.

Принесли образа и къ углу, вкось, положили

коврикъ. На коврикъ стали рядомъ на колѣни Поля и Мелентій. Мелентій былъ въ совсѣмъ новомъ, длинномъ, черномъ сюртукѣ, и подошвы сапоговъ, я видѣлъ, у него совсѣмъ чистыя. Онъ и Поля вмѣстѣ наклонили головы. Полина голова черненькая, съ заложенной кренделемъ косой, а у Мелентія на стриженомъ бѣловатомъ пуху прыгали отъ свѣчей золотыя искорки. Торчали большія розовыя уши. Миѣ сзади было невидно, но все казалось, что онъ смѣется. Полино лицо было серьезно и щека одна очень красная. Я замѣтилъ на Полѣ сѣрое платье съ широкими атласными полосами, то, которое она долго не хотѣла шить. Я горько усмѣхнулся про себя. Не хотѣла шить! Небось, теперь сшила для Мелентія. Его любить. Все забыла. Ну и пусть любить, какъ ей приказано.

Благословляли образами многіе, мама тоже. Это продолжалось не очень долго, Мелентій и Поля встали, коврикъ унесли, всѣ заговорили сразу. Поля поцѣловала родственницу Мелентія съ зубомъ, и миѣ на минуту стало страшно за Полю. Потомъ всѣ, громко разговаривая и смѣясь, стали усаживаться за длинный столъ, гдѣ были наставлены стаканы, бутылки и всякія угощенія. Особенно близко отъ меня стояла тарелка съ толстыми американскими орѣхами, которыхъ я терпѣть не могъ. Въ углу на табуретѣ я замѣтилъ скрипку, завернутую въ

трянку. Мнѣ сказали, что будутъ потомъ тан-
цовать.

У Поли щеки становились все краснѣе, и ротъ никакъ не могъ не улыбаться. Мелентій сидѣлъ около нея и все что-то шепталъ ей на ухо. Мама взяла меня за руку и увела въ комнаты, сказавъ, что мы только мѣшаемъ веселиться. Поля, взволнованная, выбѣжала за нами.

— Иди, иди, Поля, — сказала мать. — Я одѣнусь и уѣду безъ тебя. Барина нѣтъ уже. Витя посидитъ въ дѣтской, а въ свое время ты придешь уложить его спать.

Мама уѣхала въ гости, я остался одинъ. Въ дѣвичью мнѣ идти не хотѣлось. Я отдернулъ занавѣсъ и взлѣзъ на окно. Небо опять было чистое, очень далекое и очень холодное. Комета стояла низко, точно со стремительностью падая на землю. Расширяющаяся вверхъ полоса свѣта казалась прозрачнѣе и торжественнѣе. Комета какъ-бы летѣла ко мнѣ, всегда оставаясь далеко. И мнѣ чудилось, что я издали чувствую ея блестящій холодъ. Изъ-за плотно притворенныхъ дверей, съ другого конца дома, едва доносились ко мнѣ оборванные, рѣдкіе, жалобно тихіе звуки скрипки, такіе неслышныя, что я не зналъ, когда они начинаются и когда прекращаются. Комета смотрѣла на меня, или я смотрѣлъ на нее,—это было одно и то-же. Медленно она мѣнялась, изъ блѣдно-золотой дѣлалась

кровавой, и опять свѣтлѣла и кротко золоти-лась. Она казалась мнѣ узломъ всего, что есть на свѣтѣ. Я не понималъ, почему мнѣ дано такое счастье — смотрѣть на нее, — и плакалъ отъ недоумѣнія.

Поля пришла укладывать меня спать. Я улыбнулся ей сквозь слезы и, когда она, укрывая меня одѣяломъ, наклонилась ко мнѣ, крѣпко обнявъ ее, прижался къ ея горячему, радостному лицу. Она часто дышала, и дыханіе проподнимало ея платье съ атласными лиловыми полосами. Вся она была теплая, беспокойная, живая. Мы крѣпко поцѣловались. Пряча лицо въ подушку, я старался удержать уже другія слезы и все шепталъ про себя: бѣдная Поля! бѣдная!

VII.

Проходили дни. Комета удалялась отъ земли, блѣднѣя, я зналъ, что ей нужно уйти надолго въ непонятныя пространства, и я радовался за нее, что она такая легкая и будетъ тамъ, гдѣ я никогда не буду. Вѣдь я зналъ, что она вернется.

Она показалась мнѣ сразу уменьшившейся, когда я увидѣлъ ее послѣ двухъ облачныхъ вечеровъ. Блѣдная, маленькая, она была мнѣ еще милѣе. Съ ласковой, грустной радостью я

прощался съ нею. Пусть идетъ. Она все равно есть, только мои глаза не будутъ ее видѣть, а потомъ она вернется.

Полю я нѣсколько разъ видѣлъ съ заплаканными глазами. Она отвертывалась отъ меня, не хотѣла, чтобы я замѣтилъ. Я удивлялся, но ни разу не спросилъ, о чемъ она плакала. Когда мы съ ней гуляли — въ пансіонѣ я больше не ходилъ — она молчала все время. Мелентія мы не видѣли.

Цѣлый день шелъ холодный дождь, иногда со снѣгомъ. Вѣтеръ и теперь, когда мы собрались къ чаю, стучалъ въ черныя окна. Говорили, что наша рѣка разлилась и черезъ мостъ не ѣздить.

Я сидѣлъ молча и смотрѣлъ на огонь. Чаю мнѣ не хотѣлось. Отецъ, по обыкновенію, былъ сумраченъ и курилъ толстую сигару. Мама перелистывала какую-то книжку. Я смотрѣлъ на мамино склоненное лицо, на короткій черный завитокъ около уха, на руку съ тремя кольцами, свободными на безымянномъ пальцѣ, и думалъ о томъ, что и завитокъ, и рука, и кольца мнѣ несказанно привычны, близки и милы, такъ близки, что и понять нельзя, а между тѣмъ все-таки она — не я, а одинъ я — я, и могу я смотрѣть *на* нее, а не *изъ* нея, и въ этомъ вся разница. Я понималъ, что это такъ, но отчего

такъ, и что это значить — я не умѣлъ понять, тосковалъ и сердился.

Өеклуша принесла кипящій самоваръ съ живымъ бѣлымъ паромъ надъ нимъ. Въ эту минуту изъ дѣвичьей ясно послышался не то крикъ, не то сорвавшійся плачь — и сразу смолкъ, точно дверь притворили. Я не узналъ голоса, онъ былъ незнакомый и дикій.

Мама подняла голову.

— Что это? — тревожно спросила она Өеклушу.

Өеклуша усмѣхнулась, показавъ некрасивые зубы.

— Целагея реветъ... Кому-же еще?

— Поля? Что такое?

— Письмо прислалъ, — шеннула Өеклуша, видимо стѣняясь присутствіемъ барина. — Окончательно отказывается и признается: женатый... А деньги, что взялъ у ей, отдать обѣщается впослѣдствіи времени. Но, однако, чрезвычайная подлость. Обошелъ, какъ есть.

— Ну, довольно, — произнесъ отецъ, морщась и вставая.

Въ эту секунду крикъ опять повторился. потише. И отецъ прибавилъ въ дверяхъ, обращаясь къ мамѣ:

— Ты хоть-бы капель ей дала, что-ли, матушка. Вѣдь неинтересны эти истерическіе вопли. И до кухонныхъ трагедій мнѣ дѣла мало.

Мама тотчасъ-же встала и ушла, притворивъ двери. Я не смѣлъ шевельнуться и, замирая отъ страха, соображалъ: Поля плачетъ. Мелентій обманывалъ ее, не любилъ и жениться не хотѣлъ, потому что женатъ. Денегъ хотѣлъ. А она его хотѣла, а онъ ушелъ... Какъ-же теперь бѣдетъ? Ушелъ...

Мама вернулась. У нея были тревожные и жалкіе глаза.

Я тихонько спросилъ ее, такъ-ли все, какъ я понять.

Мама сказала:

— Да. Очень жаль Полю. И какъ это мы раньше о немъ не догадались разузнать? Простить себѣ не могу. И полюбится-же эдакій молодецъ! Иди спать, Витя, — прибавила она вдругъ серьезно. — Это, въ сущности, тебя мало касается. Полю жалко, но она не глупая дѣвушка: авось выбросить это изъ головы, успокоится. Ты, сдѣлай милость, ужъ не трогай ее, не разспрашивай ни о чемъ.

Я послушно всталъ и пошелъ въ дѣтскую. Я дѣятельно желалъ, чтобы Поля не приходила сегодня ко мнѣ, потому что всегда немного боялся людей, у которыхъ сильное и острое горе. Я помнилъ, какъ въ нашемъ домѣ умеръ дядя Володя. Дядя Володя казался мнѣ пріятнымъ, ему было такъ спокойно и удобно, но тети Лизы я долго боялся: проходя мимо нея, за-

крывалъ глаза рукой. И не зналъ, жалости-ли къ ней боюсь, или ея самой.

Но Поля явилась. Я робко взглянулъ на нее. Она, къ удивленію, показалась мнѣ совсѣмъ спокойной: ни одна черта въ лицѣ не двигалась. Опухшія вѣки она не подняла. Она дѣлала все, какъ обыкновенно, даже сказала мнѣ что-то о моихъ ботинкахъ, и я не замѣтилъ перемѣны въ ея голосѣ. На секунду, какъ это бываетъ, мнѣ стало даже досадно, что ее жалѣлъ напрасно, и большого горя никакого нѣтъ, но сейчасъ же я просто успокоился, сказалъ себѣ, что это хорошо, и заснулъ.

VIII.

Часы въ столовой били разъ, два... Я сталъ считать, насчиталъ десять ударовъ, вскочилъ и сѣлъ на постели. Десять часовъ! Въ окна смотрѣлъ мокрый, низкій свѣтъ осенняго дня. Что это значить? Я проспалъ до десяти часовъ и никто не разбудилъ меня! Глубокая тишина царила въ домѣ. Я прислушался, и мнѣ стало страшно отъ тишины: такая она была нехорошая.

— Мама! Поля! — крикнулъ я слабо, и самъ испугался своего голоса, и спрятался съ головой въ одѣяло. Пролежавъ нѣсколько времени

лицомъ къ стѣнѣ, я не выдержалъ, обернулся и опять закричалъ громче:

— Кто тутъ? Мама!

Послышался наконецъ стукъ двери, мелкіе шаги, и въ комнату вошла Оеклуша.

Она молча налила воды въ умывальникъ и поставила мои ботинки около постели.

— Оеклуша, а Поля гдѣ? — спросилъ я, вдругъ оцѣпенѣвъ отъ ужаса.

Оеклуша не сразу отвѣтила:

— Пошла бѣлье на рѣку полоскать.

Она нерѣдко ходила на плотъ, который былъ отъ насъ близко, и я успокоился было. Но потомъ, раздумавшись, быстро спросилъ:

— А плотъ развѣ не затопило? А мама гдѣ?

— Мамаша сейчасъ придуть, — отвѣтила Оеклуша и ушла.

Я сталъ торопливо, кое-какъ, одѣваться. Сердце билось и дрожало, и я бессмысленно повторялъ про себя: «надо узнать... надо узнать...»

Не думая умываться, я уже рѣшилъ бѣжать къ мамѣ, какъ вдругъ въ комнату вошла сама мама. Часы медленно и громко стали бить одиннадцать. Лицо у мамы было непривычное, на блѣдной щекѣ стояла слеза, руки дрожали. Не ожидая моего вопроса, она сказала:

— Витя, случилось большое несчастіе. Поля утонула.

— Какъ мама?....

Мама сѣла въ кресло, устало опустивъ руки.

— Она пошла сегодня утрѣмъ полоскать бѣлье. Ей говорили, что вода высокая, на плоту скользко и мокро... Оеклуша и Анисья обѣ увѣряютъ, что говорили. Но она все-таки пошла. Когда она упала, скоро замѣтили и вытащили, но она уже умерла. Докторъ и теперь здѣсь, но помочь ей нельзя.

— Мама... что это? Какъ она? Она нечаянно? Совсѣмъ нечаянно упала? Мама!

— Не знаю, голубчикъ. Можетъ быть, и нарочно. И не хочешь — а все думается, что нарочно, съ горя. И какъ ее пустили!

— Мамочка, она совсѣмъ ничего вчера... Я не думалъ... Къ ней пойду, мама... Она тамъ? Гдѣ? Да что это...

Я растерянно лепеталъ какія-то слова, цѣпляясь за мамино платьѣ. Никакія силы не могли меня заставить повѣрить въ эту минуту, что Поля точно умерла.

Мама молча взяла меня за руку и повела въ дѣвичью. Я дрожалъ и удерживался отъ дрожи. Въ душѣ было глубокое изумленіе.

Около постели въ углу толпились женщины и тихо говорили. У окна какой-то господинъ, должно быть докторъ, надѣвалъ сюртукъ. Женщины посторонились, и я увидѣлъ Полино тѣло. Голова ея лежала низко, безъ подушки. Тонкіе, черные, мокрые волосы слиплись на лбу.

Темный ротъ былъ раскрытъ, остеклѣвшіе глаза смотрѣли впередъ безсмысленно и мучительно. Въ первый разъ я видѣлъ мертвое лицо безъ спокойствія и тишины, и оно мнѣ показалось безобразнымъ, злымъ и страшнымъ, какъ живое. Я отшатнулся назадъ и, забывъ, что тутъ другіе, вскрикнулъ:

— Мама! это она нарочно, со зла, нарочно! Себѣ его непременно хотѣла, и вотъ, со зла! Мама, боюсь ее, боюсь ее!

Мама схватила меня молча за плечо и увела.

Въ столовой она сурово дала мнѣ воды и произнесла:

— Пріучайся сдерживаться, Витя. Не хорошо быть больнымъ.

Я заплакалъ тихонько и сейчасъ-же пересталъ. Глядя на маму, я успокаивался изо всѣхъ силъ, только еще дрожалъ немного.

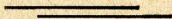
— Прости, мама, сказалъ я. — Я знаю, но только страшно и худо. Зачѣмъ она, мама? По ней я увидалъ, что она худо сдѣлала. Оттого, что не могла его *себѣ* имѣть, да, мама? Какъ-же это? А ты еще говорила, что это и есть настоящая любовь...

Я смотрѣлъ ей въ глаза и ждалъ ея словъ. Но мама ничего не отвѣтила.

Вечеромъ я сидѣлъ на окнѣ въ своей комнатѣ. Небо разъяснилось и смотрѣло на меня, холодное, черное и высокое. Звѣзды, золотыя точки, вздрагивали наверху. Кометы больше не было видно. Я съ усиленіемъ вглядывался въ глубину, стараясь уловить послѣдній слѣдъ, послѣдній знакъ, но не было ничего. Она ушла, легкая, туда, куда не доходятъ мои взоры. Но я зналъ, что она есть. Смутныя чувства, не похожія ни на радость, ни на печаль, были на сердцѣ. Ея нѣтъ теперь, но она придетъ, спокойная и вѣрная. Надо ждать. Она придетъ.

1897.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Анатолій Саввичъ, молодой купеческій сынъ изъ «интеллигентныхъ», внезапно предложилъ своей женѣ, Катеринѣ Ивановнѣ, «покутить», — и они отправились на острова въ бѣлую майскую ночь.

Взяли лихача и поѣхали. У нихъ были свои лошади, но Анатолій Саввичъ подумалъ, что съ кучеромъ Андреемъ будетъ что-то привычное, а ему хотѣлось чего-то иного, чего — онъ и самъ не очень ясно себѣ представлялъ.

Анатолій Саввичъ и Катерина Ивановна были женаты мѣсяца три-четыре. Передъ этимъ они очень долго были влюблены другъ въ друга и много терзались, потому что родители ихъ находились въ ссорѣ и слышать не хотѣли о соединеніи дѣтей. Одно время они видались лишь тайкомъ. Катерина Ивановна выбѣгала къ Анатолію Саввичу на лѣстницу. А однажды она даже рѣшилась проѣхать съ нимъ на острова, — полчаса, не больше, сказавшись роднымъ, что идетъ къ подругѣ.

Анатолій Саввичъ въ то время кончалъ университетъ. Кончивъ, онъ понемногу сталъ входить въ отцовское дѣло.

И неожиданно любовь его къ Катеринѣ Ива-

новнѣ получила блаженное разрѣшеніе. Родители, помирившись, благословили ихъ, и они повѣнчались среди всеобщей радости и умиленія, въ домово́й церкви, подѣ пѣніе самыхъ лучшихъ пѣвчихъ.

Родитель Анато́лія Саввича даже великодушно дозволилъ имъ поселиться въ отдѣльномъ гнѣздышкѣ, гдѣ все было устроено чрезвычайно мило и удобно. Въ буфетѣ пахло свѣжестью новаго дерева, серебро блестяло, а спальня молодыхъ — она-же и будуаръ молодой — казалась просто игрушкой.

Такъ они и жили, мирно и нѣжно-весело, вплоть до того вечера, когда Анато́лію Саввичу пришла охота съѣздить съ женой на острова.

Катерина Ивановна была немножко лѣнива; ей, пожалуй, пріятнѣе было-бы остаться въ своемъ будуарѣ-игрушкѣ, надѣть капоть; чай подадутъ, съ вареньемъ, съ бутербродами, Тося милый съ нею... Но когда мужъ предложилъ ей прокатиться — она вдругъ какъ-бы поняла его, слова не сказала, одѣлась и поѣхала.

Было не очень поздно. На Невѣ — сѣрый блескъ, запахъ пыли и воды, кругомъ — не громкій и не ясный рокотъ неспящаго, но все-таки ночного города. Дальше, на проспектѣ, — непрерывающійся, но тоже не громкій шелестъ мягкихъ колесъ по шоссе, тупой и частый стукъ копытъ. За деревянными мостами, на Ела-

гиномъ — внезапная, теплая, вся глубокая и душистая, сырость. Деревья только что окудрявились — темными въ сѣромъ сумракѣ — юными листьями. Влѣво бѣлѣлась тускло-серебряными пятнами вода. Небеса вверху были какъ вода: тускляя, беззвѣздныя, притаившіяся. И было хорошо, — какъ хорошо бываетъ притаившемуся человѣку съ радостью въ душѣ.

Анатолій Саввичъ крѣпче сжалъ станъ своей молодой жены:

— Милая... милая... а помнишь, какъ мы съ тобой разъ уѣхали украдкой? Такая-же была ночь. И какъ мы боялись тогда... и какъ я любилъ тебя... Помнишь?

— Тогда... да, помню. Вотъ было страшно! Помню, конечно.

— Какъ мы счастливы теперь! Неправда ли? Тебѣ хорошо? Неправда ли, какъ хорошо?

— Очень хорошо, Тосикъ.

Она помолчала и прибавила:

— Сегодня только сырѣе немного... Но хорошо, хорошо.

— Тебѣ холодно, голубка? Сейчасъ, сейчасъ мы пройдемъ въ одно мѣстечко, я покормлю и согрѣю мою птичку... Сырѣе, но пахнетъ, Катюша, совершенно какъ тогда.

— Очень хорошо пахнетъ. И ты такой же восторженный, какъ тогда... Ты давно уже такимъ не былъ.

— Потому что я счастливъ, Катюнокъ, и счастливъ вполнѣ... Я вновь переживаю то, прежнее, вновь вижу тебя тою же робкою дѣвочкой, довѣрчиво ко мнѣ прильнувшей... Но я знаю теперь, что ты — моя вполнѣ.

— О, дорогой, и я счастлива.

Анатолій Саввичъ говорилъ искренно, съ волненіемъ, — а между тѣмъ очень опредѣленно глгаль. Онъ мучительно хотѣлъ все это чувствовать — и мучительно не чувствовалъ. Онъ не видѣлъ въ Катеринѣ Ивановнѣ никакой робкой дѣвочки — а все ту же милую, знакомую жену, которую видѣлъ вчера и третьяго дня у себя дома, хорошенькую, со спокойнымъ, побѣлѣвшимъ и очень пополнившимся личикомъ, въ дорогой дамской шляпкѣ, которую онъ самъ съ нею выбиралъ. Онъ тоже отлично замѣтилъ сырость, которой «тогда» какъ будто и не было. Очень хорошо, пріятно, и отрадно, и жену онъ любитъ, — но счастья, того несравнимаго съ пріятностью, особеннаго, съѣдающаго, чувства, — онъ не могъ вспомнить. Не могъ тѣлесно. А мысленно — помнилъ.

И онъ сталъ злиться и даже досадовать на жену, за то, что она-то вѣдь помнить, чувствуетъ... Она такъ же счастлива. Боже сохрани, если она догадается, что онъ... Что — онъ? Развѣ ему худо? Развѣ онъ не любитъ, развѣ не исполнились

всѣ его желанія? Вздоръ. Просто — сыро сегодня на островахъ.

Они заѣхали въ ресторанъ. Катерина Ивановна сняла шляпку и стала еще милѣе — ну совсѣмъ какъ дома.

Заказали ужинъ, шампанское. Катерина Ивановна сѣла за столикъ, на бархатный диванъ. Она давно не была въ ресторанъ (какъ-то она обѣдала въ отдѣльномъ кабинетѣ, съ емьей). Она подумала, что, въ сущности, Богъ знаетъ, какіе люди тутъ каждый день бываютъ, и что въ квартирѣ у нихъ уютнѣе и свѣжѣе. Ее немножко давилъ узковатый корсетъ. И вино она не очень любила — ей отъ него бывало тошно.

Но ея Тося смотрѣлъ на нее такими восторженными, влюбленными глазами, такъ радовался всему, — что и она стала стараться радоваться, и радовалась.

Подали закуски, потомъ первое кушанье, потомъ второе. Второе понравилось Катеринѣ Ивановнѣ, она поѣла съ удовольствіемъ, спросила названіе и мимолетно подумала:

— Вотъ бы Дашу научить.

Подали и шампанское. Лакей удалился, но потомъ опять зачѣмъ-то пришелъ, въ ту минуту, когда Анатолій Саввичъ хотѣлъ поцѣловать Катерину Ивановну. Это вышло неудобно. Но когда лакей опять исчезъ — Анатолій Саввичъ сказалъ:

— Выпьемъ же, дорогая, за наше счастье. Подумай, какъ еще недавно я почти не смѣлъ поднять на тебя глаза, — и вотъ, ты моя, навѣкъ. Выпьемъ за нашу любовь.

Выпили.

Катерина Ивановна улыбнулась, поглядѣла на мужа съ благодарностью. И, увидѣвъ его напряженно-восторженное лицо, прибавила:

— Ты меня жжешь своими глазами...

Анатолій Саввичъ ее нисколько не жегъ, но она бессознательно припомнила, что сказала ему однажды эту фразу, давно, задолго до свадьбы — и бессознательно почему-то ее теперь повторила. Тогда ему это такъ понравилось.

Анатолій Саввичъ порывисто потянулся къ женѣ и обнялъ ее. Столъ мѣшалъ немного. Тамъ, въ ихъ уютной спальнѣ, такъ было удобно и хорошо обниматься.

— Помнишь, Катя, какъ ты выбѣжала ко мнѣ на лѣстницу, въ сумерки? Помнишь, какъ я тебя въ первый разъ поцѣловалъ, вотъ здѣсь... здѣсь... около уха...

И онъ поцѣловалъ ее около уха. Но этотъ поцѣлуй нисколько не напомнилъ ему перваго. Со времени перваго, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ супружества, онъ столько разъ цѣловалъ ее, — конечно и около уха тоже, что первый поцѣ-

луй совершенно стерся — отъ прикосновенія его же собственныхъ губъ.

— О, я все помню, — сказала Катерина Ивановна. — Мнѣ такъ хорошо.

Ей, дѣйствительно, стало хорошо, но она вспомнила не тѣ первые тайные поцѣлуи, а вчерашнія, третьеводнишнія веселыя ласки въ уютной спальнѣ. Но Тося все спрашиваетъ: помнишь? И онъ такой милый. Ну, конечно, она помнить, и ей хорошо.

Они долго цѣловались, поглядывая на дверь, и было совершенно такъ же хорошо, какъ дома, только не такъ ловко и удобно.

— Тосикъ, у меня голова немножко заболѣла, — проговорила Катерина Ивановна. — Я думаю, пора домой.

— Домой? Ъдемъ, голубка. Сейчасъ спрошу счетъ.

Катерина Ивановна стала прикалывать шляпку у зеркала, радуясь, что скоро сниметъ узкое платье.

Но вдругъ и ей стало ни съ того ни съ сего грустно. Такъ все хорошо, а вотъ, грустно. Вѣроятно, ей грустно оттого, что Тосѣ кажется, будто поѣздка не удалась. Однако, чѣмъ она не удалась? Да можетъ быть ему это и не кажется?

Они вышли, сѣли на своего лихача и поѣхали домой. Не посвѣтлѣло, посвѣтлѣлъ пока только

парь отъ пароходовъ на Невѣ — сталъ бѣлый-бѣлый. Супруговъ обгоняли парочки, обнявшіяся, какъ и они. Пылью уже не пахло, а только водой. Совсѣмъ стало сыро. Мужъ заботливо укутывалъ поблѣднѣвшую Катерину Ивановну. Она взглянула на него и робко сказала:

— Какъ хорошо... Я такъ счастлива... А ты?

— Ты можешь сомнѣваться?

Больше они не говорили и скоро пріѣхали домой, гдѣ ихъ встрѣтила заспанная, но лукаво и поощрительно улыбающаяся, горничная.

Катерина Ивановна съ успокоенной душой взглянула на свое чистенькое гнѣздышко и поспѣшно стала раздѣваться. Прояснился и Анатоій Саввичъ. Какъ тепло у нихъ послѣ ночной сырости. Острова, дѣйствительно, совсѣмъ на болотѣ.

Остатокъ ночи супруги провели въ милыхъ ласкахъ, въ привычныхъ, отрадныхъ проявленіяхъ любви. И, убаюканный теплотою спокойной радости, Анатоій Саввичъ пересталъ мечтать — о Счастьѣ...

СТРАННИЧЕКЪ.

На дворѣ черный сентябрьскій вечеръ. Что осенняя грязь на деревенской улицѣ, что небо надъ нею — одна чернота, и если-бъ все перевернулось вверхъ дномъ — глазъ не замѣтилъ бы перемѣны. Тепло, тихо-претихо, вѣрно тучи низко. Дождя нѣтъ.

Изъ этой ровной черноты, въ тотъ вечеръ, вынырнулъ странничекъ въ камилавкѣ, съ мѣшкомъ за спиной, и постучался въ Спиридонову избу. Окна были заложены ставнями, но межъ щелей свѣтилось.

Постучалъ странничекъ, попросилъ, Спиридонъ къ нему вышелъ, пустили.

Спиридонова изба просторная, бѣлая, не новая — да теплая: печь недавно перекладывали. Спиридонъ мужикъ мало пьющій, справный, а семьи — всего онъ да жена, и та изъ дальняго села взята.

Странничекъ, вошедъ, помолился въ уголъ на образа, потомъ поклонился на всѣ четыре стороны.

— Ну, здравствуйте хозяинъ съ хозяйкой. Благослови и спаси васъ Господь, что приняли мя, страннаго, подъ кровъ свой на сію ночь.

— Ладно, расправляйся да садись къ столу,

— сказалъ Спиридонъ. — Вечерять будемъ. Хозяйка моя соберетъ. А потомъ и на покой. Чего огонь жечь. Мы еще понче на току не совѣмъ управились. Поспѣшать, не занепогодило бы. Ты, отецъ, откудова?

— Изъ монастыря я, голубчикъ. Недалече, изъ Всесвятскаго. А иду-то далече. Благословилъ меня отецъ игумень пѣстранствовать.

— Такъ. Ну собирай поѣсть-то, Мавра. Слышишь, што-ль?

Мавра до тѣхъ поръ неподвижно сидѣла у стола, сбоку, подъ маленькой керосиновой лампой, и молчала. Ситцевый платокъ, угломъ надвинутый впередъ, затѣнялъ ея лицо, но оно, когда Мавра встала, и на свѣту оказалось у нея все въ тѣни, темное-темное, словно заржавленное.

Молча пошла къ печкѣ, завозилась, но тихо; и тамъ — какъ во снѣ.

Спиридонъ, благообразный, русобородый молодой мужикъ, сѣлъ къ столу, покрестившись, и вздохнулъ.

Въ избѣ было тепло и довольно свѣтло, а между тѣмъ какая-то невеселая пустота, тоска висѣла по угламъ. И бѣлые часы съ розаномъ тикали невесело. Только странничекъ юрко возился на лавкѣ со своимъ мѣшкомъ, что-то пришепе-

тывая, съ молитвенными словами, и шумно и дѣлательно вздыхая.

— Иди, странничекъ, похлебай кваску, — сказалъ Спиридонъ. — Не знаю, какъ величать-то тебя.

— Памфилій, смиренный Памфилій я. Спаси тебя Христось. Мнѣ и кваску не надо бы, въ воздержаніи да сохраню плоть свою. Съ устатку развѣ. Въ пути еущимъ разрѣшается...

— Иди ужъ, иди, отче, — равнодушно сказалъ Спиридонъ.

Мавра подала хлѣбъ, чашку, ложки, отошла и сѣла опять на прежнее мѣсто къ уголку.

— Сама не будешь, что-ль, ѣсть-то? — спросилъ Спиридонъ.

Мавра отвѣтила тихо, словно вздохнула:

— Нѣ...

Спиридонъ, схлебнувъ раза два, посмотрѣлъ на странничка, на его точно щипанную или молью ѣденную головенку и бородку, молодое еще, но уже морщенное, сѣроватое лицо, — и сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Да... Эко горе у насъ... Хозяйка-то моя больно убивается. Очугунѣла инда вся.

— Бѣда въ дому-то у васъ? — спросилъ странничекъ. — Темны у хозяйшки очи, темны, вижу я. Что случилось-то? Чѣмъ Господь посѣтилъ?

— Да вотъ, дѣти не стоятъ у насъ,—пояснилъ Спиридонъ. — Въ пятницу мальчонку къ попу свезли. Четвертый это ужъ у насъ. Ну да тѣ, Господь съ ими, день по десяти, не болѣ, жили, — родился да померъ, что съ его? А этотъ, Васютка-то, по пятому году ужъ. Такой былъ утѣшный малецъ. И не знать съ чего — завертѣло-завертѣло, мучился еще сколько... Въ больницу она его носила... Такъ и померъ.

— Кабы не мучился-то, такъ ништо бы... ужъ ништо бы... — вдругъ заговорила Мавра изъ своего угла неожиданно громкимъ и точно треснутымъ голосомъ. — А мучился-то какъ... покою ему сколько день не было. Возму на руки, 'головка-то такъ и виснеть, такъ и виснеть. Плакать даже не плачетъ, а все мнѣ въ глаза смотреть. Что, моль, тебѣ, Васюта? Чего тебѣ не дать ли, моль, ласковый? А онъ смотреть. А потомъ тихонечко такъ: «молочка бы ты мнѣ, мамка, — да не хоцца»... Молочка бы ему, вишь ты... да.... да... не хоцца...

Мавра точно оборвалась и отвернулась.

Разсказывала она о Васюткѣ, вѣроятно, не въ первый разъ, и, вѣроятно, тѣми же словами и такъ же кончала.

Странничекъ глубоко вздохнулъ, сдѣлалъ опечаленное лицо и, перекрестившись, произнесъ:

— Упокой, Господи, душу раба твоего, ново-

преставленнаго младенца Василия. Его святая воля. Пути Господни неисповѣдимы. А ты, раба Божія Мавра, не ожесточай сердца своего. Со смиреніемъ и покорностью да приѣмлешь испытаніе. Велики грѣхи и беззаконія наша, и нѣтъ кары ихъ достойной. Милосердѣ. еще Господь Богъ ко грѣхамъ нашимъ.

— Мальчишка-то больно утѣшный былъ, — сказалъ Спиридонъ задумчиво. — Остались мы, какъ были, бобылями. Она, вонъ, сказываютъ, и родить больше не будетъ. Повреждено у ней что-то въ нутрѣ. Такъ и скоротаемъ вѣкъ. По крестьянству намъ безъ дѣтей тоже трудно. Да и малецъ ужъ очень хорошъ былъ.

Странничекъ даже подпрыгнулъ на лавкѣ и весь заморщился.

— Крестъ вашъ несите, по грѣхамъ вашимъ, — проговорилъ онъ радостно. — Вы что? Сказано: не любите міра, ни того, что въ мірѣ: похоть плоти... Еще сказано: взгляните на птицъ небесныхъ — не сѣютъ, не собираютъ въ житницы... А вы что? Къ образу міра сего прилѣпились, и наказуетъ васъ Господь за дѣла ваши.

— Мы что-жъ... — произнесъ Спиридонъ равнодушно. — Грѣшны мы, это точно... Однако какіе же такіе особенные наши грѣхи? И мы грамотные; слышали, сказано: въ потѣ лица зарабатывать хлѣбъ твой...

— Да гдѣ сказано-то? — накинулся на него Памфілій. — Когда сказано-то это было? Небось тогда Господь-то нашъ Иисусъ Христосъ еще на землю не приходилъ. А пришелъ и было сказано: взгляните на птицъ небесныхъ... А еще: аще кто не оставитъ отца и мать, и жену, и дѣтей... Видишь ты. Сказано это: дѣтей?

— Ну, можетъ и сказано... — съ неудовольствіемъ протянулъ Спиридонъ и устало зѣвнуль. — Экій ты ярый, отче, погляжу я на тебя. Стелись да ложись, время позднее. Я что? Я только говорю: жалко. Это и словъ нѣтъ, жалко. Да и хозяйка моя больно убивается.

Онъ всталъ и, зѣвая и вздыхая, сталъ молиться, потомъ сложилъ поясъ и полѣзъ на печь.

Памфілій не успокаивался.

— То-то убивается. Многомилостивъ и долготерпѣливъ еще Господь ко грѣхамъ вашимъ. Почто возлюбили міръ сей и то, что въ мірѣ? Вотъ, поглядите на меня: весь я тутъ, многогрѣшный. Ни сѣю, ни въ житницы не собираю, дни свои въ молитвѣ провождаю, либо въ странствіи, нѣсть у меня ни жены, ни дѣтей, ни другихъ какихъ прочихъ мірскихъ прилѣпленій, а всѣ мнѣ люди — братья, всякъ хоронитъ, всякъ накормитъ. Помретъ кто — Божья воля; мое дѣло о душѣ его помолиться, вотъ и ладно. Вотъ и легко мнѣ. По путямъ Господнимъ иду. А вы плотию во плоть вросли.

— Да буде тебѣ, — соннымъ голосомъ сказалъ Спиридонъ съ печи. — Мавра, чего посуду не собираешь? Огонь тушить время.

Памфилій отошелъ къ лавкѣ, и сталъ утряхать мѣшокъ, собираясь ложиться. Говорилъ уже какъ-бы про себя, невнятно, но со вздохами и тою же укоризною.

Когда Мавра подошла къ столу за посудой, онъ обратился къ ней:

— Такъ-то, молодушка. Молись да кайся, авось Господь-то и не взыщетъ.

Мавра остановилась и глянула на него изъ-подъ платка. Она ужъ второй разъ на него такъ посмотрѣла.

— Чего Ему, Богу-то, съ меня еще взыскать? — сказала она. — Да что я? Мое-то мученье что. А Васютка-то чего мучился?

— За твои же за грѣхи — отвѣтилъ странничекъ.

Она не вслушалась.

— Кабы вразъ-то померъ — продолжала она тѣмъ же скрипучимъ, треснутымъ голосомъ. А то не вразъ померъ. Головка такъ и виснеть, такъ и виснеть. Мамка, говорить, молочка бы мнѣ? Молочка бы, вишь, — да не хоцца...

Она опустилаcя на лавку у неприбраннаго стола и замолкла.

— Грѣхи твои, говорю, это — убѣдительно повторилъ странничекъ. — За твои грѣхи му-

чился. Не замолишь — и на томъ свѣтѣ младенчику покою не будетъ. Все такъ-то будетъ мучиться.

Мавра очнулась и опять поглядѣла на странничка.

— Это за мои-то грѣхи?

— За твои. И теперь скорбію своею пуще грѣшишь. Бо сказано: не любите міра, не любите...

Странничекъ говорилъ, уже совсѣмъ почти уюбивъ мѣшокъ въ углу и собираясь, совершивъ молитву, окончательно улечься. Но не успѣлъ онъ кончить своего: «не любите міра, не любите того, что въ мірѣ», какъ Мавра точно сорвалась съ мѣста и вплотную подскочила къ лавкѣ:

— Вонъ иди, вотъ что... — сказала она. — Вонъ изъ избы, сомуститель!

Странникъ опѣшилъ.

— Да что ты, баба, — взбѣсилась?

— Вонъ, говорю, — повторила Мавра. — Охъ, и безъ тебя свѣту въ глазахъ нѣтъ. А ты ровно проклятый, со грѣхами со своими. Иди сейчасъ!

Она была баба сильная, рослая, и лицо у нея было такое страшное, темное, словно заржавленное. Худенькій странничекъ испугался.

— Да что это, Господи Иисусе, Мать Пресвятая Богородица! Что ты? очнись ты, баба! Дай я молитву сотворю...

— Вонъ, говорю тебѣ, — завизжала Мавра. — О мученьяхъ твои молитвы всѣ, не надо твоихъ молитвъ! Вонъ сейчасъ, пока руками тебя не разорвала...

Она уже оттѣснила его къ двери, и тащила за нимъ мѣшокъ, чтобы выбросить. Странничекъ, растерянно и плаксиво, закричалъ:

— Что-жъ это? Хозяинъ, а хозяинъ? Слышь, баба твоя взбѣсилась, ночью страннаго изъ дому гонить.. Хозяинъ!

Спиридонъ проснулся и завозился на печи.

— Гонить? Ну ее, плюнь. Не въ себѣ она. Плюнь, говорю. Въ сѣняхъ ляжь, тамъ тепло. Ничего.

— Да что-жъ это? За что это? Будь ты, баба, прок...

Мавра вытолкнула его въ сѣни, выбросила съ грохотомъ его мѣшокъ, захлопнула и заложила дверь.

Спиридонъ опять завозился.

— Чего ты, дурища? И впрямь оглашенная. Чего ты страннаго изъ избы выгнала? Эй, баба, страху на тебя нѣтъ... Подожди, дай срокъ.

Мавра стояла посреди избы и тяжело дышала. Наконецъ, выговорила:

— Силушки не хватило... Проклятый онъ, Спиридонъ Тимоѣенчъ... Васюту моего, говорить... На томъ свѣтѣ, говорить, за грѣхи... Не любите, молъ, говорить... Что-жъ это? Здѣсь-то

мало мучился? Хоть бы вразъ-то померъ... Самъ знаешь, померъ-то не вразъ. Головка-то виснетъ... Мамка, моль, молочка бы мнѣ... да не хоцца...

Мавра, какъ ударенная, упала на лавку и не то зарыдала, не то завыла, безъ слезъ, что-то приговаривая и приникая къ столу сухимъ лицомъ.

Спиридонъ на печкѣ возился, вздыхалъ, но молчалъ.

НИНИШЪ.

Ранней и поздней весной, въ ясные дни, люблю сидѣть въ Лѣтнемъ саду. Сажусь на скамейку, на круглой площадкѣ, около памятника Крылова, и смотрю на дѣтей.

Смотрю, сижу, молчу; и вотъ, понемногу я сталъ различать ихъ, узнавать тѣхъ, которыя приходили чаще. Иныхъ, — напримѣръ двухъ долговязыхъ и надутыхъ мальчиковъ съ англичанкой, — я не любилъ. Къ другимъ привязался. И дѣти привыкли видѣть меня, молчаливаго, на скамейкѣ, всегда около нихъ. Не дичились; говорить не говорили, — но иной пробѣжить мимо — и улыбнется, какъ старому знакомцу.

Особенно мнѣ нравилась одна дѣвочка. Богъ ее знаетъ, сколько ей было лѣтъ, — я этого не умѣю угадывать; должно быть лѣтъ пять, или такъ около шести. Ростомъ маленькая, толстенъ-кая. Крѣпкія такія, круглыя ножки въ тугихъ шерстяныхъ чулкахъ. Въ капорѣ, въ малиновомъ пальто. Приходила съ худой французенкой, а разъ была съ нянюшкой.

Съ кѣмъ бы ни приходила — тотчасъ убѣгала: въ сухіе дни играла громаднымъ мячомъ, который могла держать только обхвативъ его обѣими руками, — а то такъ бѣгала, и быстро пере-

бирала короткими, крѣпкими ножками. Уставая — карабкалась на скамейку, случалось — на мою, и сидѣла чинно со своимъ мячомъ, пока гувернантка, оторвавшись отъ книжки, не начинала кричать пронзительно:

— Niniche! Niniche! Où êtes vous?

Или подходилъ къ ней какой-нибудь чужой мальчикъ, а то дѣвочка, съ несмѣлымъ вопросомъ:

— Хотите играть?

Нинишъ, оглядѣвъ спрашивающаго, неторопливо, бокомъ, слѣзала со скамьи, — и они уходили, взявшись за руки.

Одинъ разъ, когда Нинишъ такъ отдыхала на моей скамейкѣ, мы заговорили другъ съ другомъ. Это было въ ясный мартовскій день, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда зима и весна встрѣчаются лицомъ къ лицу: зима — на землѣ, весна — на небѣ. Деревья тянутся черными верхушками къ небу, къ веснѣ, и слышно, какъ они дышать, — а корни ихъ въ снѣгу, въ землѣ, въ зимѣ.

А между зимой и весной, въ срединѣ, въ желтомъ и розовомъ воздухѣ солнечномъ — и недоумѣніе, и улыбка.

Нинишъ сѣла около меня, запыхавшись, и смотрѣла въ мою сторону съ удовольствіемъ. Щеки ея розовѣли изъ-подъ оборки капора, точно кармазинное яблочко.

Еще разъ взглянула и сказала, очень чисто:

— Я играла. А вы никогда не играете?

— Отчего вы думаете? Нѣтъ, иногда играю.

— Большіе не играютъ, — вдругъ совсѣмъ степенно проговорила Нинишъ, и я почувствовалъ себя немножко пристыженнымъ. Она была права, большіе не играютъ, и я ей солгалъ, что играю.

— Ну, я пойду, — сказала Нинишъ, слѣзая бокомъ со скамьи. — А то няня меня не найдетъ. У мадамзель сегодня голова болѣла. А няня слѣпенькая, не увидитъ.

Я снялъ шляпу и поклонился дѣвочкѣ.

Съ тѣхъ поръ мы стали здороваться и прощаться, а иногда разговаривать.

И вдругъ Нинишъ пропала.

Я ходилъ на свою скамейку каждый день, и дни стояли яркіе да ясные, снѣгъ дружно сошелъ, на площадкѣ высохло, почки на липахъ сада опять, въ двухсотый почти разъ, набухли, — весна спустила свои голубыя одежды съ неба внизъ, до земли; дѣти, большія и маленькія, хорошенькія и гадкія, знакомыя и новыя, бѣгали около меня — а Нинишъ не приходила.

Каждый день я искалъ ее, боясь, что не найду — и не находилъ дѣйствительно. Пытался утѣшаться другими дѣтьми, потому что, въ сущности, не всѣ ли они для меня были равно не мои? И не могъ. Я безпокоился. Какъ же такъ? Была —

и нѣтъ ея. И я могу никогда не узнать, почему ея нѣтъ, хотя она была.

И вотъ она пришла.

Я завидѣлъ ихъ издали, — узналъ сухую гувернантку и рядомъ съ ней маленькій бѣлый комочекъ. На Нинишъ былъ тотъ-же капоръ, но пальто было не малиновое, а тоже бѣленькое.

Я чуть не бросился навстрѣчу, но опомнился и остался сидѣть, гдѣ сидѣлъ. Француженка направилась къ скамьѣ на противоположномъ краю площадки; Нинишъ отошла отъ нея, побѣжала было, даже подпрыгнула раза два, — но потомъ пошла мѣрнымъ, тихимъ шагомъ. Тихо обошла памятникъ, тихо подошла къ моей скамейкѣ, остановилась, подумала, — и влѣзла на нее.

— Здравствуйте, Нинишъ, — сказалъ я радостно. — Вотъ, вы все не приходили.

Нинишъ поглядѣла на меня серьезно. Я въ первый разъ подумалъ, какіе у нея славные, немного круглые, темно-сѣрые глаза. И были они совсѣмъ дѣтскіе, — и грустные.

— Здравствуйте, — сказала Нинишъ. — Я не приходила. А вы всегда приходите?

— Всегда, Нинишъ. Видите, тепло стало. Дѣти играютъ.

Я не зналъ, что еще сказать. У Нинишъ не было мячика. Она держала въ рукахъ нарядную куклу, явно совсѣмъ новую; но держала небрежно, точно по необходимости, нисколько ею не за-

нимаясь: бывають такія, очень хорошія — и любимыя игрушки.

Я молчалъ и уже сталъ ждать, съ печалью, что Нинишъ уйдетъ. Но она не уходила и вдругъ сказала, не глядя на меня, такъ, просто:

— А моя мама умерла.

— Умерла? Теперь? Правда?

— Правда, умерла. Я сначала очень не хотѣла, что она умерла, и очень плакала, а потомъ папа сказалъ, что она придетъ.

Что я могъ ей отвѣчать? И я повторилъ:

— Папа сказалъ?

— Да. Я сначала не знала, что вправду придетъ. А потомъ — мама лежитъ въ залѣ, и ужъ сама ручками крестъ держать. Значить, вправду придетъ?

Это былъ вопросъ, Нинишъ даже подняла на меня глаза.

— Придетъ, Нинишъ, — сказалъ я, какъ могъ увѣренно.

— А скоро, вы думаете? Къ Пасхѣ, вы думаете?

— Я думаю, можетъ, и къ Пасхѣ.

Она замолкла и видимо что-то съ трудомъ или вспоминала, или соображала.

И опять ко мнѣ:

— А вотъ няня — такъ говоритъ, что сначала Христосъ придетъ, а ужъ потомъ мама, а?

Задумался и я. Потомъ отвѣчалъ.

— Мнѣ кажется, няня правду говорить: сначала придетъ Христось, а потомъ и мама. А mademoiselle что говорить?

— Ничего мадамзель, — съ какимъ-то нетерпѣніемъ сказала Нинишъ. — Она только: «*regardez pour elle!*». И ничего. Такъ вы говорите, няня, — вѣрно?

— Вѣрно.

Нинишъ вдругъ вся повернулась на скамейкѣ въ мою сторону, уронивъ на колѣни куклу, и уже съ явственной мольбой, недоумѣніемъ, безъ всякаго каприза, съ недѣтской, горячей тоской, спросила:

— А Христось? Онъ когда придетъ? Вы думаете что: Онъ скоро придетъ?

Я посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и твердо сказалъ:

— Онъ непременно придетъ, Нинишъ, и думаю, что — скоро.

У нея все лицо улыбнулось, просіяли глаза, и, не сказавъ ничего больше, она поспѣшно, бокомъ, слѣзла съ скамейки и побѣжала въ прыжку, попрежнему, перебирая толстыми ножками въ черныхъ чулкахъ и весело выкрикивая, — просто для себя, отъ веселья, — одно слово. Я не могъ хорошенько разобрать, какое это слово, но мнѣ показалось, что она повторяетъ на бѣгу: «скоро! скоро! скоро!»

ВѢЧНАЯ ЖЕНСКОСТЬ.

Студентъ Коковцевъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ имѣніе матери, за Теріоками, совершенно неожиданно, — свалился, какъ снѣгъ на голову. Пріѣхалъ подъ вечеръ, на чухонскихъ саняхъ, немного сумрачный, едва пообѣдалъ съ матерью и пятнадцатилѣтней сестрой Леночкой, и тотчасъ же отозвалъ мать въ угловую.

Тамъ онъ зашагалъ назадъ и впередъ длинными ногами и немедленно началъ рассказывать, какъ отъ него только что ушла жена.

— Двери-то, двери поплотнѣе запри, — простонала потихоньку мать, еще не старая женщина, съ покорнымъ, тонкимъ и сухимъ лицомъ. — Боюсь я, Леночка бы не услышала. Ахъ Боже мой, Боже мой!

Иванъ Коковцевъ приперъ дверь, потянулъ на нее портьеру, подошелъ для чего-то къ окну, но шторъ не спустилъ. Изъ окна взглянулъ на него темно-голубой просторъ снѣговъ и небесъ; еще стояли морозы, но вечера уже длиннѣли и синѣли, — не хотѣли оканчиваться.

— Просто опомниться не могу, — снова сказала мать. — Вѣрить не хочется. Мы ли ее не знали. Вѣдь она съ шестнадцати лѣтъ у меня жи-

ла, съ тѣхъ поръ, какъ сиротой осталась. И ужъ любила-то тебя, любила!

Иванъ усмѣхнулся.

— Можетъ быть и любила.

— Можетъ быть! Забылъ ты, что-ли, исторію-то эту? Вѣдь изъ-за тебя-же она отравлялась. Съ тѣхъ поръ и пошло. Тогда и узнали мы. Послѣ того ты и женился.

— Я помню, мама. И развѣ я не вѣрилъ? Ты знаешь какъ я ее полюбилъ и пожалѣлъ.

— Ахъ, Варя, Варя! Да расскажи ты мнѣ, Иванъ, толкомъ, что вышло? Вѣдь на праздникахъ еще вмѣстѣ вы у меня здѣсь гостили. И ничего я въ ней дурного не замѣчала. Поссорились вы, что-ли? Три года жили — и поссорились.

— Мамочка, — заговорилъ Иванъ. — Мы вовсе не ссорились. Послушай, мнѣ надо рассказать. Это все иначе вышло.

Онъ помолчалъ, продолжая шагать изъ угла въ уголъ. Мать слѣдила за нимъ глазами, привычно-любственнымъ взоромъ лаская его красивое, молодое, но не очень юное, лицо съ прямыми чертами, и свѣтлые волосы, пышно лежащіе. Иванъ былъ ея единственный сынъ.

— Она, Варя, ушла къ тенору одному, — сказалъ Иванъ.

— Какъ къ тенору? Къ какому тенору? Это еще что такое?

— Есть тамъ одинъ пѣвецъ. Онъ у насъ бы-

валъ. Ты, мамочка, вѣдь къ намъ въ городъ рѣдко прїѣзжала, не знала ничего, какъ мы жили послѣднее время.

— Ахъ, бѣдный мой! Ахъ, несчастный! Къ тенору ушла! Были-бы у васъ дѣти, ничего бы этого не случилось. Теперь ты кончаешь, у тебя замены, — а тутъ такое потрясеніе. Къ тенору! Какой же дрянью надо быть... Не ожидала я этого отъ Вари, могу сказать, не ожидала!

Иванъ не слышалъ, да и не вслушивался.

Онъ рассказывалъ:

— Вотъ какъ это случилось. Варя моя, можетъ быть, стала скучать со мною. Вѣдь уже три года она со мною прожила. Послѣднее время я много занимался. Товарищи, которые приходили ко мнѣ, ей казались неинтересными. Я-то, впрочемъ, съ Варей обо всемъ всегда говорилъ. Я говорилъ — а она слушала. Теперь я припоминаю, что она только слушала и отвѣчала кратко одно: что понимаетъ. А когда я ее спрашивалъ о ней и о томъ, что она думаетъ, — она ничего не говорила. Ну, любила меня, конечно. А у меня такая особенная нѣжность къ ней росла. Она веселая женщина, живая, говорливая, пѣвунья, кокетливая, ребячливая, — вѣдь она хорошенькая женщина. Всегда говорила, что любить меня, потому и отравлялась тогда, что любила, и что когда кто-нибудь дѣйствительно любить — то отравляется, потому что это цѣльно.

Я ее никогда не ревновалъ. У нея свое общество мало-по-малу завелось. Богъ съ ними, я никого не сужу. Конечно, казалось, что тутъ что-то не то, пустельга да суета, однако, если Варѣ съ ними веселѣе... Понемногу отъ насъ всѣ общіе знакомые отстали, я со своими, Варя со своими, офицеры у нея бывали, актрисы какія-то, музыканты, художникъ одинъ — изъ неизвѣстныхъ. Варя мнѣ сказала, что у нея открылся голосъ, и что она будетъ учиться пѣть. Она такъ боялась всегда, что я чѣмъ-нибудь стѣсню ея свободу, что-нибудь скажу, — и преподозрительно на меня посмотрѣла:

— Ты, можетъ быть, мнѣ запретишь?

Я ужъ самъ началъ бояться ея, — какъ бы ей чего-нибудь невольно не запретить.

И она стала брать уроки пѣнія. Тутъ, кажется, и теноръ этотъ появился. Ея часто дома не бывало. Мы съ ней естественно стали дальше. Но когда встрѣчались, я попрежнему къ ней — съ нѣжностью и съ боязнью, и она очень хороша. Говорила о вѣчной любви. Говорила, что у нея темпераментъ артистки, душа художника, чувства цѣльной женщины.

Едва уговорилъ я ее на Рождество поѣхать вмѣстѣ сюда, въ деревню. Поѣхала, пожила, и — помнишь? — на недѣлю раньше меня укатила.

Когда я пріѣхалъ домой, — въ городскую квартиру, — горничная мнѣ говорить:

— А барыня нынче утромъ пріѣхали — такъ сказывали, что вы только завтра будете.

Я не понялъ и спросилъ:

— Какъ нынче? Она ужъ недѣлю тому назадъ пріѣхала.

И вдругъ спохватился, покраснѣлъ и прибавилъ по-дурацки:

— Ну, можетъ быть. Можетъ быть.

Прошелъ къ Варѣ. Она за столомъ, у себя въ будуарѣ, что-то пишетъ. Увидала меня — прикрыла письмо. Точно я читалъ когда-нибудь ея письма.

— Гдѣ ты была? — спросилъ я. — Не дома?

Она встрепенулась:

— Кто тебѣ сказалъ?

И тотчасъ же, не ожидая отвѣта, быстро заговорила, что это цѣлая исторія, что она должна была отправиться въ Царское, къ одной пріятельницѣ — пѣвицѣ, которая больна, и вообще тамъ происходила какая-то трагедія, о которой она не имѣетъ права мнѣ говорить, такъ какъ это меня не касается.

— Ужъ не ревнуешь-ли ты меня? О, ты мнѣ можешь вѣрить, Ваня. Но ты меня не понимаешь. Мы живемъ чувствами, обаяніемъ искусства. Ты немного разсудоченъ, и въ тебѣ нѣтъ гуманности. Но я тебя одного люблю, никого, кромѣ тебя. Не стѣсняй-же моей свободы, тебѣ тутъ многое недоступно, непонятно.

Мнѣ, дѣйствительно, было — не то, что многое, а, пожалуй, все непонятно и страшно. Но какъ же стѣснять человѣческую — если это человѣческая — свободу? Если-бъ еще у меня чувство «собственности» къ Варѣ было (это бываетъ у иныхъ къ женщинамъ, на извѣстное время, короткое или долгое) — но чувства «собственности» у меня къ Варѣ никогда не было.

Я и ушелъ. Тутъ она стала пропадать по цѣлымъ днямъ и уже ничего мнѣ не говорила, или такъ, скажетъ какой-то пустякъ, видно, что неправду, и посмотреть искоса, точно боится меня; боится, что я не повѣрю. Вѣчно взволнованная, глаза блестятъ. Однажды вернулась въ пять часовъ утра. Потомъ какъ-то услышалъ я, случайно, говорили о ней двое, — съ грязными усмѣшками, грязными словами. Такъ говорили, что я одинъ могъ понять, что это о ней. Ничего нельзя было сдѣлать.

Однако я увидѣлъ, что длить это нельзя; невозможно и нехорошо становится для обоихъ. Понимаю это одинъ я, значить я и долженъ тутъ дѣйствовать. Вообще я тутъ многое что началъ понимать. Прежде всего — крайнюю свою глупость. Я вѣдь мало видѣлъ женщинъ: что же? одну Варю. Ни раньше, ни послѣ сталкиваться не приходилось. Варя же была, какъ я привыкъ думать, отъ себя не разсуждая, моя «подруга жизни»; я привыкъ, что мы оба — «люди», прежде всего. А

тутъ я вдругъ увидалъ, что она дѣлаетъ совершенно не то, что я бы дѣлалъ или другой чловѣкъ, и я даже не понималъ, почему и для чего она все это дѣлаетъ. Допустивъ какую угодно артистическую натуру, — все-таки нельзя было ничего понять.

Понять нельзя; но какъ-же сдѣлать, чтобы между нами стало все болѣе опредѣленно? Чтобы она перестала бояться? Поестественнѣе сдѣлать ея поступки?

И вотъ я рѣшилъ, что надо дѣйствовать тоже какъ-нибудь не просто, а съ хитростью, но съ хитростью не очень хитрою. Отъ жалости рѣшилъ.

Я пошелъ къ ней въ комнату. И какъ вошелъ — такъ и сказалъ:

— Я знаю все.

Самъ чувствую, что это было дурачки. Что-жъ ты думаешь? Она вдругъ вся поблѣднѣла; однако, встала, пожала плечами и говорить:

— Знаю, кто тебѣ сказалъ. Ну что-жъ? Что-жъ? Тутъ ничего не подѣлаешь. И напрасно ты мнѣ грозишь. Ничего нельзя сдѣлать. Вѣроятно, я люблю этого чловѣка.

Я стоялъ, а тутъ сѣлъ. До самой этой минуты все-таки сердце не вѣрило въ то, что разумъ уже понималъ.

— Какъ, любишь? Какая любовь?

— Онъ (назвала тенора) очень нуждается во мнѣ. Такова, видно, моя судьба. Я рождена ар-

тисткой. Ту недѣлю я должна была прожить у него...

Понимаешь, я знаю этого тенора, знаю, какая у него можетъ быть любовь къ ней; все во мнѣ вдругъ стало окончательно яснымъ. Я всталъ и пошелъ прочь. Варя за мной. Я вошелъ къ себѣ и хотѣлъ запереться, но она вошла за мной, хотя была блѣдная, и даже шла какъ будто отъ испуга. Она всегда боялась — это самое тяжелое.

Я посмотрѣлъ на нее еще разъ — и не узналъ ее. Удивился, что говорилъ съ нею прежде. И всѣмъ своимъ старымъ, привычнымъ мыслямъ удивился.

Она хотѣла что-то сказать, но я ее перебилъ:

— Уйди.

— Ты ничего не можешь понять...

— Уйди, уйди совсѣмъ.

— Какъ, совсѣмъ?

— Такъ, совсѣмъ, и не возвращайся.

Она пожала плечами.

— Я и хотѣла сказать тебѣ, что ухожу. Дѣлать нечего. У него — я не могу жить, да и не хочу, я должна быть свободна, но онъ найметъ мнѣ комнату...

— Уйди, уйди.

Она сейчасъ же повернулась и вышла.

Я слышалъ, какъ она торопливо собиралась и совсѣмъ уѣхала. Потомъ на другой день еще

присылала за вещами и за паспортомъ. Написала на незапечатанной бумажкѣ: «надѣюсь, вы не настолько подлы, чтобы предпринять какія-нибудь безумства и отказать мнѣ въ паспортѣ». Опять боялась. Я не отказалъ, конечно.

Тутъ Иванъ на минуту замолкъ, а мать простонала:

— Боже мой, Боже мой! Кто бы могъ думать, что она такая дрянная женщина. Бѣдный мой Ваня!

Иванъ удивленно взглянулъ на мать:

— Почему дрянная? Что ты, мамочка? Я не вижу, почему Варя дрянная женщина?

— Да что-жъ тебѣ еще? Промѣняла тебя на тенора... Ужасно!

Мать, видимо, страдала: Иванъ былъ ея единственный сынъ.

— Ахъ, ничего она меня не промѣняла, — сказалъ Иванъ, досадливо морщась и занятый своими мыслями.

— Да вѣдь она тенора полюбила!

— Отчего полюбила? Я не думаю. Я потомъ узналъ, что она, дѣйствительно, въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ живетъ, гдѣ и теноръ. Но теноръ очень занятъ. Она, вѣроятно, недолго будетъ имъ увлекаться. У Вари теперь большое и веселое общество. Она свободна. Къ ней, я думаю, другіе относятся лучше, разумнѣе, чѣмъ когда-то я относился. Только здоровье у нея

хрупкое. Заболѣть, пожалуй. Я ей хочу написать, чтобы она, если заболѣть, вернулась ко мнѣ. Я ее выхожу.

— Ваня, да что съ тобой? Вѣдь это же безнравственно. И ты хочешь ей все простить? Извини меня, но это безхарактерность, это недостойно мужчины.

Иванъ опять посмотрѣлъ на мать съ удивленіемъ.

— Я никогда еще не думалъ, мамочка, о себѣ — исключительно какъ о мужчинѣ. Я не знаю. А простить Варѣ я ничего не хочу, потому что не вижу, что прощать? И какая тутъ безнравственность? Это не касается ни людской нравственности, ни безнравственности. Для меня теперь все стало совершенно ясно. Я прежде, по привычкѣ, взятой отъ людей, тоже въ этомъ родѣ судилъ. Конечно, жаль, что около Вари все это очень неказисто, суетливо, недостаточно блестяще, и теноръ изъ неважныхъ; жалко, что она тамъ устанетъ и заболѣть; но по существу разницы нѣтъ. Другія были-бы формы, — а было-бы все то же. Всегда все, приблизительно, то же. Я знаю, почему и не понималъ Варю и не могу понимать. Но нисколько она не «дрянная» женщина. Не знаю, какая она женщина (не очень счастливая, удачливая, — это правда). Я знаю, что она — женщина. Женщину не надо совсѣмъ понимать. Если и временнаго чувства собственности

нѣтъ — тогда жалѣть надо. Угрѣть, накормить надо, если есть близкая. Уйдетъ — оставить. Придетъ — угрѣть.

— Господи, да ты помѣшался, Ваня, Ваня, дорогой мой! Какъ это на тебя повліяло! Оставь, забудь эту негодную женщину. Добейся развода. Ты такъ молодъ, ты еще полюбишь достойную тебя дѣвушку, честную, ты еще будешь счастливъ... Ты успокоишься...

— Мама, да что ты? Да развѣ возможно то, что ты говоришь: — жениться? Жалѣть, ласкать, грѣть, отпускать — да. А жениться? Ты смѣешься надо мной?

Мать заволновалась уловивъ легкій шумъ извнѣ.

— Ваня, ради Бога... — зашептала она. — Выгляни за дверь... Я боюсь, что Леночка слушаетъ... Это было бы ужасно, если бы она слышала. Она такой ребенокъ.

Иванъ отворилъ дверь. На него, прямо въ упоръ, глянули красивые темные глаза, по-своему умные, по своему правые, прекрасные, таинственные — и, въ ихъ вѣчной, въ ихъ собственной таинственности, совершенные; глаза того существа, которое всѣ уговорились считать и называть человѣкомъ, — и зовутъ, и стараются считать, хотя ничего изъ этого, ни для кого, кромѣ муки и боли не выходить.

Глаза блеснули и скрылись подъ рѣсницами.

Леночка встала, неторопливо и безшумно ушла. Что она, случайно слышала? Или подслушивала? Безполезно было бы доискиваться правды. Развѣ она знала ее сама?

Иванъ вернулся въ угловую и молча, съ измѣнившимся вдругъ, усталымъ лицомъ поглядѣлъ на мать.

— Что, не было? — шепнула она и прибавила громко, со вздохами:

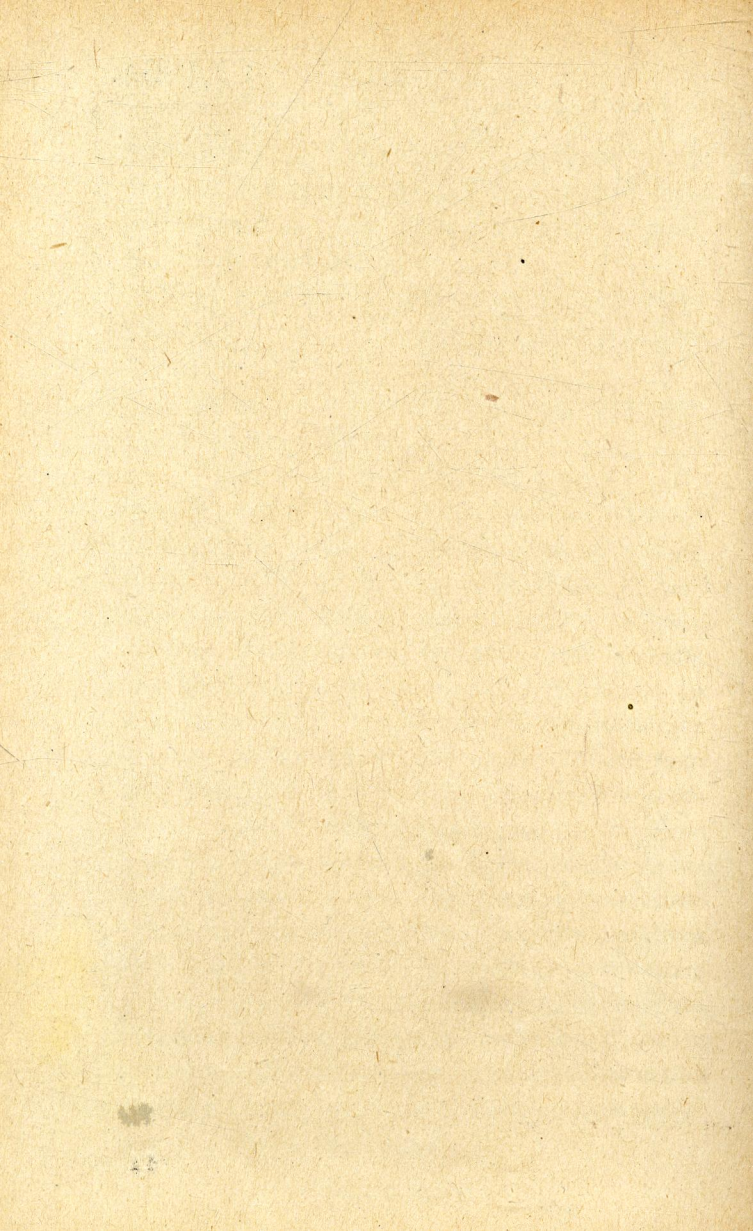
— Нѣтъ, Ваня, нѣтъ, дорогое дитя мое. Повѣрь, я понимаю тебя: ты еще любишь эту женщину, ты ослѣпленъ... Конечно, надо бы спасти ее, не дать ей окончательно погрязнуть... Я подумаю, я поговорю съ ней. Помочь можно, но простить — нѣтъ. Повѣрь, она тебя же станетъ презирать. Прощать въ такихъ случаяхъ... То есть въ этомъ случаѣ... Не могу и подумать. Тебя, моего красиваго, моего умницу — промѣнять на тенора! Ужасно! Ужасно! Это меня можетъ въ гробъ свести. Ваня, ты слышишь?

Иванъ поднялъ глаза, улыбнулся тихой, виноватой улыбкой — но не сказалъ больше ничего. Онъ такъ долго рассказывалъ матери о своемъ горѣ и о своемъ новомъ прозрѣніи, и забылъ что мать его — женщина. Старая, милая, кровью рожденья привязанная къ нему; но и она — изъ тѣхъ же существъ, которыя даны міру, но которыхъ не дано понимать, которымъ не дано пониманіе; и она — женщина.

СУДЬБА.

I.

Позднимъ вечеромъ, около полуночи, сидѣли у потухающаго камелька пятеро старыхъ друзей и рассказывали другъ другу исторіи.

Многіе думаютъ, что въ теперешнее время этого больше не случается. Бывало изрѣдка въ началѣ прошлаго столѣтія, стало учащаться къ срединѣ, потомъ, во времена Тургенева, казалось — постоянно гдѣ-нибудь да собираются старые друзья у камелька и рассказываютъ исторіи; а теперь, дѣйствительно, объ этомъ совсѣмъ не слышно, ни у насъ, ни за границей, — во Франціи, напримѣръ. По крайней мѣрѣ повѣствователи намъ объ этомъ никогда больше не говорятъ. Боятся-ли они удлиннить свое повѣствованіе и утомить занятого читателя, хотятъ-ли непременно выдать рассказъ пріятеля за свое собственное измышленіе, или, можетъ быть, дѣйствительно нѣтъ больше такихъ, пріятныхъ другъ другу людей, которые засиживались-бы вмѣстѣ у камелька и умѣли слушать чужія исторіи — кто знаетъ? Но хоть рѣдко — а это случается и въ наши времена. По крайней мѣрѣ случилось въ тотъ вечеръ, о которомъ я рассказываю.

Они были не только старые друзья, но и ста-

рые люди. То-есть не такъ, чтобы очень старые, — между сорока и пятидесятью всѣ, и всѣ — холостяки. Оттого, можетъ быть, они и засидѣлись вмѣстѣ у камелька, и умѣли слушать другъ друга, покуривая кто папиросу, кто тихую душистую сигару и медленно прихлебывая изъ стакановъ славное, маслянистое вино. Есть какое-то особенное, мягкое достоинство у стараго, спокойнаго холостяка. Онъ не разсѣянъ, онъ весь всегда тутъ, и всегда готовъ къ дружбѣ, и когда слушаетъ — то слушаетъ съ удовольствіемъ и вниманіемъ. Его интересуеъ міръ, и — почти одинаково — чужое и собственное отношеніе къ міру. Тогда какъ не холостяка главнымъ образомъ интересуеъ свое отношеніе къ своему маленькому міру, а если не интересуеъ — то заботить, а не заботить — то досаждаеъ, но во всякомъ случаѣ маленький міръ хоть отчасти да заслоняеъ ему большой.

Собрались въ квартирѣ Лядскаго, статнаго, моложаваго человѣка лѣтъ сорока пяти, съ сѣдыми, волнистыми волосами и доброй улыбкой. Глаза, впрочемъ, смотрѣли не безъ строгости. Онъ былъ директоромъ какого-то департамента, гдѣ его даже любили. Остальные — почти всѣ — не сослуживцы, а старые товарищи по школѣ, по университету, разошедшіеся по разнымъ дорогамъ: по прежнюю близость они умѣли сохранить.

Темные обои. Темныя занавѣси. Темные ковры. Тяжелая темная мебель. Одинокая электрическая лампа ласковая, подъ низкимъ абажуромъ — и ласковые малиновые угли въ каминѣ съ бѣгающими синими огоньками. Говорили о будущемъ. Просто — о темнотѣ будущей судьбы каждаго человѣка, о желаніи всякаго проникнуть въ эту тьму, о предсказаніяхъ, о предчувствіяхъ, о пророчествахъ. Казалось-бы—чѣмъ можетъ будущее интересовать немолодыхъ людей, у которыхъ почти вся жизнь позади? Но они и говорили не только о себѣ, а обо всѣхъ людяхъ, молодыхъ и старыхъ, объ ихъ стремленіяхъ и о законахъ судьбы.

— Въ древнія времена, — сказалъ Лядскій, — когда люди вѣрили въ непобѣдимый Рокъ, они все-таки составляли гороскопы, спрашивали оракуловъ, пророчицъ; казалось бы — зачѣмъ? Эдишь, зная свою судьбу, не избѣгъ ея. Теперь мы вѣримъ въ свободную волю; вотъ когда нужны-бы намъ пророчицы, гороскопы и вѣра въ нихъ. Теперь знаніе будущаго могло-бы измѣнить и осмыслить жизнь.

— Ты думаешь? — спросилъ одинъ изъ друзей, худощавый человѣкъ, длинный, очень хорошо одѣтый, съ сѣдѣющими усами. Онъ сидѣлъ въ креслѣ у самаго камина и почти все время молчалъ. По особенной манерѣ держаться, мягкой и скромной, въ немъ можно было узнать дип-

ломата, человекъ чаще слушающаго, но умѣющаго и говорить. Звали его Политовъ.

Лядскій отвѣтилъ ему, не торопясь:

— Да, мнѣ кажется. А ты...

— Я думаю иначе. Ты напомнилъ мнѣ одно странное происшествіе...Одну встрѣчу...Я впрочемъ, и не забывалъ ея никогда. Это долго рассказывать, но если хотите — я вамъ расскажу. Я никогда никому о ней не говорилъ,—не знаю почему. Просто, можетъ быть, случая не было. А сегодняшній разговоръ такъ близко подходитъ къ моему воспоминанію. И лѣтъ такъ много прошло...

Вотъ что рассказалъ Политовъ.

II.

Въ дни моей молодости, когда я только что начиналъ служить, меня прикомандировали къ посольству въ Парижъ. Прожилъ я тамъ годъ, два, обжился, сошелся кое съ кѣмъ, и, странно, сошелся ближе всего съ кружками художниковъ, литераторовъ. Были между ними пренесносные, препешные люди, — но за то попадались и живые, умные, такіе, съ которыми я говорилъ не скучая. Не смотря на мою молодость — что-же, мнѣ было лѣтъ двадцать пять — я не любилъ пустозвоннаго французскаго веселья, которое

мнѣ и тогда казалось какимъ-то примитивнымъ, скучноватымъ. Впрочемъ, я общества не избѣгалъ и ни отъ чего, при случаѣ, не отказывался.

Пришлось мнѣ однажды попасть, черезъ моего пріятеля, художника Lebrun, на пышный банкетъ другого художника, маститаго, всѣмъ извѣстнаго, Эльдона, въ его собственномъ отелѣ. Банкетъ давался по случаю... вотъ ужъ не могу припомнить, по какому случаю. Fête-meture... ouverture... не знаю, но было торжество, и чествованіе, и былъ, какъ говорили, весь художественный и артистическій міръ. Были и дамы. Помню длинный столъ и его сверканье, какіе-то удушливые цвѣты на скатерти и эту добрую m-me Эльдонъ, хозяйку, толстую, великолѣпную, красную и тоже всю сверкающую. Она даже что-то говорила, за что-то благодарила, улыбалась и чокалась тихимъ, пріятнымъ жестомъ.

Пріятель мой занятъ былъ усиленнымъ разговоромъ со своей лѣвой сосѣдкой, моя сосѣдка справа тоже говорила не со мной; я очутился одинъ въ шумящей толпѣ, которая смѣялась и радовалась безъ меня. Я былъ радъ молчать. Можно было смотрѣть. И я смотрѣлъ на цѣпь лицъ противъ меня. Началъ справа. Одно, другое, третье... Когда быстро переводилъ глаза съ одного человѣка на другого, то кажется, что это все одно и то-же лицо такъ странно мѣняетъ

ся, потому что — хотя лица и разные — есть между ними всегда непріятное и несомнѣнное сходство...

Четыре, пять, шесть... И вдругъ глаза мои остановились. Я уже почти дошелъ до лѣваго конца стола, и женщина, на лицѣ которой неожиданно остановились мои глаза, сидѣла отъ меня наискосокъ, влѣво, почти около хозяйки. Букетъ увядающихъ блѣдныхъ розъ чуть-чуть заслонялъ ее отъ меня, но, наклонивъ немного голову, я могъ ее видѣть всю. Не удивляйтесь, что я помню такія подробности: встрѣтъ я завтра того-же Lebrun, и даже не постарѣвшимъ, — я-бы его не узналъ. А женщину — я думаю — и вы-бы узнали, если-бы могли увидѣть послѣ моего разсказа.

Описать ея черты легко, и въ нихъ не было ничего замѣчательнаго. Красива, блѣдна, спокойна. Кажется, молода — вѣроятно, нѣтъ и тридцати. Брови ровныя-ровныя, тонкія, круглыя, какъ на всѣхъ старинныхъ портретахъ. Темныя, безъ всякаго блеска, волосы, не очень пышныя, мягко приникающіе къ щекамъ. Вотъ и все. Черное платье, со страннымъ, очень низкимъ и очень узкимъ вырѣзомъ, полоска бѣлой кожи, идущая внизъ. Глазъ я даже и не видалъ еще, она ихъ опустила. И молчала, какъ я.

Вотъ она заговорила. Улыбнулась. Ротъ очень маленький, алый; тѣсные зубы. Красива. Моло-

да. Довольно обыкновенно красива, и мнѣ даже не очень нравится. Не восхищеніе, не удовольствіе и не отвращеніе она подняла въ моей душѣ, а ужасъ. Тотъ ужасъ — необъясненный ни кѣмъ, злостный, черный страхъ, который всѣ мы испытали... хотя-бы въ дѣтствѣ, ночью, одни, въ темнотѣ. Этотъ страхъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ уже тѣмъ, что онъ — половинчатый, и вторая половина его — восторгъ, точно такой-же злостный, черный и несравнимый ни съ какимъ восторгомъ, какъ и ужасъ съ другими ужа-сами.

Но я былъ не ребенокъ и невольно началъ разсуждать: что же въ ней, собственно, ужаснаго? Обыкновенна. Красива. Молода...

Молода! Вотъ оно. Вотъ гдѣ. Несомнѣнно молодая. Тридцати нѣтъ. Двадцать семь... двадцать восемь.

Какъ-бы не такъ! Двадцать семь — и пятьдесятъ, восемьдесятъ, сто двадцать—нѣтъ, двѣсти, триста, — не знаю — эй тысяча лѣтъ! И все-таки несомнѣнно, что ей не больше двадцати восьми.

Я обернулся къ моему пріятелю:

— Послушайте, на одну минуту: кто эта дама, около Эльдона, влѣво?

Lebrun, оторванный отъ разговора, взглянулъ на меня разсѣянно и поспѣшно:

— Которая? Въ розовомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, еще лѣвѣе, рѣ черномъ. Какъ ея имя?

— Ахъ, эта! Ея имя? Ее зовуть графиня Ивонна де-Сюзоръ.

— А графъ, ея мужъ, опъ здѣсь? Который?

Пріятель, уже опять отвернувшійся было отъ меня, удивленно сказалъ:

— Ея мужъ? Она не замужемъ. Она дочь покойнаго графа де-Сюзоръ, того самаго...

И онъ окончательнo меня покинулъ, увѣренный, что удовлетворилъ мое любопытство.

Но я больше не спрашивалъ. Я опять смотрѣлъ на графиню, и въ эту минуту она подняла глаза. Какіе ошеломляющіе, непріятные глаза! Блѣдныя-блѣдныя, большіе, можетъ быть синеватыя, можетъ быть сѣроватыя — не знаю, только очень блѣдныя, сквозныя, точно изъ цвѣтнаго хрустала, и старыя. Мертвыя. И все-таки это были молодыя и живыя глаза.

По глазамъ ея я понялъ, что ошибся, впалъ въ невольное, почти поэтическое преувеличеніе, когда говорилъ себѣ, что ей — «триста, пятьсотъ, тысяча лѣтъ»!

Нѣтъ. Тысяча—это почти вѣчность для насъ. Вѣчное никогда не старо. А графиня, при ея молодости и красотѣ, была именно стара, той старостью, человѣческой дряхлостью, около которой, совсѣмъ близко, рядомъ — стоитъ человѣческая смерть.

Я увидѣлъ, что блѣдные глаза остановились на мнѣ. Взоръ былъ совершенно спокоенъ, но не безразличенъ и какъ будто не случаенъ даже. Она смотрѣла на меня, точно давно меня знала, но не радуется и не удивляется встрѣчѣ. Точно такъ и нужно, чтобы я смотрѣлъ до невѣжливости упорнымъ, неотрывнымъ взоромъ въ ея — безспорно прекрасное, безспорно молодое лицо. Leblanc на этотъ разъ самъ обратился ко мнѣ и заставилъ меня опустить наконецъ глаза.

— Вы спрашивали меня о графинѣ? Неправда-ли, очень интересное лицо? Хотя есть что-то... и отталкивающее. Вы не находите?

Я подумалъ, что онъ ничего не понимаетъ и не пойметъ, а потому сказалъ уклончиво:

— Пожалуй...

— Да, прелестная дѣвушка и милый товарищъ, хотя долженъ сказать, что я не горячій поклонникъ ея произведеній. Есть манера, есть школа, есть, если хотите, что-то своеобразное, но...

— Позвольте, какія произведенія?

— Да, ея картины, *peinture*! Развѣ я вамъ не сказалъ, что она — художникъ? Въ послѣднемъ Салонѣ была ея картина и нѣсколько этюдовъ. Она очень извѣстна. Вы навѣрно замѣтили. Рэ. Рэ!

Рэ! Такъ это она подписываетъ свои холсты двумя нескромными буквами? Такъ это — Рэ?

Не могу сказать, чтобы от такого открытія что-нибудь для меня стало яснѣе. Напротивъ, спуталось и усложнилось. Какъ не знать Рэ? О Рэ говорили. Говорили, что картины ея «производятъ тяжелое впечатлѣніе» — это всѣ поняли, то есть такъ поняли. А я ничего не понималъ. Отошелъ, помню, съ сумбуромъ — даже не въ головѣ, а во всемъ моемъ существѣ. Я тотчасъ-же припомнилъ ея «Костеръ», который видѣлъ въ прошломъ году. Описывать картинъ нельзя, да и не нужно. И то, что въ «Кострѣ» смутило меня — совсѣмъ ужъ не покорно словамъ. Въ словахъ оно слишкомъ обычно. Хорошо написано, кажется. Темнота. Большой огонь посерединѣ. Слѣва полуголая старуха — и справа такая-же. Отъ одной какъ-то видна тѣнь, и кажется, что три старухи, при чемъ одна — огромная. Вотъ и все. Въ старухахъ — костяная неподвижность, земляная тяжесть. Третья, тѣневая—огромная, но легкая. Вотъ и все. Смысла никакого — да Богъ ихъ знаетъ, эти картинные смыслы! Но очень помнится и мутитъ душу.

Тянулся, тянулся обѣдъ... Lebrun сталъ болтать со мной, опять перешелъ къ Рэ, видя, что я опять на нее смотрю, и сказалъ:

— Когда этотъ чудакъ, отецъ графини, умеръ...

Я перебилъ его:

— О графѣ я ничего не слыхалъ.

— Неужели? А я думалъ, что слышали. Судьба графини замѣчательна. Сюзоръ, миллионеръ и затворникъ, шестнадцать лѣтъ не считалъ ее своей дочерью. Она жила почти въ нищетѣ, съ полусумасшедшей матерью, урывками училась, бѣгала въ Лувръ и въ рисовальную школу... И вдругъ все измѣнилось: отецъ взялъ ее къ себѣ, ее и мать, которая, впрочемъ, скоро умерла, окружилъ царской роскошью: лучшіе учителя, путешествія, свобода и его любовь, потому что онъ, говорятъ, умеръ у нея на рукахъ и въ послѣднее время не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ дочери.

— А теперь?

— Теперь она живетъ совершенно одна, въ своемъ... чуть не дворцѣ. Не затворницей, конечно, но около того.

— И не вышла замужъ?

— *Que voulez vous? Une artiste!*..—съ необычайной легкостью равнодушнаго сужденія отвѣтилъ мой пріятель, и больше мы о графинѣ не говорили.

Но только что кончился этотъ длиннѣйшій обѣдъ, какъ я, безъ всякаго предварительнаго рѣшенія, сталъ пробираться между гостями, направляясь къ этой женщинѣ. Мнѣ даже не пришло почему-то въ голову попросить Lebguin меня представить.

III.

Вблизи она была точно такую-же, какъ издали. Только я увидѣлъ, что она — средняго роста и худощава, и платье у нея очень длинное. Она стояла ко мнѣ спиной, у рояля (мы перешли въ гостиную) и разговаривала съ какимъ-то старикомъ. Но едва я приблизился — она обернулась и, къ удивленію моему, подала мнѣ руку, опять какъ старому знакомцу, и сказала:

— Bonjour.

Старикъ тотчасъ-же отошелъ. Я одного не могъ понять: неужели только я въ ней вижу то, что вижу, а другіе ничего? Впрочемъ, быть можетъ, они привыкли, примирились съ ней. А вѣдь даже легкій Lebrun сказалъ, говоря о ней: «étrange figure. Въ ней точно нѣтъ жизни». Глупо, пошло, но съ его точки зрѣнія... пожалуй и такъ.

Я замѣтилъ вблизи, что она очень свѣжа, нѣжной свѣжестью блѣдныхъ женщинъ. Она была моложе, чѣмъ я думалъ. Лѣтъ двадцать пять...

Что сказать ей? Она смотрѣла на меня въ упоръ своими блѣдными, сквозными, точно пустыми глазами, восьмидесятилѣтними и прелестными, чуть-чуть улыбаясь.

Что сказать? Я хотѣлъ выдумать возможное,

заговорить объ ея картинахъ, что-ли, — и едругъ проговорилъ почти невозможное:

— Вы мнѣ кажетесь очень странной.

Она попрежнему глядѣла спокойно.

— Вы, конечно, отдаете себѣ отчетъ, почему я вамъ кажусь странной.

Голосъ у нея былъ тихій, даже глуховатый — и молодой, говоръ медлительный. Она произнесла свои слова отнюдь не въ видѣ вопроса. Въ самомъ голосѣ было что-то тихо утвердительное, точно онъ и не могъ-бы подняться выше — для вопроса.

— Немного отдаю отчетъ, — сказалъ я, стараясь невольно быть точнымъ. — Но не вполне. Въ душѣ много смутнаго.

— Да. Вполнѣ и невозможно. Но въ возможномъ вы правы. Вы мнѣ очень нравитесь. Вы глубоки.

— Но вы мнѣ не нравитесь! — воскликнулъ я, точно помимо моей воли. — То-есть и страшно нравитесь, и страшно не нравитесь! И восторгъ — и ужасъ! Это необъяснимо...

— И это мучить васъ, — досказала она. — Говорите все, что можете опредѣлить словами.

И я рассказалъ... все, съ непобѣдимой точностью, что думалъ о ней за столомъ. Да, такъ-таки и рассказалъ все, даже не смягчая словъ. Друзья мои, вы меня хорошо знаете. Вы повѣрите, что въ этой женщинѣ было что-то необычай-

ное, безпримѣрное — потому что вѣдь нельзя повѣрить, нельзя представить меня, человѣка съ обычнымъ хорошимъ воспитаніемъ, да еще по натурѣ сдержаннаго, да еще по профессіи дипломата — говорящимъ такъ съ незнакомой француженкой, художницей и т. д. и т. д. Но увѣряю васъ, ей не только лгать, но даже сказать какую-нибудь неточность было нельзя. По крайней мѣрѣ, для меня — нельзя. Не знаю, какъ другіе. Съ ней, кажется, вообще говорили мало.

Она слушала меня съ неподвижнымъ спокойствіемъ, какъ если-бы я передъ ней повторялъ — и разъ десятый — свою роль. Другого сравненія не могу придумать. Когда я кончилъ, она сказала:

— Вы на вѣрной дорогѣ. Это первыя догадки, но вѣрныя. Не будетъ неправдой думать такъ. Мнѣ, дѣйствительно, и двадцать шесть лѣтъ — и восемьдесятъ одинъ. Это такъ.

— Что за загадки! — воскликнулъ я почти со злобой. — Вы хотите воспользоваться моей необъяснимой фантазіей, подчеркнуть ее — неизвестно, для чего?

Но она даже не улыбнулась.

— Не надо сердиться, мой милый. Лучше будемъ пока друзьями. Приходите ко мнѣ. Я у себя по вечерамъ. А теперь поговоримъ о другомъ. Къ этому всегда время вернуться.

И она съ удивительной и легкой властью перевела разговоръ на что-то другое, на простое, но должно быть важное, потому что я не только не замѣтилъ фальши въ переходѣ, а почти не замѣтилъ перехода. Мы говорили долго, — кажется обо всемъ, и объ ея картинахъ. Въ ея голосѣ, въ словахъ, была все та-же тихая утвердительность, неподвижная — и почти бездонная, грустная глубина, молодая, свѣжая... дряхлость, которая была въ ея глазахъ; и тамъ и здѣсь она одинаково восхищала и ужасала меня. Соединялось несоединимое; больше: не долженствующее соединяться.

Говоря съ ней о чемъ-бы то ни было, я говорилъ все о томъ-же, объ одномъ, — о ней.

IV.

Сказать вамъ, что я влюбился въ эту женщину было-бы неправдой. Полюбилъ ее — нѣтъ; тоже пѣтъ. Но чѣмъ чаще я ее видѣлъ (а я сталъ бывать у нея каждую недѣлю, потомъ и два раза въ недѣлю), чѣмъ больше говорилъ я съ ней и смотрѣлъ на нее — тѣмъ больше росъ во мнѣ плѣнительный ужасъ, пугающій восторгъ, и я уже не могъ и не хотѣлъ бороться съ его властью надо мной.

Она жила одна. Рѣдко выѣзжала. Много ра-

ботала. Случалось, ее навѣщали, — но какъ-то неохотно, какъ неохотно она принимала. Я замѣтилъ, что, дѣйствительно, въ ней было нѣчто отталкивающее — для другихъ. Вѣроятно то, что меня держало въ странномъ, нелюбовномъ, плѣну около нея. Уходили, не размышляя: что-то непріятное въ ней — и кончено.

Иногда мнѣ казалось, что не будь въ ней для меня этого загадочнаго, обезволивающего ужаса — я-бы могъ любить ее просто, какъ прекрасную женщину, большой серьезной любовью. Сначала она мнѣ не понравилась; вѣрнѣе, сначала я былъ сраженъ одной непонятностью ея лица, и ни о чемъ больше не могъ думать; но послѣ я, съ величайшимъ усиленіемъ, старался иногда, на мгновенье, представить себѣ это блѣдное лицо *только* жизнерадостно-юнымъ, успѣвалъ — и тотчасъ-же на смѣну являлось прежнее чувство ужаса, но еще усиленное болью великой и недоумѣнной потери, точно у гроба любимаго существа.

А потомъ я и вовсе забывалъ о моей возможной-невозможной любви, и стоялъ передъ страшной женщиной, лишь оказанный ея и неженскими, и нечеловѣческими цѣпями.

Мы сидѣли съ нею чаще всего въ маленькой гостиной около мастерской, вѣрнѣе — кабинетѣ; тамъ была почти такая-же темная, тяжелая мебель. какъ вотъ здѣсь; и такъ-же угли

порою рдѣли въ каминѣ. Отель ея, дѣйствительно, была похожа на угрюмый дворецъ; я каждый разъ проходилъ черезъ рядъ молчаливыхъ залъ, чтобы добраться до лѣстницы, ведущей наверхъ, въ кабинетъ и мастерскую.

Графиня встрѣчала меня всегда ласково, всегда ровная, всегда красивая, всегда въ длинномъ черномъ платьѣ, точно вѣчный трауръ она носила.

Всегда ровная... да, но я замѣчалъ, — и она не скрывала, что ровно подымалась и усиливалась ея ко мнѣ ласковость и привѣтливость. Я былъ съ ней всегда откровененъ; я не могъ быть инымъ; она знала все, что я самъ зналъ о себѣ по отношенію къ ней; знала всѣ мои муки ужаса и восторга, все возраставшія; и, — казалось, — не только понимала, а могла-бы и разрѣшить ихъ; и между тѣмъ не разрѣшала. Случалось такъ, что я говорилъ — она слушала и молчала, или произносила своимъ тихимъ голосомъ нѣсколько тихо-утвердительныхъ словъ, съ тихой и грустной, всегда какой-то далекой, ласковой. И я не настаивалъ, не просилъ, не расспрашивалъ, не торопилъ: я не могъ. Какъ будто совершался медленно какой-то путь, и укоротить его по волѣ было нельзя.

Оставаясь одинъ — я мучился сильнѣе и острѣе; а въ ней была строгая и покорная тишина, которой, при ней, и я покорялся.

Такъ шла зима. Мы были почти близкими друзьями — и я такъ-же не понималъ ни себя, ни ея, какъ въ первый день встрѣчи.

Казалось — я не могу больше жить безъ нея. Но и при ней не было мнѣ жизни. Непонятная, недоумѣнная тяжесть моя все усиливалась. Я попробовалъ не видѣть графини цѣлую недѣлю. Это было уже почти весною. Наконецъ, черезъ недѣлю, рѣшилъ опять идти, но не сейчасъ, еще переждать дня три. И не пришлось. Утромъ я получилъ отъ нея записку — первую — гдѣ она писала:

«Будьте, другъ мой, у меня сегодня вечеромъ. Ивонна де-Сюзоръ».

У меня и мысли не явилось ослушаться. Пришелъ часъ — и я былъ у нея.

V.

Графиня встрѣтила меня внизу. Мы вмѣстѣ прошли цѣпь пустынныхъ залъ вмѣстѣ поднялись на лѣстницу.

Угли рдѣли въ каминѣ. Потолокъ былъ свѣтлый, стѣны темны. Она сѣла у огня, въ высокое кресло съ прямой спинкой. Алыи отсвѣтъ лежалъ на ея лицѣ, гордомъ, молодомъ и страшномъ. Прозрачные, старые глаза не принима-

ли горячихъ лучей, были все такіе же блѣдныя, не живые и прекрасные.

Но, прежде чѣмъ я взглянулъ въ нихъ, я сказалъ свои прежнія мысли, съ которыми жилъ:

— Вы были удивлены, графиня, что я не шелъ къ вамъ такъ долго...

Она отвѣтила:

— Нѣтъ. Я не была удивлена.

И я тотчасъ же понялъ, что не была удивлена, и не могла быть.

Она продолжала.

— Видите ли. Мнѣ слѣдуетъ сказать вамъ, рассказать вамъ нѣчто о себѣ; раньше этого нельзя было сдѣлать. Не нужно. А теперь нужно. Потому что... вѣроятно—мы скоро разстанемся.

Передъ словомъ «вѣроятно» она остановилась и произнесла его со страннымъ усиліемъ. Я безотчетно вспомнилъ, что въ первый разъ слышу это слово отъ нея. Она никогда не говорила: «вѣроятно», «я надѣюсь», «я предполагаю», «можетъ быть»... Но я едва уловилъ это, обращенный весь къ ея слову «разстанемся».

— Вы уѣзжаете? — почти вскрикнулъ я. — Разстанемся?

— Да. Я не уѣзжаю. Но вы... вѣроятно...

Опять «вѣроятно», и опять съ усиліемъ.

— Я никуда не уѣзжаю! Не думаю и не предполагаю уѣзжать! Почему разстанемся?

Она помолчала.

— Все равно, — сказала она наконецъ. — Все равно, думаете ли вы или нѣтъ. Сегодня я должна рассказать вамъ то, чего вы не знаете. Расскажу вамъ потому, что я васъ люблю.

Она произнесла эти слова съ такой простой, повелѣвающей и покорной тишиной, что и во мнѣ они отозвались той же тишиной. Мнѣ и въ мысль не могло придти отвѣтить ей, что я ее люблю или не люблю. То, что я къ ней чувствовалъ, было и больше, и непонятнѣе всякой любви.

— Расскажите мнѣ, если надо, — сказалъ я. — Да, и я чувствую, что теперь надо.

Странное спокойствіе, почти оцѣпенѣніе, овладѣло мною на время. Такъ я выслушалъ весь ея длинный и тихій рассказъ, и понятный — и устрашающій.

Вотъ что она мнѣ рассказала.

VI.

— Вы знаете, что графъ Сюзоръ, по нѣкоторымъ причинамъ, не считалъ меня своей дочерью, и семнадцать лѣтъ я и мать моя жили вдали отъ него. Я его до семнадцати лѣтъ, до того дня, когда все перемѣнилось, и не видала. Мы жили здѣсь, въ Парижѣ, почти нуждаясь, тѣмъ болѣе, что мать была больна. Я поневолѣ привыкла къ самостоятельности, пользовалась

свободой, какой рѣдко пользуются молодыя дѣвушки моихъ лѣтъ... моихъ тогдашнихъ лѣтъ. У меня было много подругъ и друзей по школѣ — я сумѣла попасть въ рисовальную школу, имѣя непреодолимое пристрастіе къ живописи. Я была не по лѣтамъ энергична, чрезвычайно жива, порывиста и горяча. Несправедливость графа къ моей матери вѣчно мучила меня, возмущала, заставляя чуть не сжимать кулаки при одной мысли; я ненавидѣла моего отца. Я обвиняла его и въ моей судьбѣ. Я могла бы учиться, — не такъ, какъ теперь... Могла бы сдѣлаться великой... Я была очень самонадѣяна и вѣрила въ себя. Но если жизнь меня заколотитъ, думала я, могу и пропасть.

Мысли о моей судьбѣ ужасно мучили меня. Иногда я начинала бояться неизвѣстныхъ, неизбежныхъ грядущихъ ужасовъ и несчастій, думала о томъ, какъ бороться съ ними, что будетъ со мною и съ моею матерью, — и терялась, не зная, и плакала по ночамъ. Иногда, напротивъ, душа наполнялась живой надеждой на хорошее, широкое счастье, я хотѣла дѣйствовать, скорѣе идти на встрѣчу — но какъ дѣйствовать? Куда идти? Не забудьте, я была одна съ полусумасшедшей матерью, и мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

Одинъ разъ подруга въ школѣ, дѣвушка изъ общества, рассказала мнѣ, что весь Парижъ те-

перь сходить съ ума, увлекаясь какимъ-то новымъ гадателемъ, предсказателемъ будущаго. О немъ говорили, что это—знатный французъ, много лѣтъ проведеншій въ Египтѣ, въ Индіи или еще гдѣ-то, много лѣтъ изучавшій тайныя, древнія науки во всей ихъ почти бездонной мудрости, что онъ чуждъ всякаго новѣйшаго шарлатанства, гипнотизерства и фокусничества, а просто, какъ древній провидецъ. Онъ богатъ и денегъ не беретъ,—это послѣднее обстоятельство заставляло самыхъ большихъ скептиковъ сомнѣваться въ его шарлатанствѣ, — и принимаетъ всѣхъ. Его наперерывъ приглашали въ свѣтскія гостиныя. Собраній онъ, однако, избѣгалъ..

Спусти нѣсколько времени я почти то же самое прочла о немъ въ газетахъ. Я думала еще нѣсколько дней, а потомъ рѣшилась. И вечеромъ (днемъ я была занята) отправилась къ нему.

Мнѣ казалось, что я совершаю какой-то отчаянный поступокъ. Одна, чуть не ночью, къ гадателю... И какой вздоръ! Что за глупое суетворіе! Навѣрно, шарлатанъ... Да пусть шарлатанъ! Почему не пойти, все-таки любопытно. Воображаю, какая у него обстановка, и чего онъ навезъ изъ Индіи, изъ Тибета...

Уже лѣстница меня разочаровала и укрѣпила въ мысли, что онъ шарлатанъ. Говорили о богатствѣ — ничуть не бывало. Обыкновенная, даже бѣдная квартирка въ одномъ изъ деше-

выхъ кварталовъ. Я позвонила съ бьющимся сердцемъ, ожидая, что найду у него толпу. Это меня даже ободряло.

Вмѣсто какого-нибудь слуги — краснаго или чернаго, изъ Индіи — мнѣ отворила дверь грязноватая *femme de ménage* и тотчасъ же провела въ маленькую пріемную, ужасно бѣдно меблированную. Не было ни души. Я хотѣла сѣсть, — но въ ту же минуту изъ сосѣдней комнаты вышелъ обыкновенный старичокъ въ сѣромъ халатѣ, маленькій, немного лысый, съ небольшою сѣдой бородкой. Это и былъ прорицатель.

Мнѣ не нравилось его крошечное, все сморщенное личико, ласково и хитро улыбавшееся. Было въ немъ и смѣшное.

Онъ не спросилъ ни моего имени, ни зачѣмъ я пришла — легко было догадаться, зачѣмъ. Сѣлъ за узкій и длинный деревянный столъ, у лампы, посадивъ меня напротивъ. Ласково, почти вкрадчиво, попросилъ мою руку, которую я ему протянула уже безъ смущенія. Какіе все пустяки! Онъ долго смотрѣлъ на мою ладонь, потомъ спросилъ о числахъ моего рожденія, — года и дня. Потомъ нѣсколько разъ взглянулъ мнѣ въ глаза.

Помолчалъ и заговорилъ.

Чѣмъ онъ дольше говорилъ — тѣмъ больше мною овладѣвала досада, чуть не злоба, и смѣхъ.

Наконецъ, я вырвала у него руку и разсмѣялась — не безъ презрѣнія — ему въ лицо.

— Это — все, неправда ли, что вы можете мнѣ сказать.

— Да, дитя мое... Я вижу это по вашей рукѣ, по вашимъ глазамъ. Васъ ждетъ завидная судьба. Вы будете богаты, будете извѣстны... У васъ есть непріятности, но онѣ пройдутъ. Долгая жизнь въ довольствѣ и блескѣ, счастливая любовь — и одна... Нѣсколько разъ будете больны, но выздоровѣете, — ибо долгая жизнь...

Словомъ, онъ опять повторилъ все сначала, кое-что прибавилъ, все въ тѣхъ же фразахъ. Эти противныя, ничего не говорящія, ничего и все обобщающія плоскія фразы, монотонныя — привели меня почти въ неистовство. Какой-то бѣсъ овладѣвалъ мною все больше и больше, овладѣлъ — и я крикнула:

— Подите вы вонъ съ вашимъ пошлымъ шарлатанствомъ! Ни у кого изъ васъ даже фантазіи нѣтъ! Всѣ въ мірѣ гадалки говорятъ всѣмъ въ мірѣ простакамъ однѣ и тѣ же общія фразы, одинаково для всѣхъ годныя! Долгая жизнь... Любовь... Болѣзнь... Непріятности... и пройдутъ... Каждая кухарка умѣетъ сказать это по картамъ — и угадать! При чемъ же эти мудрости, древнія науки, Индіи — ни при чемъ! Какъ скучно!

— Дитя мое... — началъ было старичокъ.

Но я его перебила. Я была слишкомъ взволно-

вана и горько возмущена. Я вскочила со стула и, стоя передъ нимъ, продолжала, неожиданно горячо:

— Нѣтъ, я повѣрила бы только тогда, если бы мнѣ предсказали мое будущее, какимъ оно будетъ, — и мое, слышите, мое! Нѣтъ одинаковой судьбы, какъ нѣтъ одинаковой души, и мнѣ нужна моя собственная судьба, мое счастье, мое несчастье, мое сердце съ моими будущими чувствами, — все нужно, скажите мнѣ обо всемъ, если можете, расскажите цвѣтъ обой въ комнатѣ, гдѣ меня ждетъ радость! Покажите глаза человѣка, котораго я буду любить! Вотъ тогда я повѣрю, что есть мудрость, знаніе, предвидѣніе! Но вы не можете. Такъ и молчите. Утѣшайте другихъ вашими «древними науками»!

— Дитя мое... — сказалъ опять старичокъ.

Я посмотрѣла на него. Онъ пересталъ улыбаться. Онъ мнѣ показался внезапно испуганнымъ — и пугающимъ. Я замолчала. Молчалъ и онъ. Потомъ произнесъ — и такъ странно:

— Это вы?

И усмѣхнулся, но совсѣмъ не по-прежнему. И злая радость—и жалость были въ этой усмѣшкѣ.

Я не знала, что сказать.

— Такъ это вы? — повторилъ онъ.

И продолжалъ, не дожидаясь отвѣта:

— Вы хотите знать вашу судьбу, вашу собственную, всю до конца, до цвѣта глазъ вашего

возлюбленнаго? До послѣдняго движенія вашего будущаго сердца? До...

— Вы издѣваетесь надо мной! Повторяете безцѣльно мои же слова! Да, хочу, конечно, хочу! И знаю, что это невозможно, и презираю васъ съ вашими науками, потому что ничего другого мнѣ не нужно. Прощайте.

Я двинулась было къ двери. Онъ не удерживалъ меня, — надо быть справедливой. Но я сама, при взглядѣ на него, остановилась.

Тогда онъ проговорилъ.

— Такъ это вы. Мнѣ было сказано, что одинъ разъ — только одинъ разъ — придетъ ко мнѣ женщина, и будетъ требовать того, чего требуете вы. И мнѣ позволено на этотъ одинъ разъ — только разъ! — исполнить то, что она потребуетъ. Но лишь позволено — а не повелѣно. Я могу не исполнить, если вы откажетесь отъ своего желанія.

Онъ такъ сказалъ это, что я вдругъ повѣрила.

— Никогда не откажусь! Никогда! О, если можете, умоляю васъ! Скорѣе, скорѣе, сейчасъ, если только можете!

— Не нужно умолять, — произнесъ онъ почти со строгостью. Я сдѣлаю, если вы не откажетесь. Сейчасъ, сегодня, я не сдѣлаю. Вы должны подумать о томъ, чего просите. Пойдите домой, подумайте. Если и подумавъ не откажетесь — придите завтра, въ это же время. Не придете завтра...

Я поняла, что съ нимъ нельзя спорить. И произнесла только:

— Хорошо, я приду завтра. Конечно, приду! Тутъ нечего размышлять, не о чемъ думать.

— Нѣтъ, есть о чемъ, — сказалъ онъ настойчиво, и всталъ, провожая меня къ дверямъ. — Подумайте, подумайте, дитя мое. И... — прибавилъ онъ вдругъ тише, запирая дверь, — когда будете думать — помолитесь тамъ... кому знаете... Кому хотите.

VII.

— Я не спала почти всю ночь отъ ожиданія, волненія и радости. Старику, когда онъ говорилъ свои послѣднія рѣчи, не вѣрить было почему-то нельзя, я повѣрила безповоротно и только досадовала, что онъ изъ упрямства отложилъ дѣло на цѣлыя сутки. О чемъ думать! Что тутъ сомнѣваться! Мнѣ дается такое исключительное счастье, такая сила — знать! Открывается сокровенная тайна будущаго! Люди всю душу полагаютъ на то, чтобы угадать хоть часть — а я буду знать все! Какой безумецъ отказался бы отъ этого! Я смѣялась надъ совѣтомъ старика — «подумать», и думала только о томъ, какъ я это узнаю. Онъ мнѣ расскажетъ? Но слова не даютъ всей полноты представленія. Онъ мнѣ покажетъ? Но глазами нельзя видѣть своихъ собственныхъ

чувствъ и мыслей. А онъ обѣщалъ дать мнѣ все, все! Я узнаю моего отца, узнаю, какъ я ему отомщу. Что я ему отомщу — я не сомнѣвалась.

Ночь прошла, длинно тянется день. Я просидѣла весь день дома. Достаточно я «думала»! О другомъ совѣтѣ старика, помолиться кому-нибудь, — я забыла. Я никогда не была особенно религіозна. Да и о чемъ молить, просить, спрашивать, когда я все буду — знать!

Бѣсъ смѣха, хохота овладѣлъ мной. Я цѣлый день безпричинно хохотала, смѣхомъ отвѣчая на всякій вопросъ домашнихъ. Едва смерклось — я надѣла шляпу и ушла бродить по улицамъ. Накрапывалъ мелкій предосенній дождь. Я едва удерживалась отъ смѣха, глядя, какъ шлепали въ грязи бѣдные сѣрые люди, дрожащіе за каждый свой шагъ, каждымъ шагомъ вступая въ неизвѣстное, въ невѣрное, въ темное. Они не знали, что ждетъ ихъ за первымъ поворотомъ. Бѣдные! Жалкіе!

Время шло. Приближался назначенный часъ. И въ назначенный часъ я была у дверей старика.

Онъ отворилъ мнѣ самъ, тотчасъ же. Никого, даже той женщины, служанки, я не видала. Старикъ держалъ въ рукахъ зажженную свѣчу, хотя въ прихожей и въ пріемной горѣли лампы.

— Это вы, дитя мое, — сказалъ старикъ. — Вы пришли. Я такъ и думалъ.

Онъ былъ въ томъ же сѣромъ халатѣ, весь совершенно такой-же, какъ наканунѣ, — и весь совершенно другой: онъ тряся, точно отъ захватывающей тайной радости, смѣшанной со злобнымъ испугомъ, почти ужасомъ. Онъ былъ похожъ на трусливую и гадкую старую птицу, сѣрую, — и по-птичьи втягивалъ лысую голову въ широкій воротъ халата. Птица была трусливая, но большая и сильная. Силу я тотчасъ же въ немъ почувствовала — и опять поняла, что онъ меня не обманетъ.

Въ пріемной старикъ, не выпуская изъ рукъ свѣчи, остановился, точно еще больше струсилъ, и сказалъ:

— Вы подумали, дитя мое, вы сами рѣшили... Я совѣтовалъ вамъ подумать. И вы, послѣ свободнаго размышленія, пришли ко мнѣ, неправда ли, съ тѣмъ же требованіемъ, чтобы я...

— Да, да! — вскрикнула я нетерпѣливо. — Вы не будете повторять мнѣ все снова! Это рѣшено!

Его дрожь заражала меня. Я уже не смѣялась и не радовалась. Безпокойство, нехорошее и непонятное, меня захватывало. Я испугалась, что придетъ страхъ. Очень онъ былъ гдѣ-то близко... а страху, казалось бы, не отъ чего явиться.

— Долго вы будете еще мяться! — почти грубо крикнула я.

Старикъ тотчасъ же повернулся и, промол-

живъ съ неожиданнымъ спокойствіемъ и строго-стью: «идите за мной», — направился къ двери въ углу, которой я раньше не замѣтила. Отворилъ ее и прошелъ.

Я промедлила на порогѣ мгновенье, только одно мгновенье, словно чья-то тихая, ласковая рука попыталась удержать меня; но она отстранилась, внезапный страхъ скользнулъ по мнѣ и исчезъ, точно холодная мышь пробѣжала по тѣлу — и я вошла за старикомъ.

Очень большая — громадная — комната съ низкимъ потолкомъ, и совершенно пустая. Только потолокъ, полъ и очень гладкія, очень бѣлыя стѣны. Даже оконъ я не замѣтила. Въ одну стѣну, впрочемъ, былъ вдѣланъ каминъ, огромный, черный, какъ раскрытый старческій ротъ. На каминъ мой спутникъ поставилъ свѣчу. Я увидала, что за каминомъ, отставленный почти на середину комнаты, стоитъ стулъ, самый простой, деревянный, — и только одинъ.

Мнѣ теперь казалось, что я опять ждала чего-то особеннаго, мягкихъ свѣтовъ, таинственныхъ ковровъ, одуряющихъ куреній, чего-то волшебного-пугающаго, — а странная пустота и бѣлизна комнаты обманули меня, и страхъ, ползающій близко, былъ не тотъ, котораго я, можетъ быть, хотѣла, но нехорошій, невнятный, тупой — и тоскливо-душный, похожій на тусклый свѣтъ свѣчи въ огромной комнатѣ.

— Сядьте, дитя мое, сядьте на стуль, — сказал старичок суетливо, все съ той-же злобно-ласковой трусливостью. — Сядьте. Сейчас... Сейчас...

Я покорно сѣла, — какъ стоялъ стуль, — ениной къ камину, лицомъ къ сплошной бѣлой стѣнѣ, безконечной, сливающейся и съ потолкомъ, и съ другими бѣлыми стѣнами. Я уже немного оправилась и даже подумала о томъ, что прежде меня занимало. Разсказывать онъ, очевидно, мнѣ не будетъ. Можетъ быть, я увижу себя и все на этой бѣлой стѣнѣ.

Но стѣна бѣлѣла гладкая, мертвая.

Старичокъ пересталъ суетиться.

— Дитя мое, — проговорилъ онъ холодно и твердо. — Я долженъ отвѣчать, если... Въ послѣдній разъ: вы хотите..?

— Да. Да, — сказала я. Но сказала уже не думая, что говорю, самъ языкъ сказалъ.

Старикъ вынулъ бѣлый шелковый платокъ изъ кармана халата.

— Хорошо. Хорошо. Пусть исполнится, — заговорилъ онъ быстро. — Сидите спокойно. Ничего. Я только положу вамъ руки на голову. Но самъ я не долженъ видѣть. Мнѣ нельзя. Я не долженъ. Вотъ, я завяжу себѣ глаза.

И онъ дрожащими пальцами стянулъ узелъ платка на лысой головѣ. Платокъ былъ большой, и концы смѣшно свѣшивались внизъ. Но тотчасъ

же старикъ зашелъ сзади стула, и я только слышала его лепетаніе:

— Сейчасъ. Сейчасъ. Вы здѣсь? я опущу руки вамъ на голову. Я опущу — и подниму. И больше ничего... ничего.

Лепетаніе замолкло. Я почувствовала, какъ онъ медленно опускаетъ, вѣроятно сложенные, руки на мою голову, еще не касаясь ея. Вотъ, коснулся... О, какія тяжелыя! Коснулся, опустилъ, и.....

И тотчасъ же поднялъ. Между движеніемъ его рукъ внизъ и движеніемъ вверхъ — не прошло никакого времени. Сколько бы мы ни уменьшали время — до тысячной, до миллионной секунды — все же это будетъ нѣкоторое время, а тутъ не было никакого. Но лживѣ всего — сказать, что не было ничего. О, ничего! Нѣтъ, все, — не было только времени.

Я встала. Обернула къ старику лицо. Онъ сорвалъ повязку и поглядѣлъ въ мое новое, теперешнее, лицо, близко, — и помню его глаза: жалкіе, жалобные и ненавистнические, и полные страха смерти. Такими глазами убійца или насильникъ смотритъ на дѣло своихъ рукъ.

Онъ взглянулъ — и отвернулся. Я пошла вонъ, не оглядываясь. Онъ остался.

VIII.

— Вамъ еще не ясно, что было со мною тогда, въ тотъ... промежутокъ, между двумя движеніями его рукъ, когда не было времени. Трудно понять это обыкновенному, счастливому, живому человеку. Я постараюсь сказать, но если вы чего-нибудь не поймете — замѣните темное мѣсто въ-рой: вамъ это доступно.

Я хотѣла знать мою будущую судьбу, всю мою грядущую земную жизнь такою, какой я ее проживу. Такою, какой я ее почувствую. Всю, до смерти, всякое будущее мгновенье. Для этого нужно было ее прожить. И я ее прожила. Вы должны повѣрить мнѣ, когда я скажу вамъ, что въ тотъ... кусокъ безвременья или вѣчности, между двумя движеніями рукъ старика, я, сама я, которую я не видѣла, а ощущала изнутри (такъ же, какъ теперь я себя не вижу, а ощущаю изнутри) — прожила всѣ свои мгновенья, часы и годы, мнѣ сужденные, продумала всѣ мысли, которыя уже были и еще будутъ, выплакала всѣ слезы, которыя дано мнѣ пролить, утомилась всей работой, переболѣла всѣми болѣзнями моей жизни, слышала всѣ слова, изъ которыхъ многія только еще услышу, узнала все, что узнаю, видѣла все и всѣхъ, кого увижу; надо мной уже совершилось все, — вплоть до послѣдняго вздраги-

ванія моего тѣла въ послѣднюю минуту, въ послѣдней агоніи...

Графиня Ивонна остановилась. Она была права: я еще не понималъ, я еще не принималъ.

— Вѣрьте, — сказала она черезъ минуту. — Съ вѣрой въ это можно понять, представить себѣ, что это такое, и что я теперь такое. Всѣ знаютъ свое прошлое. Я знаю свое будущее совершенно такъ же, какъ всѣ знаютъ прошлое. Я — *помню* свое будущее.

— Но, графиня...—пролепеталъ я.—Прошлое мы забываемъ... И развѣ можно все помнить... И вы можете забыть...

— Забываемъ... да, конечно, нельзя все помнить съ одинаковой, ровной живостью. Но это ничего не мѣняетъ. Чуть вы направляете мысль на что-либо изъ прошлаго, оно встаетъ передъ вами съ извѣданной ясностью. Такъ и я, о чемъ бы ни подумала изъ моей жизни — оно здѣсь, оно уже было. И даже знаю, когда и какой мыслью подумаю. Каждая мысль, каждое движеніе души и тѣла — приходятъ ко мнѣ во *второй* разъ, и я знаю время ихъ прихода. Я прожила двѣ *вторыхъ* жизни, потому что вѣдь и мое первое переживаніе, тогда, въ провалѣ безвременности, было лишь яркимъ, вѣрнымъ отраженіемъ, образомъ именно этой будущей, *второй* жизни, то есть, было совершенно такимъ же, совершенно, — какъ и она сама, вторая, — жизнь *со знаніемъ*

емъ! Другъ мой, вы, человѣкъ, котораго я люблю, котораго я уже любила, котораго я потеряю и теряла, — если не умомъ — то сердцемъ, всей свободой вашего сердца и его счастьемъ, — вы поймите безпримѣрность и бездонность моего горя: я никогда не любила васъ въ первый разъ: опять люблю васъ — и опять во второй! И опять потеряю — только потому, что никогда у меня не было первой любви...

Я не зналъ, понимаю-ли я ее. Среди сѣраго, удушливаго и плоскаго ужаса, у меня въ головѣ толкались какія-то отрывочныя мысли, какіе-то вопросы. И я сказалъ съ усиліемъ:

— Графиня... графиня... Но развѣ намъ не дана свободная воля? Вѣдь это древній Рокъ... Это *fatum*... Я не могу вѣрить, что мы не властны измѣнить нашей судьбы.

— Да, есть свободная воля. И я взяла ее, и всю истратила, сразу... въ тотъ вечеръ у старика. Я измѣнила свою судьбу, свободно пожелавъ *знать*. Судьба измѣнилась, благодаря этому желанію и его исполненію, по моей волѣ. И я узнала ее уже измѣнившуюся (отъ знанія), а той моей судьбы, которая совершилась-бы, если-бъ я не хотѣла знать — я не знаю. Вѣдь не она меня ждетъ. Ее предсказалъ мнѣ старикъ, въ первый вечеръ. Она, извинѣ, похожа на мою. Единственная любовь... Только онъ сказалъ: счастливая. А я пережила, переживу несчастную. Но не-

счастливая она опять потому, что я пожелала знать, узнала — и тѣмъ измѣнила все.

— Но если-бъ вы захотѣли, графиня, — снова заговорилъ я. — Если-бъ вы захотѣли все-таки измѣнить что-нибудь... Умереть раньше вашего часа? Измѣнить, измѣнить...

— Раньше, чѣмъ я захочу, — я знаю, что захочу и что поэтому сдѣлаю. Я знаю, сколько еще разъ придется пережить мнѣ это мучительное желаніе — пойти противъ неотвратимаго, прервать, кончить раньше конца... И знаю, какія мысли и чувства останавливаютъ меня. Я скажу вамъ ихъ.

Она встала и оперлась рукой на каминъ, вся черная, вся страшная, сама — какъ судьба. Я уже не смотрѣлъ на нее, какъ на человѣка.

— За то, что вольно преступила благостный законъ невѣдѣнія — я оторвана отъ всего человеческого; я — одна. Люди живутъ, то-есть желаютъ, вѣрятъ, сомнѣваются, стремятся, радуются, надѣются, разочаровываются, боятся, молятся... Для меня нѣтъ въ жизни ни страха, ни надежды. Мнѣ нечего ожидать, сомнѣваясь, не о чемъ просить. Времени — во времени — для меня нѣтъ. Ничего нѣтъ. Но... только во времени! Только въ жизни! А тамъ? Когда я опять, во второй и послѣдній разъ, переживу муку агоніи и закрою глаза — что будетъ? Видите, тутъ я спрашиваю, потому что тутъ у меня есть все

счастье незнанія, вѣры, ожиданія, надежды! Тутъ я становлюсь равна и близка людямъ. Тутъ, надѣясь, я боюсь, — и потому не хочу и не могу пожелать своевольно прервать мѣру наказанія, а хочу исполнить всю. И, можетъ быть... да, *можетъ быть* — я найду тамъ и отдыхъ, и свою человѣческую силу, и новую, вѣчную свободу...

Она стояла передо мной, обернувшись лицомъ къ огню камина и ко мнѣ. Лицо ея мгновенно — на одно мгновенье — измѣнилось, я его больше не зналъ: осіянное алыми лучами, молодое, только молодое — и вѣчное, оно было такъ прекрасно, что я съ трепетомъ опустилъ глаза, не смѣя смотрѣть. Когда я ихъ поднялъ — было кончено. Превжняя страшная женщина смотрѣла на меня прежними старыми, пустыми глазами.

И, должно быть, я понялъ ее. Потому что невыразимый ужасъ наполнилъ мою душу, но въ этомъ ужасѣ уже не было того плѣняющаго, притягивающаго и обезволивающаго восторга, который смѣшанъ со страхомъ, когда мы не знаемъ, или не понимаемъ причины страха. Непонятное, неизвѣстное смѣнилось знаніемъ, — ужасъ удесятерился, расширился болью, состраданіемъ, насквозь колющей жалостью, — но восторгъ исчезъ. Онъ остался передъ вѣчно непонятной сущностью не человѣческихъ законовъ, но не передъ ней, не передъ этой женщиной, ибо — если не

смыслъ — то сама страшная судьба ея была мнѣ ясна.

Въ ужасѣ отчаянья нѣтъ восторга. Есть тупая тишина. Моя душа наполнилась ужасомъ отчаянья — и тишиной.

Прошли какія-то мгновенья.

Ивонна опять сѣла въ кресло. Угли потухали.

— Я скажу вамъ еще нѣсколько словъ, — произнесла она своимъ глуховатымъ, уставшимъ голосомъ. — Мнѣ тяжело было рассказать вамъ, но такъ лучше, да и нельзя иначе. Двумъ людямъ во всей жизни я должна была рассказать это. Только двоимъ дано было близко подойти къ моей жизни, уловить страшное и тайное въ моемъ лицѣ, и мучиться этимъ. И я рассказала... одному, потому что любила, другому — потому что ненавидѣла. Если-бы вы не узнали — вамъ было-бы хуже. Если-бъ онъ не узналъ... Да что говорить объ этомъ, — развѣ могла я сдѣлать иначе, чѣмъ сдѣлала. Такъ вотъ, этотъ второй... первый... все равно, — это былъ мой отецъ, графъ де-Сюзоръ. Онъ — вы знаете — примирился съ матерью, взялъ насъ къ себѣ. Меня онъ полюбилъ безумно, какъ умѣлъ любить только онъ, и свою дочь, передъ которой онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Во всей его жизни, къ старости, остались живыми лишь два чувства: привязанность ко мнѣ — и страхъ смерти.

Графиня остановилась на мгновение, пристально взглянула на меня и продолжала:

— Вы угадываете, это такъ. И это слишкомъ ясно: да, я знаю, знаю свое будущее, и будущее тѣхъ людей, жизнь которыхъ соприкасается съ моею; именно въ точкахъ соприкосновенія и знаю. Вѣдь я знаю слова, которыя услышу отъ нихъ и которыя ими еще не произнесены! Скажемъ — я знаю, что кто-нибудь въ будущемъ долженъ сообщить мнѣ о постигшемъ его только что несчастіи. Я уже знаю объ этомъ несчастіи изъ его будущихъ словъ — которыхъ онъ теперь самъ еще не знаетъ. Но я никогда не говорю, не говорила, не скажу никому ни о чемъ! Никогда! Не нарушу счастья невѣдѣнья, не должна, не могу. И я иду по своему пути, избѣгая соприкосновеній съ людьми. Хорошо, что мой путь пустыненъ. Хорошо, что только двое остановились при взглядѣ на мое лицо. Васъ — мнѣ дано охранить раскрытіемъ правды. Я васъ люблю. Моего отца — убила правда. Я его ненавижу... или ненавидѣла. Его любовь и его пронизательность дали ему вѣчныя мученья около меня. Я сказала, что правда убьетъ его. Онъ не повѣрилъ. Тогда я ему сказала все. И... я ему сказала часъ его смерти. Ему, ему одному! Но я и не могла иначе! Вѣдь часъ, когда я сказала, и былъ этимъ часомъ. Я знала о его смерти — онъ умеръ у меня на рукахъ. Любовь, жалость ко мнѣ, вмѣстѣ съ

отчаяніемъ, — и страхъ неизбѣжной смерти убили его.

Смерть! Смерть!

Отъ этого слова, которое одно для нея еще звучало надеждой—на меня повѣяло послѣднимъ холодомъ. Что я дѣлаю здѣсь, я, жалкій, раздавленный, невѣдающій — и счастливый, потому что живой? Зачѣмъ я съ этой женщиной? Она меня любить... Нѣтъ, нехорошо живому, если его любить мертвый. Вѣдь и я любилъ ее... или любилъ-бы... о, не знаю, не знаю! Смѣемъ-ли мы любить любимого, когда за нимъ закрыты двери склепа?

Я поднялся съ трудомъ, какъ тяжело больной.

— Графиня, — произнесъ я. — Я не могу теперь... говорить. Я не знаю, лучше-ли, или хуже, что вы мнѣ все рассказали. Но я не лгалъ передъ вами никогда. И какъ только я буду въ силахъ понять свою душу, я вамъ все...

— Вы мнѣ напишете, — отвѣтила она просто, вставая.

Я хотѣлъ спросить: «почему напишу?» но вспомнилъ, что вѣдь она все знаетъ, она лучше знаетъ; вѣроятно, напишу...

Ноги мои едва двигались, тяжелыя, точно застывшія. У дверей она остановилась, взяла мою голову обѣими руками и поцѣловала меня въ губы.

Я почувствовалъ въ этомъ поцѣлуѣ весь хо-

лодь, всю торжественность, все неразгаданное величіе и вѣчную, грозную плѣнительность — Смерти, соединенной съ Любовью.

И въ несказанномъ трепетѣ благоговѣнія я, какъ недостойный паломникъ склоняется къ мертвому, но святому, тѣлу, — склонился къ ногамъ женщины и поцѣловалъ край ея одеждъ.

. . . . .

XI.

— Теперь осталось досказать лишь нѣсколько словъ.

На другой день я получилъ телеграмму, что отецъ мой тяжело боленъ, меня вызывали въ Россію. Я рѣшилъ уѣхать въ ночь. Передъ отъѣздомъ я все-таки успѣлъ написать графинѣ... то, что приблизительно рассказалъ вамъ, — о себѣ, о своей душѣ. Я не могъ ей лгать. Я написалъ, что уѣзжаю, и почему уѣзжаю. Она это знала вчера! Она говорила (я вспомнилъ) — «вы уѣдете...» — Она знала вчера и мою душу, потому что я все написалъ ей сегодня. Вѣдь она уже читала ненаписанное письмо!

Я былъ въ полуснѣ, въ полубреду. Несчастіе — телеграмма изъ Россіи — была моимъ счастіемъ. Я долженъ былъ уѣхать.

Отецъ мой умеръ. Въ Парижъ я больше не

вернулся. Отъ графини я не получилъ отвѣта, — и не ждалъ. Я никогда не видалъ ея больше... Но я никогда не любилъ ни одной женщины. И не только моя любовь — но многое во мнѣ, мои мысли о смерти, мои самыя страшныя, святыя надежды, все, что у человѣка не вмѣщается, не входить въ жизнь, — связано у меня съ частой думой — о ней.

Друзья мои! Простите, я измѣнилъ имя, я слишкомъ неискренно-легко началъ разсказъ, который — я безсознательно надѣялся — вы примете за вымыселъ. Но я вижу, что вы почувствовали весь ужасъ его правдивости и поняли, какъ срослось съ моей душой это воспоминаніе. Быть можетъ, и вся душа моя выросла изъ этого ужаса и этой боли. Я хотѣлъ-бы, чтобы вы поняли... а если не поняли чего-нибудь — то повѣрили; намъ это доступно.

Графиня жива и теперь, многіе изъ васъ слышали ея настоящее имя. Оно очень извѣстно. Графиня живетъ, — она исполнить всю мѣру страданія за то, что переступила непереступный законъ невѣдѣнія. Но знанію ея есть благодатный предѣлъ — смерть.

Графиня жива, — я помню о ней всегда. Но я не увижу ее. А если и увижу — то не здѣсь, а тамъ, гдѣ есть милость и прощеніе.

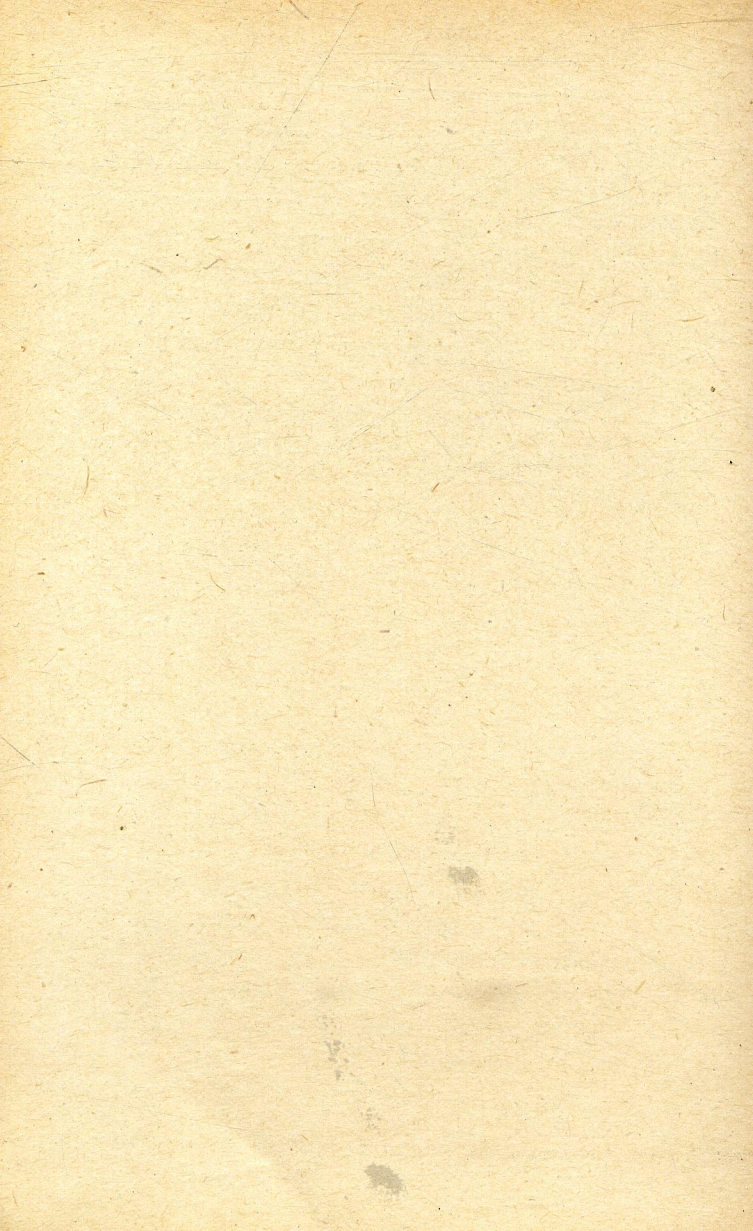

Политовъ умолкъ. Молчали и друзья. Угли гасли, безмолвные, въ каминѣ. Темныя стѣны. Темныя занавѣси. Темная, теплая и тяжелая тишина. Время какъ будто остановилось — такъ безгласно перекатывались темныя волны темнаго Будущаго черезъ недвижный рубежъ Настоящаго, — чтобы превратиться въ уже видимое, вѣдомое Прошлое.

И всѣ точно боялись пошевелиться, боялись отдѣлить явностью Настоящаго — вѣдомое отъ невѣдомаго.

ТВАРЬ

Ночная идиллія.

I.

Главное свойство Саши-недотыки, — или, иначе, Саши-баронессы — была ея постоянная, почти непрерывная, влюбленность. Десяти лѣтъ сдала ея какая-то дальняя «тетенька» мастерицѣ на обученіе, и тамъ забыла. Впрочемъ и Саша забыла тетеньку. Жилось у мастерицы недурно, вѣроятно потому, что Саша сразу же, чуть не съ десяти лѣтъ, стала влюбляться. Въ кого попало, въ хозяйскаго кота, въ молочника, въ корсажницу-Лизу, — и почти не замѣчая измѣнъ. Влюблялась смутно, безъ пониманія, но было весело. А когда подросла и начались разговоры съ подругами, скверные разговоры чистыхъ дѣвушекъ, — влюбленность ея еще обострилась, стала рѣзче, понятнѣе, томнѣе, — и веселѣе. Впрочемъ, въ Сашѣ не было ухарства, и циническихъ разговоровъ она не любила, потому что, влюбленная, была именно томна.

Съ пятнадцати лѣтъ къ ея влюбленностямъ стала было примѣшиваться грусть и злость: не такъ уже казалось весело глядѣть изъ окошечка да вздыхать. Но черезъ годъ ея наконецъ соблазнилъ приказчикъ изъ виннаго склада, и все

опять пошло очень весело. Вѣрнѣе сказать, — Саша соблазнила приказчика, а еще вѣрнѣе — что и вовсе никакого «соблазненія» не было. Просто пошла Саша подъ вечеръ за нитками и въ темныхъ воротахъ встрѣтила приказчика, который жилъ въ томъ же домѣ и въ котораго она уже нѣсколько дней была влюблена. У нея подкосились ноги отъ любви и, прислонившись къ стѣнѣ, она только вымолвила: «ахъ»! Приказчикъ ее поцѣловалъ, а потомъ позвалъ прогуляться (дѣло было весной), на что Саша тотчасъ же согласилась. Гуляя, приказчикъ сказалъ Сашѣ, что недурно-бы зайти въ «Пекинъ», а онъ ее угоститъ пивомъ. Вотъ тутъ, сейчасъ за угломъ, и всѣ у него тамъ знакомые... Саша и на это тотчасъ же согласилась.

Но въ «Пекинѣ» приказчикъ, послѣ пива, поглядѣвъ на Сашино дѣтское, совсѣмъ круглое личико съ ямочкой на подбородкѣ, вдругъ разнѣжился, и оробѣлъ — и осмѣлѣлъ, и внезапно воскликнулъ:

— Нѣтъ, что это! Здѣсь намъ съ вами некультурно. И не слесарь я какой-нибудь, слава Богу! Жалованья на нашъ вѣкъ хватить. Ёдемъ въ «Москву»!

Поѣхали въ гостиницу «Москву» и тамъ ночевали въ хорошемъ номерѣ. Саша тонула въ блаженствѣ совершенной любви, закрывала глаза и только твердила, обнимая приказчика за

шею: «охъ, миленькій! охъ, миленькій»! А приказчикъ, потрясенный Сашиной нѣжностью, милостивостью и покорной пылкостью, говорилъ не безъ растерянности, что «сроду еще не бывалъ такъ влюбленъ».

На другое утро Саша пошла домой, къ мастерицѣ. Дѣло не обошлось безъ скандала и крика, но потомъ все уладилось. Саша молчала, довольная-предовольная. Приказчикъ подарилъ ей на прощанье двадцать пять рублей — знай нашихъ! Эти деньги Саша хотѣла припрятать, да потомъ какъ-то быстро извела.

Приказчикъ не могъ забыть Сашу. И опять пригласилъ въ «Москву». Саша пошла, но уже была другая, не говорила «охъ, миленькій»! все торопилась домой и ушла изъ «Москвы» въ одиннадцать часовъ.

Приказчикъ сталъ приходить въ мастерскую, звать Сашу и скандалить. Хозяйка ругалась и даже пообѣщала прогнать Сашу.

— И живи, какъ хочешь. За то что не связывайся съ мужиками.

Сашѣ понравилась мысль жить «самой по себѣ». Раньше просто въ голову не приходило. Работала она удивительно хорошо, скоро, чисто и ловко, порой не хуже главной мастерицы, но работать не любила. Скучно! Хорошо и работать, а когда можно — лучше не работать. И на слова хозяйки она разсудительно отвѣчала:

— Ну что-жъ. Я отъ себя работу могу брать. А что вы меня мужикомъ этимъ попрекаете — такъ ну его! Я и смотрѣть на него теперь не хочу.

— Не хочу! А чего же онъ скандалить? Смѣять же скандалить съ тобой, да еще сюда лѣзетъ!

— Мало ли чего. Жениться на мнѣ хочеть, вотъ что, — призналась Саша.

Хозяйка руками всплеснула.

— Жениться? Такъ что-же ты еще! Жалованье какое, мѣсто, самъ видный какой! Честный, значить, человѣкъ. Говори слава Богу, дура!

Саша помотала головой и покраснѣла.

— Ну его. Замужъ... Чего захотѣлъ. Ну его.

Такъ хозяйка и не могла допроситься у Саши, чего ей еще надо. Саша мотала головой, отвертывалась, краснѣла и ничего не умѣла объяснить. Она въ это время была уже влюблена въ другого, — въ молодого женатаго швейцара изъ дома, что на углу.

II.

Вскорѣ Саша ушла изъ мастерской, наняла небольшую комнатку у механика за пятнадцать рублей и стала, когда придется и захочется, брать работу на домъ. У нея на первое время были деньги отъ тѣхъ любовниковъ, которые случались еще, когда она жила въ мастерской, а

потомъ стали наплывать и новыя. Такъ какъ Саша всегда была влюблена, нѣжна и цѣловала сладко, приговаривая хвалительныя, искреннія слова, — то всѣ ею оставались довольны и платили ей безъ неохоты. А такъ какъ Саша могла только непрерывно переносить свою влюбленность со стараго на новаго, а когда не было никого на примѣтъ — выходила вечеромъ на улицу, искала и находила, — то скоро ее записали проституткой и выдали ей особый билетъ, который Саша положила въ комодъ и вспоминала о немъ, лишь когда это было нужно.

Явились у нея и подруги. Ихъ Саша не чуждалась, но не любила особенно. Какія-то онѣ грубыя, злыя, громко смѣются, и часто пьяныя. Саша не любила пьяныхъ. И рѣдко влюблялась въ пьянаго, а не влюбится — ни за что съ нимъ не поидеть, и къ себѣ не приведетъ. За это подруги и прозвали ее «недотыкой» и «баронессой». Когда случалось ей поѣхать съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, или въ компаніи, — она и сама пила, но не много, только чуть повеселѣетъ; а заводить, что ея «мужчина» напивается, — она сейчасъ къ нему, обниметъ, уговариваетъ: «ахъ, миленькій! миленькій ты мой! Ну что тебѣ пить? Захмелѣешь, ничего и не увидишь! Вонъ отъ него только, отъ вина-то! А я-ли тебя не люблю, батюшка ты мой бѣлый! Дай поцѣлую милаго!» И уговорить иного. Шляпки Саша носила съ

перьями, большія, чтобъ не отличаться отъ по-другъ; но румяниться не соглашалась, да и не было нужды: такія у нея были крѣпкія, розовыя щеки. Если кто, присматриваясь, встрѣчалъ Сашу, то всегда изо всѣхъ ее выбиралъ, — только бы она захотѣла. Ямочка на подбородкѣ; улыбается, какъ барышня.

Многіе ее знали и привязывались къ ней, но если кто послѣ перваго раза опять приходилъ — Саша была недовольна, потому что уже не чувствовала влюбленности. Развѣ вдолгѣ придетъ, когда Саша его забудетъ.

Были и такіе, которые ходили къ Сашѣ просто въ гости, уже зная ее, зная, что она больше не влюблена и принимая это безъ огорченія; одинокіе, холодные и немножко голодные люди, студенты изъ бѣдненькихъ, приказчики—особенно если безъ мѣста; чиновники маленькіе. Саша, когда была свободна, радостно принимала ихъ, поила чаемъ, а то и пивомъ, — бутылки двѣ-три поставить, въ случаѣ сами не принесутъ. Она была не жадна, и деньги у нея всегда водились, хотя работала она рѣдко. Приметь гостей, рассказываетъ имъ о себѣ, угостить, и все это чинно, нѣжно, весело, — совсѣмъ барышня. Вотъ такихъ привязчивыхъ, какъ первый приказчикъ она терпѣть не могла. Иные съ ума сходили, — жениться хотѣли, всячески упраши-

вали: имъ Саша порой отвѣчала и грубо. Коли не понимаютъ — такъ что жъ! Куда это замужъ?

Въ домъ Саша не пошла. Ее многія уговаривали, и подруги кой-какія, и хозяйки бывали. Саша соблазнялась, что тамъ много разныхъ, всякихъ мужчинъ каждый день, и рѣдко придетъ бывалый; однако, подумавъ, не пошла. Деньги пока есть; перѣведутся на время — можно поработать. Оно не часто — не скучно. А работница она хорошая; ее по магазинамъ и мастерскимъ знаютъ. А въ домахъ-то этихъ — дебоши одни...

— Нѣтъ, я ужъ лучше на волѣ, — отказывалась Саша. — Я этого не люблю. Я тихую жизнь предпочитаю. И ужъ если полюблю кого, — такъ чтобы онъ да я, а больше мнѣ ничего не нужно.

— А новенькихъ ты, Сашка, не любишь? — спрашивала подруга. — Я, вотъ, какъ была въ одномъ дому, такъ мнѣ часто мамочкины дѣтки попадались. Реалистикъ тамъ, гимназистъ, или кто... Очень интересно. Привезутъ это его товарищи — и пошла, катать! Нальютъ его — хорохорится... А то реветъ, ей Богу! Къ вольнымъ-то новенькихъ рѣдко везутъ. Не любишь?

— Не знаю... — задумчиво отвѣчала Саша. — Ну что эти дебоширства...

— Эхъ ты... недотыка! И за что тебя, дрянъ, мужчины любятъ? Холодная ты... темпераментомъ, то-есть.

— Нѣтъ, я не холодная. Я не холодная. Я ужь кого люблю — ужь такъ люблю...

— Люблю! Дрянъ и есть. Намъ только о любви и говорить, пока насъ съ любовью-то въ рыло не съѣздили. Намъ не о любви, а чтобъ пожрать да сорвать, а коли что — такъ завьемъ горе веревочкой, самимъ наплевать!

— Какое же горе? — спросила Саша съ недоумѣлымъ видомъ и поглядѣла на собесѣдницу.

Та поглядѣла на нее. Такъ онѣ и разошлись, и не поняли другъ друга.

III.

Вечеромъ, въ девятомъ часу, къ Сашѣ пришелъ Александръ Михайловичъ, не одинъ.

Саша была дома и не собиралась выходить. Было сиверко, да и дни стояли праздничные: а въ праздники пьяныхъ много. Къ тому же къ Сашѣ третьяго дня пріѣзжалъ неожиданно красивый офицеръ, въ котораго она сразу влюбилась. Офицеръ намѣревался было сначала провести у Саши часъ-два, но потомъ она такъ ему понравилась, что онъ остался ночевать, говорилъ, что хоть очень ему ее рекомендовали — однако этого онъ не ожидалъ, оставилъ порядочно денегъ и общался опять пріѣхать.

Саша деньгамъ утромъ была рада, — у нея онѣ подходили къ концу, — а на общаніе снова пріѣхать, — промолчала; ей было весело и радостно отъ того, что было, и что оно вышло такъ хорошо и такъ отлично кончилось; а тому, что еще будетъ — она радоваться не умѣла: вѣдь она не знала, что будетъ.

Отъ воспоминаній объ офицерѣ теперь осталась въ Сашѣ лишь одна смутная золотая волна, которая уже незамѣтно претворялась въ такое же смутное, но несомнѣнное предчувствіе новой влюбленности, неизвѣстной. Предчувствіе еще даже не тревожное, а только нѣжное, — томное, тайное, скромное и стыдливое.

Старому пріятелю, Александру Михайловичу, Саша была попросту рада. И ему какъ-то однажды твердила она, замирая: «миленькій... охъ, миленькій ты мой! Батюшка ты мой бѣлый! Князь ты мой Серебряный! Потемкинъ ты мой... мой... Таврическій!»! (Саша любила почитать романы, особенно изъ русской исторіи, гдѣ любовь чиста и военные храбры). Однако это все было такъ давно, что и самъ Александръ Михайловичъ едва-ли о томъ помнилъ. Заходилъ онѣ къ Сашѣ нерѣдко, Саша любила съ нимъ поговорить и считала «умнымъ».

Александръ Михайловичъ вошелъ, потирая съ мороза свои тонкія, удивительно красивыя руки

и щурясь. Онъ былъ въ заношенной и грязной студенческой тужуркѣ, пальто онъ снялъ тоже старое и холодное.

— Дома, Сашурка? И не собираешься? Ну ладно. Такъ принимай гостей. Я тебѣ земляка приволокъ. Вишь какой франтъ! Петербургскаго ничего еще не знаетъ. А ужъ коли смотрѣть Петербургъ — такъ розу нашу махровую, Сашу-баронессу — первое! Потому — игра природы, совершенство! Кто это сказалъ! Лѣсковъ, что-ли, чортъ его дери?

Александръ Михайловичъ былъ подъ хмелькомъ, но слегка.

Пилъ онъ вообще много, дико, — иногда пропадалъ изъ Петербурга по мѣсяцамъ, возвращался, угрюмо учился — и опять понемножку начиналъ пить. На какомъ курсѣ университета онъ былъ — онъ и самъ не всегда зналъ. Терялъ года изъ-за разныхъ мелкихъ исторій и пьянства, выходилъ, опять поступалъ, опять выходилъ. Онъ былъ изъ хорошей семьи, издалека, но родныхъ давно забросилъ. Кое-какія деньги они ему изрѣдка присылали. Зарабатывать онъ почти ничего не могъ.

— А мы съ угощеніемъ нынче, — продолжалъ Александръ Михайловичъ. — Гдѣ корзина? Давай, тащи, помогай, Ниль!

— Ужъ это напрасно, право, — сказала Са-

ша, съ неудовольствіемъ поглядѣвъ на корзину пива. — Ну что хорошаго? Вы, вонъ, и такъ ужъ подъ шафе. И молодому человѣку нѣтъ никакой особой пріятности въ пьянствѣ! Развѣ легонькаго принесли бы, да у меня ромъ былъ къ чаю.

И Саша быстро, изъ подъ рѣсницъ, посмотрѣла на Нила. Александръ Михайловичъ захохоталъ.

— А, ну тебя съ чаемъ! Знаю, что нѣжненькая, питій этихъ, да «безобразіевъ» не любишь... Тебѣ не требуется... Ну, а къ нашему рылу и пиво за душу мило! Отъ ромца-то я отвыкъ по скудости средствъ, а Нилъ, небось, и не привыкъ! Да куда ни шло, давай и ромъ, коли есть, только чаю не надо.

Онъ опять захохоталъ. Ужасно къ его лицу не шель смѣхъ. Лицо было худое, больное и печальное. Лѣвый глазъ изрѣдка дергался нервнымъ тикомъ. Жидкая рыжеватая борода. И все-таки лицо было красивое и породистое.

— Какіе вы, право, сегодня нехорошіе! — укоризненно сказала Саша, однако, полѣзла въ шкафчикъ за ромомъ, пока гости устраивались у стола, подлѣ окна, и Александръ Михайловичъ вынималъ бутылки изъ корзины.

У Саши въ комнатѣ все было чистенько и аккуратно. Комодъ застланъ вязаной салфеткой, въ углу у окна покрытая машина. На стѣнѣ двѣ фо-

тографіи — самой Саши; чужихъ фотографій Саша не любила и не хранила. Давали — теряла. На первомъ портретѣ Саша была снята дѣвочкой, съ круглымъ прекруглымъ личикомъ и ребячески-искренними глазами; на второмъ — совершенно такая же Саша, съ такимъ же круглымъ личикомъ и дѣтски-искренними глазами, только въ большой шляпкѣ и со взбитыми волосами. Это былъ теперешній портретъ, но разницы съ дѣтскимъ только и оказывалось, что шляпка да волосы. Поближе къ углу, къ иконамъ, висѣлъ третій портретъ — но уже не Саши, а самого извѣстнаго въ Россіи батюшки, отца І., и онъ тоже смотрѣлъ со стѣны искренними, дѣтски-невинными глазами.

Кровать въ противоположномъ углу была скрыта розовой чистой занавѣсочкой. Кровать у Саши была отличная, узорная, отъ Саннъ-Галли: ей разъ подарили, и она ее полюбила: хотѣла какъ-то продать, да пожалѣла.

— Дайте хоть скатертку постелю, — сказала Саша и, быстро отставивъ лампу на комодъ, постелила скатерть.

— Все же приличіе. Вотъ вамъ и стаканы. Только, право, Александръ Михайловичъ, вы бы не очень... И что молодой человѣкъ скажутъ...

И она снова, тѣмъ же быстрымъ взоромъ изъ

подъ рѣсницъ, взглянула на «молодого чѣловѣка», который еще не раскрылъ рта.

— Нилъ что скажетъ? А что я захочу, то и скажетъ. Не я его, а онъ меня боится. Я, Сашенька милая, его шапронъ, онъ мнѣ довѣрился — понимаете? Ибо я опытенъ, а онъ неопытенъ, я его веду, и ужъ я его не обману. Этотъ юноша, надо вамъ сказать, мой землякъ; ну какъ онъ, однако, разыскалъ меня — уму непостижимо! Вращаемся мы, можно сказать, въ различныхъ кругахъ общества...

— Я справлялся, — произнесъ вдругъ Нилъ неожиданно густымъ басомъ и очень покраснѣлъ.

— Видите, искалъ, справлялся... Тамъ это землячество очень цѣнятъ. Искалъ и нашелъ. Трогательно. Ну какъ не принять участія? Принялъ. Вижу, юноша одинокій, славный... Славненькій, вѣдь, Саша, а?

— Они красивые... — сказала Саша и застыдилась.

— Ага, понравился! Я такъ и зналъ. Нынче на праздникахъ договорились мы съ нимъ до дѣла... Да что, говорить, да у насъ, говорить... Да и я самъ, говорить... Чѣмъ я не какъ всѣ, говорить... Гляжу на него — косая сажень въ плечахъ, ядренъ да свѣжъ... яблочко наливное. На щеки-то посмотри... Я и думаю — что, въ самомъ дѣлѣ? А самъ — ребѣночекъ, ему еще тюрлю-мюрлю на-

до... Коли что — испугаешь пожалуй! Тутъ меня и оѣбило — повезу къ Сашкѣ! Вотъ гдѣ таится погибель его! Кто это сказалъ, дери его чортъ?

— Пушкинъ Александръ. «Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ», — проговорилъ юноша и снова умолкъ. Краснѣть сильнѣе онъ не могъ.

Саша отлила пива изъ его стакана въ свой.

— Ужъ и я съ вами выпью.

— Те-те-те! — замѣтивъ ея маневръ, крикнулъ Александръ Михайловичъ и долилъ изъ новой бутылки стаканъ Нила. — Пить пей, да другихъ не обижай. Ты, Нилъ, ее не слушай. Тяни пивцо, еще веселѣй станетъ. Она, Сашка, заминдальничаетъ — такъ и переминдалить, дорого не возьметъ. Да она у насъ единственная. Въ ней, знаешь, всѣхъ загадокъ разрѣшенъе и разрѣшенъе всѣхъ цѣпей! Кой дьяволъ это сказалъ?

Но ни Саша, ни самъ Нилъ не знали. Александръ Михайловичъ продолжалъ, откупоривая, съ усиліемъ, тонкими пальцами четвертую бутылку:

— Ты что, Сашка, думаешь: онъ университетантъ?

— Нѣтъ, я вижу... У нихъ воротникъ не синій... То-есть синій, да темный, бархатный. Не университетскій мундиръ. Я тѣ знаю. И молоды они очень.

Она долго, какъ бы разсматривая, поглядѣла на Нила.

— То-то знаешь. А духовный университетъ знаешь? Слыхала? Это, братъ, вкусомъ потоньше. Да этого ты не расчухаешь, говори тебѣ не говори. Ты лучше на свѣжестъ то обрати вниманіе — прямо съ вѣточки. Съ волжскаго приволья. Отъ него еще рыбкой да тинкой пахнетъ. Ты его у меня не забижай. Да, ты... ты его въ лучшемъ видѣ «какъ всѣ» сдѣлаешь! Къ тебѣ везъ. Одно только... Эхъ, Сашка ты, баронесса ты! Жалко мнѣ мальчика.

Это было весьма неожиданно, и Саша недовольно пожала плечами, тѣмъ болѣе, что Александръ Михайловичъ видимо хмелѣлъ.

Нилъ сидѣлъ неподвижно, большой, широкій, съ тугими четырехугольными плечами. Красныя щеки, не покрытыя даже пухомъ, были крѣпки, каріе глаза на выкатѣ, масляные, невинные, восхищенные, глядѣли застѣнчиво и радостно. Саша сидѣла съ нимъ рядомъ, облокотившись на столъ, и, уже почти не отрывая взора смотрѣла на студента.

— Что-жъ вы? Кушайте, понемногу ничего. Я, вотъ, отопью отъ васъ, а то Александръ Михайловичъ все подливаютъ. Вы на нихъ не смотрите. Что за примѣръ? Они завсегда хмельные...

Александръ Михайловичъ услышалъ послѣднія слова; и внезапно, и мгновенно разъярился.

— Не смотрѣть? Не примѣръ? Вонъ оно куда пошло! Нилъ, ты у меня не забывайся. Отвѣчай: нравится она тебѣ?

Нилъ молчалъ.

— Да говори мнѣ, дубина, коли спрашиваю! Нравится?

— Что-жъ, скажите, — одобрительно и горячо шепнула Саша.

— Я скажу. Напрасно вы думаете, Александръ Михайловичъ... Я и говорю. Мнѣ онѣ въ крайней степени нравятся. Я чрезвычайно цѣню ваше заботливое вниманіе ко мнѣ, Александръ Михайловичъ, принимая во вниманіе, что...

Тутъ Нилъ немного спутался, непривычно разгоряченный и отуманенный, однако справился и закончилъ:

— И я совершенно увѣренъ, Александръ Михайловичъ, что онѣ не имѣли никакѣйшаго желанія васъ обидѣть, указывая на васъ, какъ на примѣръ, которому я не долженъ слѣдовать.

Александръ Михайловичъ зло усмѣхнулся.

— Нравится! Понравилась! Ну еще бы! Тюрю-мюрю и сантиментъ! Баронесса! Тебя, Сашка, и спрашивать нечего. Вижу, угодилъ. Вся разошлась, какъ пареная. У тебя, какъ у кошки, лицо короткое. И глаза такіе-же. Понравился

Нилка! Да... А вотъ возьму и увезу его. Только ты его и видѣла.

Саша вскинула глазами.

— Это почему-же? Что вы самодурничаете-то?

— Испугалась. Вцѣпись, вцѣпись въ меня! А все-таки увезу. Дуракъ я и скоть былъ, что привезъ. Почти что трезвый привезъ, а теперь вотъ вышилъ, такъ и вижу. У меня у пьянаго мысль свѣжѣе.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! мерси! — сказала Саша не безъ раздраженія. — Увезете — куда повезете?

— А куда надо! Гдѣ мнѣ его не жалко будетъ, вотъ куда! Къ Глафирѣ-Дырявой повезу, къ Людмилѣ-Черной...

— Къ хабалкамъ-то этимъ пьянымъ, къ дрянямъ-то! — воскликнула Саша и даже поднялась со стула. Она была возмущена, оскорблена и въ голосъ у нея задрожали слезы.

Александръ Михайловичъ взглянулъ на нее пьяными, холодными глазами.

— Къ дрянямъ? Вѣрно; дрянъ. А все почище тебя. Потому что самая-то послѣдняя дрянъ—ты.

Саша было онѣмѣла отъ гнѣва. Она привыкла слышать брань, но тутъ ее ругали ни за что, непонятно за что, и — Александръ Михайловичъ, который былъ къ ней даже почтителенъ по-своему; и еще ругали въ присутствіи любимаго че-

ловѣка, съ угрозой отнять его. Она вся вскипѣла было, — но только на мгновенье: природная робость и нѣжность побѣдили, и она сказала:

— Богъ вамъ судья, Александръ Михайловичъ. За что стали обижать? Я васъ не трогала. Хмельны вы, вотъ и ругаетесь зря.

И повернулась къ Нилу, сѣла опять, и, въ первый разъ обнявъ его, несмѣло, осторожно, точно влюбленная дѣвушка, прибавила тихонько:

— Вы не слушайте его, миленькій, право... Ну что они городятъ? Это пиво это поганое въ нихъ говорить. А вы не слушайте. За то я и ненавижу это пьянство. И не ѣздите нынче къ кому тамъ... Онѣ такому молодому человѣку не годятся. Дебоши одни грязные. А у меня ужъ такъ: ужъ кого я люблю, миленькій, такъ ужъ такъ люблю, такъ люблю... Ужъ я вся тутъ.

Александръ Михайловичъ какъ будто успокоился, прослушалъ Сашу, криво усмѣхаясь, и сказалъ:

— Что-жъ, пой птичка... А все-таки мнѣ рта не заткнешь. Ты, душа моя, самая величайшая дрянь, — и хуже ты Людмилки-Черной, и меня хуже, и всякой послѣдней халды и пропойцы... Потому что и онѣ, и всѣ мы — люди, а ты — тварь. А зачѣмъ тварь въ человѣческомъ образѣ? Это дрянь, когда она въ человѣческомъ образѣ. Этого почти терпѣть нельзя.

Нилъ, между тѣмъ, осмѣлѣвъ отъ непривычнаго пива и уже совсѣмъ непривычной близости, сжалъ Сашу въ объятіяхъ, но не соразмѣрилъ силъ и сжалъ слишкомъ крѣпко. Саша невольно и блаженно охнула. Но какъ сквозь облако она все-таки слышала слова Александра Михайловича. Они теперь совсѣмъ не сердили ее, только были непонятны. А Нила онъ ужъ не увезетъ! И она даже заинтересовалась:

— Чего это такъ ругаетесь? Довольно глупо. Я — тварь, а тѣ не твари? Что онѣ винище жрутъ, да скандалятъ, а я съ вами безобразничать не хочу, за то я тварь?

— Совершенно вѣрно, — почти спокойно подтвердилъ Александръ Михайловичъ. — То ты и не пьешь, что ты тварь. Гдѣ-жъ ты видѣла, чтобъ животныя пьянствовали? — Онъ усмѣхнулся своей плоской шуткѣ. Саша искренно захохотала.

— Вотъ такъ ловко! Вотъ такъ вывелъ съ пьяныхъ глазъ! Помолчите ужъ!

Но Александръ Михайловичъ сказалъ:

— Нѣтъ, это что; но ты не воображай, я серьезно. И ты послушай, Нилъ, коли еще не совсѣмъ вспотѣлъ. Я говорю — звѣри не пьютъ, они такъ, трезвые... И она не пьетъ, а такъ. Звѣрямъ не нужно въ себѣ ничего раньше убить, отшибить, — а намъ, людямъ, нужно. Нужно человека сначала заморить, обезнамятить, а какъ звѣрь

одинъ останется, — ну тогда можно. Тогда лѣзь, развратничай... тогда еще ничего. Саша опять обидѣлась.

— Это вотъ другіе развратничаютъ... Меня не приравнивайте. Слава Богу, еще понимаю, о чемъ говорю. Да чтобы я, да безъ любви... Ужъ если я люблю, ужъ такъ люблю...

— И звѣри, душенька, никогда безъ любви... Что имъ? Люблю — и лѣзу; не люблю — не лѣзу. Очень просто. Къ другимъ тебя не приравнивать? А что жъ ты, какъ любишь? Какая твоя такая особенная любовь? Кончается-то чѣмъ? Такъ же вы... Вотъ тебѣ и вся любовь. «Миленькій», да «миленькій» приговариваешь? Это чья-то ошибка, что тебѣ даръ слова данъ. Не нужно тебѣ этого. Поѣдемъ, Ниль! — кончилъ онъ вдругъ неожиданно и ударилъ рукой по столу. — Мерзись съ человѣкомъ лучше, да не со звѣрихой. Ъдешь?

Ниль молчалъ.

— Нну... поѣдешь. А я пока пива еще...

Онъ налилъ, немного плеская, стаканъ.

— Не слушаете? А вы послушайте. Ниль, пусть я пьянъ, но я знаю, что я пьянъ, мерзокъ, грязь во мнѣ... И топчу да тискаю въ себѣ человѣка... И всѣ эти Людмилки да Глафирки пьютъ да тискаютъ, а человѣкъ въ нихъ все-таки полуживой стонетъ, онѣ и мучаются сквозь утварь, и знаютъ, что онѣ убили человѣка, и что твари... А посмотри на нее: она ничего не зна-

еть, какъ звѣрь про себя не знаетъ, что онъ звѣрь. Говорю! И утверждаю! — онъ опять ударилъ кулакомъ по столу. — Утверждаю: звѣрямъ свойственно... не насильничаютъ они себя, и благо! А человѣку несвойственно! То и шарашить онъ себя, — и все-таки мучится, потому что тошнить его отъ звѣрства! Да, несвойственно!

Ниль одурманенный все-таки опомнился отъ этого крика и пролепеталъ, какъ бы извиняясь:

— Что вы, Александръ Михайловичъ... Это вѣдь, такъ сказать, законъ природы...

— Законъ?! Природы?! — заоралъ Александръ Михайловичъ. — Онъ нетвердо поднялся со стула. Печальное, желтое, слегка подергивающееся лицо его было даже страшно. Впрочемъ ни Саша, ни юный Ниль этого не замѣтили. — Законъ природы! Много ты знаешь, щенокъ, о законахъ природы! Мы, что ли, ихъ выдумали, чтобы ихъ на вѣчныя времена записывать! Вонъ кто-то сказалъ — чортъ его подери — что въ допотопныя времена люди жвачку жевали и отрывали. Всѣ слѣды остались въ кишкахъ. Не законъ природы это былъ? Законъ, и теперь законъ для барановъ, а ну-ка ты отрagni? Не хочешь, небось! А тутъ не жвачка, дьяволъ ее возьми — тутъ все человѣчество плачетъ да стонетъ отъ тошноты и пакости, и все

равно, каждый ли день съ разной, или десять лѣтъ съ одной — это ужъ, братъ, коль въ корень смотрѣть — все равно! Тутъ другъ друга мерзимъ да топчемъ, и сами про то знаемъ, потому что насквозь это чувствуемъ, тѣломъ самымъ человѣческимъ чувствуемъ, не душой одной, тѣломъ — слышишь? Оттого и дурманимъ его чѣмъ ни попадя... Безъ дурмана, безъ полубезпамятства, безъ человѣкоубійства — знаешь? — никто теперь не соединится эдакъ ни съ какой женщиной, потому что не можетъ... Несвойственно ему, — не нормально это ему больше, слышишь? Такому, какъ онъ есть... Ну и убиваютъ человѣка... А больно убивать, Ниль... Все оживаетъ, никакъ не добьешь...

Онъ грузно опустился на стулъ.

— Ей ничего не больно... — онъ указаль головой на Сашу. — Ей... нормально... Она — тварь... Я ее не осуждаю... Только зачѣмъ она въ образѣ человѣческомъ? Съ людьми зачѣмъ?..

Саша оторвалась отъ Нила.

— Вы бы пошли уснуть, Александръ Михайловичъ... Право. Я скажу, васъ проводить... Подите, голубчикъ мой...

— Спать? Да ты думаешь, я пьянъ? Дура! И я дуракъ, что говорилъ съ тобой. Я еще покажу, какъ я пьянъ. Эй, Ниль! Одѣвайся! Ыдемъ! Я тебя свезу... будешь какъ всѣ... Законъ при-

роды... Дурманься, мучайся, грязь хлебай, вой, пой, ори, скандаль,—и мучайся, а не вѣрь твари, что ты тварь... Ишь ты, чинно, благородно, съ любовью... Любовь! До сихъ поръ про это—«любовь» говорятъ! Ыдемъ. Нѣтъ хуже грѣха — чловѣкъ со звѣрихой!

Шатаясь, Александръ Михайловичъ подошелъ къ двери, нашель свое пальто на сундукѣ и напялилъ его.

— Ну? Ниль! Тебѣ говорю!?

Но Ниль, видя, что Александръ Михайловичъ совсѣмъ пьянъ, осмѣлѣлъ окончательно.

— Нѣтъ ужъ, Александръ Михайловичъ, извините, я съ вами не поѣду. Поѣзжайте вы домой и засните, пожалуйста. Вы дѣйствительно выпили. Это, дѣйствительно, безобразіе нѣкоторое.

Александръ Михайловичъ остановился, держась рукой за дверной косякъ.

— Такъ не поѣдешь со мной? — спросилъ онъ вдругъ упавшимъ голосомъ. — Останешься?

— Останется, останется, — сказала Саша поспѣшно. — Идите, Богъ съ вами.

Александръ Михайловичъ постоялъ еще, посмотрѣлъ.

— Останешься? — повторилъ онъ печально и растерянно. — Ну... останешься. Ну... все равно. Простите меня.

И вышелъ. Саша у дверей послушала, вышелъ-ли онъ на лѣстницу, и потомъ вернулась къ студенту.

— Богъ съ нимъ, хмельной человѣкъ, — говорила она однимъ поспѣшнымъ вздохомъ и тотчасъ же, вся горячая, нѣжная, съ посвѣтлѣвшими глазами, безмысленно-прозрачными, склонилась и прижала губы къ губамъ Нила. Это были его первые поцѣлуи. Они были долгіе-долгіе, и между ними, отрывая на мгновенье уста, Саша шептала съ блаженнымъ нетерпѣніемъ:

— Миленькій... охъ, миленькій... охъ, миленькій ты мой...

СВЯТАЯ ПЛОТЬ.

I.

Въ чистый понедѣльникъ, ночью, купецъ Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ вернулся въ свой городъ изъ Москвы. Онъ думалъ попасть домой въ Масляной, да не успѣлъ, и, какъ ни противень былъ ему московскій масляничный шумъ и суета — онъ себя превозмогъ, остался, кого нужно повидать — повидаль, справился хорошо и теперь ѣхалъ довольный. Впрочемъ, довольство его ничѣмъ не выражалось: глаза, какъ всегда, были строги, брови слегка сдвинуты. Онъ одѣвался по-русски, безъ щегольства, но и безъ всякой неряшливости: высокіе сапоги, теплый картузь. Его худощавое, темное лицо, обрамленное длинной бородой стального цвѣта, было похоже на ликъ стараго письма.

Родіонъ Яковлевичъ вышелъ изъ вагона съ ручнымъ саквояжемъ (багажа онъ не возилъ), миновалъ холодныя желтыя залы вокзала, громаднаго, еле освѣщеннаго, грязнаго, похожаго на всѣ вокзалы губернскихъ городовъ, и, толкнувъ тяжелую дверь, вышелъ на крыльцо.

Вокзалъ былъ далеко отъ города, версты

четыре по полю. У ступенекъ крыльца стояло нѣсколько широкихъ извозчичьихъ саней.

— Пожалуйте, Родіонъ Яковлевичъ! Съ приѣздомъ васъ! — крикнулъ Оедька. — Ивана нѣтъ понче. Давно васъ дожидались, еще на Масляной. Пожалуйте, духомъ доведу.

Глѣбовъ молча усѣлся въ сани и запахнулъ медвѣжьей шубу. Стояли морозы, послѣдніе, но крѣпкіе, звонкіе. Полозья такъ и визжали по маслянистой дорогѣ. Съ яснаго, широкаго, синечернаго неба свѣтилъ мѣсяцъ, маленькій, немного на ущербѣ, но пронзительно-яркій отъ мороза.

Свѣжія Оедькины лошади бѣжали бодро по голубой равнинѣ. Кое-гдѣ въ снѣгу мелькали темные домики. Оедька-извозчикъ то и дѣло оборачивался къ Родіону Яковлевичу и заговаривалъ, не смущаясь тѣмъ, что купецъ отвѣчалъ ему рѣдко.

— Какъ дѣла изволили справить, Родіонъ Яковлевичъ? Все ли въ добромъ здоровьѣ?

— Слава Богу.

— Ну подай Господь. А я позавчерашняго дня Николая Семеновича на станцію возилъ.

— Сурина?

— Точно такъ. Въ Казань отѣхали. Спрашивали, когда ваша милость изъ Москвы будутъ. Миѣ Евлампія Ниловна, Дунина госпожа, гово-

рили, что каждый день ждуть, ну я такъ и сказалъ, что каждый, моль, день ждуть.

— А ей-то откуда знать? — сурово вымолвилъ Глѣбовъ.

— Черезъ Серафиму Родіоновну, не иначе. Изволили *писать Серафимъ Родіоновнѣ? А барыню Дунину я тогда съ рынка везъ.

Глѣбовъ ничего не отвѣчалъ. Старшей дочери, Серафимѣ, онъ не писалъ. Она и такъ должна ждать его каждый день. Свѣтать начнетъ, утро недалеко, Серафима знаетъ, когда поѣздъ приходитъ и, вѣрно, встала, ждетъ съ самоваромъ.

— Лиза что? — подумалъ вдругъ Глѣбовъ и плотнѣе запахнулъ шубу.

Утро было, точно, недалеко — но еще не свѣтало. Только мѣсяцъ все выше забирался на пустынное небо, дѣлался меньше и ярче, и отъ его свѣта голубая, тихая равнина казалась еще тише. Въѣхали въ городъ — и ничто не перемѣнилось, тотъ же просторъ, та же тишина: широкая-широкая, сине-бѣлая улица, и кажется она еще шире, потому что прямая, и потому что тянутся по сторонамъ низенькіе домики въ одинъ этажъ; снѣжныя кровли сливаются со снѣжной улицей, окна потухшія, только кое-гдѣ стекло сверкнетъ мертвымъ мѣсячнымъ свѣтомъ. Нѣтъ проѣзжихъ, и собаки не лаютъ, глухая ночь, глухой городъ, глухіе дома, и люди въ нихъ глухіе,

потому что спать. Снѣжное море кругомъ молчить, со своими неподвижными бѣлыми волнами.

Өедька свернулъ лошадей влѣво, въ переулокъ. На поворотѣ открылись и слабо замерцали вдали золоченыя главы кремлевскаго собора. Родіонъ Яковлевичъ глянулъ и три раза, не торопясь, перекрестился. Въ ту же минуту гдѣ-то зашѣлъ пѣтухъ. Ему отвѣтилъ другой, дальше, потомъ еще и еще, совсѣмъ далеко, чуть слышно.

— Третьи никакъ, — сказалъ замолкшій было Өедька. — Заря занимается. Пожалуйте, ваше степенство, пріѣхали!

Домъ у купца Глѣбова былъ хорошій, деревянный, старый и крѣпкій, съ широкимъ, помѣстительнымъ мезониномъ. Его весь занимала семья одного судейскаго барина. Самъ Родіонъ Яковлевичъ съ дочерьми жилъ въ двухъ комнатахъ, внизу, почти что въ подвалѣ, ходъ былъ въ ворота, черезъ дворъ. Изъ переулка дома и не видно, онъ стоялъ на улицу.

Калитку скоро отворили. Родіонъ Яковлевичъ, поскрипывая сапогами, пошелъ къ дому. Внизу, въ широкомъ, низкомъ окнѣ у самой земли, тускло краснѣлъ огонь. Серафима ждала отца.

Глѣбовъ прошелъ черезъ темныя сѣни, гдѣ визгнулъ блокъ, и отворилъ дверь въ первую горницу. Удушливое тепло его охватило. Серафима Родіоновна приняла саквояжъ, шапку и шубу.

Направо, въ углу, низко, стоялъ кіотъ съ образами и теплилась красноватая лампада. Родіонъ Яковлевичъ молча помолился, медленно кланяясь, и обернулся къ дочери.

— Ну, здравствуй теперь.

Она поцѣловала его руку, онъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Живешь? Что Лиза?

— Слава Богу, папаша. Вы какъ съѣздили? Здоровы ли?

— Ничего. Задержался маленько, да ничего, все ладно. Самоваръ-то есть у тебя?

— Самоваръ готовъ, — сказала Серафима и неслышно вышла. У нея былъ тихій голосъ и тихія движенія.

Въ этой же горницѣ, низкой, неглубокой, Родіонъ Яковлевичъ и спалъ. У дверей выдавалась бѣлая печка; между печкой и стѣной въ другую комнату, въ углу, стояла кровать Родіона Яковлевича, за синей ситцевой занавѣской. Между двумя широкими, точно сплюсненными окнами, былъ раскинутъ столъ, накрытый свѣжей, сѣрой скатертью съ красными коймами. Въ простѣнкѣ горѣла жестяная лампочка. На высокомъ подоконникѣ лежали большіе, видно тяжелые, желтые счеты. Громадные, низко висящіе часы, съ розанами на посѣрѣвшемъ циферблатѣ, показывали теперь безъ двадцати пять.

Родіонъ Яковлевичъ сѣлъ къ столу. Вошла Серафима, вынула изъ стекляннаго шкафика чайный приборъ и початой домашній хлѣбъ. Закутанная Дарья внесла большой, шипящій самоваръ. Серафима, все такъ же неслышно двигаясь, заварила чай и сѣла поодаль: ея совсѣмъ стало не видно за высокимъ самоваромъ.

Родіонъ Яковлевичъ помолчалъ. Потомъ спросилъ дочь:

— Заходилъ кто?

— Знали, папаша, что вы въ отъѣздѣ... Кому заходить? Евлампія Ниловна была.

Онъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Ну, эта еще... Бабы шлепотки. Небось косила, косила языкомъ. А ты? Была гдѣ?

— На ефимонахъ была, у Сергія...

— На ефимонахъ! Въ гости, спрашиваю, куда ходила?

Серафима отвѣтила не вдругъ. Какъ будто чуть замѣтная розовая тѣнь легла на ея немолодое, блѣдное лицо. Заговорила она такъ же тихо, но торопливѣе:

— Я, папаша, тоже одинъ разъ у Евлампіи Ниловны была. Въ аптеку передъ вечеромъ пошла. Лизъ грудного чаю взять, а Евлампія Ниловна тамъ. Уговорила меня, я съ полчаса у нихъ посидѣла.

Отецъ опять глянулъ въ ея сторону изъ-подъ бровей, суровѣе.

— А Лизу на кого покидала?

— Дарья съ ней оставалась... — еще тише отвѣтила Серафима и протянула отцу большую фарфоровую чашку съ чаемъ.

Родионъ Яковлевичъ чашку принялъ, поставилъ передъ собой, помолчалъ.

— А что Лиза, нездорова, что-ль была? — спросилъ онъ хмуро.

— Нѣтъ, такъ, закашляла, да прошло.

— Спитъ?

— Спитъ покойно.

— Тамъ свѣтъ у тебя есть?

— Лампада горитъ.

Родионъ Яковлевичъ медленно поднялся изъ-за стола.

— Взгляну, не видалъ еще, — сказалъ онъ и, осторожно ступая, пошелъ къ притворенной двери. Серафима встала за нимъ.

Другая горница была побольше первой и оттого казалась еще ниже. Темный блескъ лампадки едва освѣщалъ ее. Два окна выходили на дворъ, а два — по другой стѣнѣ — въ садикъ, и снѣгъ совсѣмъ завалилъ ихъ. На широкой двухспальной постели, почти подъ лампадными лучами, спала, разметавшись, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, крупная, полная, удивительно красивая.

Недлинные коричневые локоны мягко вились у лба и нѣжныхъ ушей и падали слабыми кольцами на подушку. На щекахъ розовыми пятнами стоялъ румянецъ. Тонкія разлетающіяся брови давали не то испуганное, не то невинно-лукавое выраженіе ея лицу съ темной тѣнью сомкнутыхъ рѣсницъ. Губы были полуоткрыты, какъ у спящихъ дѣтей. Родіонъ Яковлевичъ постоялъ молча, очень тихо. Лицо его стало яснѣе, морщины сползли со лба.

Лиза пошевелинулась и чуть-чуть застонала.

— Разбудите! — шепнула Серафима.

Глѣбовъ встрепенулся и трижды, широко, перекрестилъ дѣвочку.

— Христось съ тобою! Спи съ Богомъ!

И, опять такъ же осторожно ступая, вернулся въ первую горницу, къ чайному столу.

II.

Родіонъ Яковлевичъ Глѣбовъ былъ одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ купцовъ въ городѣ. Дѣла онъ велъ большія, но тихо, такъ что никто въ точности о его состояніи ничего не зналъ. Онъ торговалъ мукою оптомъ, склады его были въ пригородѣ, за рѣкою. Приказчика настоящаго имѣлъ только одного, который тамъ же

въ пригородѣ и жилъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Глѣбова выбрали церковнымъ старостой за крупное пожертвованіе на новоотстроенную церковь Сергія въ его приходѣ. Всѣмъ была извѣстна строгая, смиренная жизнь Родіона Яковлевича и его благочестіе.

Серафима хорошо помнила свою мать: она умерла въ самый день рожденія Лизы, а Серафимъ шелъ въ то время четырнадцатый годъ. Мать была еще молодая, веселая, — но тихая, съ карими глазами. Волосы у нея вились кольцами, какъ у Лизы, только она прикрывала ихъ шелковымъ платочкомъ. Жили они тогда не внизу, а въ мезонинѣ, тамъ было свѣтло и просторно, четыре горницы. По угламъ стояли тяжелые кіоты, и теплились лампадки передъ праздниками, а у отца неугасимая.

Серафима знала, что отецъ былъ изъ семьи древняго благочестія. Разсказывали, что смолоду онъ считался первымъ начетчикомъ и чуть не тверже отца съ матерью ненавидѣлъ православную церковь и никоніанъ, — а семья его старого закона очень строго держалась. Двадцати лѣтъ онъ былъ свѣдущъ въ Писаніи, какъ не бываетъ иной и сорока, и не разъ велъ степенные споры съ пріѣзжими священниками. Что съ нимъ вдругъ подѣялось — никто не зналъ. Отвергъ старописныя книги, въ церковь пошелъ,

отцу и матери такъ прямо это и объявилъ. Когда спрашивали, кто его смутилъ — онъ отвѣчалъ одинаково: «никто не смутилъ, самъ своимъ разумомъ дошелъ, а противъ своего разума ничего не могу». Характеръ его знали: коли скажетъ, что своимъ разумомъ дошелъ, — такъ ужъ тутъ назадъ его не повернешь. Говорили, будто отецъ съ матерью проклинали его, въ немъ и въ дѣтяхъ его, но навѣрно никто этого не зналъ. Родіонъ Яковлевичъ сталъ жить одинъ, а вскорѣ старики умерли и, несмотря на проклятіе, домъ и капиталъ отказали сыну. Родіонъ Яковлевичъ опять поселился въ старомъ домѣ, дѣла расширилъ, и лѣтъ черезъ пять женился на небогатой сиротѣ, православной, которая вскорѣ родила ему дочь Серафиму, а черезъ тринадцать лѣтъ — Лизу, и въ родахъ умерла.

Родіонъ Яковлевичъ, суровый, молчаливый, съ самаго ранняго дѣтства внушалъ Серафимѣ ужасъ. Придетъ, бывало, домой, слова не скажетъ, за обѣдомъ бровей не раздвинетъ. Защелкнется за нимъ дверь — а мать ужъ шепчетъ Серафимѣ, шепчетъ, головой киваетъ и улыбается тихо:

— Ты, Фимочка, не бойся отца. Онъ добрый, ты не смотри, что онъ такой угрюмый, онъ добрый.

Фимочка все была съ матерью. Отдали ее было

по десятому году не то въ школу, не то въ пансіонъ, да скоро взяли. Довольно поучилась, а много дѣвущкѣ знать не годится.

— Что ты у меня какая блѣдная да боязливая, — говаривала мать Фимочкѣ. — Съ отцомъ слова никогда не скажешь. Онъ тебя не съѣстъ, онъ добрый, только у него характеръ такой, потому что онъ въ древнемъ благочестіи былъ.

Мать улыбается, но Фимочка все-таки боится, не понимаетъ и, наконецъ, робко спрашиваетъ:

— Мамашечка, а что это такое «древнее благочестіе»?

На этотъ вопросъ мать всегда отвѣчала все тѣмъ же пространнымъ рассказомъ, нараспѣвъ, какъ Родіонъ Яковлевичъ «дошелъ своимъ разумомъ», и какъ гнѣвались отецъ съ матерью, а ничего подѣлать не могли.

Но Фимочка все-таки не понимала, что такое «древнее благочестіе», и ей было еще страшнѣе.

Мать сидѣла у окна, въ своемъ шелковомъ платочкѣ на пышныхъ волосахъ, а дѣвочка около нея, на низкой скамейкѣ, и жалась къ ея колѣнямъ.

— Характеръ у тебя боязливый, — говорила мать. — А какое оно, древнее благочестіе-то, я не знаю, потому что мы изъ православныхъ. Слышала, что люди, что по старинѣ живутъ, все такіе степенные, да сумрачные. У нихъ строго.

Вотъ образа тоже. Нашъ образъ, возьми ты хоть Спасителя, али Богородицу съ Младенцемъ, — ликъ свѣтлый, волосы кудрявятся, ребеночекъ съ улыбкой написанъ, и глазокъ у него карій, радостный. А которые по старинѣ люди — тѣ этого не приѣмлютъ. У нихъ въ иконѣ чтобы тьма была, ликъ черный, только глаза бѣлые на тебя смотрятъ и ужасають, это точно. Я видала такія иконы, да и у насъ есть въ кіотѣ, не ихнія, а въ родѣ какъ бы ихнія, тоже старыя.

Фимочка думала о древнихъ иконахъ, ей вспоминалось лицо отца и снова дѣлалось страшно.

А мать продолжала:

— Родіонъ Яковлевичъ добрый. Онъ разумомъ дошелъ до нашей православной радости, а въ сердцѣ у него и во всемъ его характерѣ — старинная строгость, потому что кто въ чемъ выросъ и возмужалъ, — тотъ того не превозможетъ. Ну, оно и показывается, будто онъ суровый. Въ немъ крѣпость большая. Ты покоряйся ему только, дочка, слушай его во всемъ.

Серафима покорялась и слушалась, и все-таки боялась отца. Она вѣрила, что онъ дошелъ разумомъ до «православной радости», но ликъ у него все-таки былъ темный, и сердце въ немъ было старое.

Когда умерла мать, пришли священники, стали пѣть панихиду. Лицо у Родіона Яковлевича

сдѣлалось еще темнѣе, но онъ не плакалъ. Серафима плакала тихими, покорными слезами. Мать лежала на столѣ и печально улыбалась, вся бѣлая. Священники пѣли надъ ней, что она ужъ не будетъ больше ни печалиться, ни вздыхать, а Серафимъ припоминалось, какъ мать ей говорила:

— Ты, Серафимочка, не смотри, что я все сижу у окна, да вздыхаю иной разъ, будто печалюсь. Я тебѣ вотъ о радости моей говорю, а ты то понимай, что я и сама не знаю, радость ли она, или печаль. Мнѣ въ радости-то моя печаль и дорога. Вздохну я — и сладко мнѣ. Въ печали моей страха нѣтъ.

И Серафимъ было больно, что тамъ, куда ушла мама, у нея отнять ея радостную печаль.

Остались они одни. Перешли внизъ. Лизѣ кормилку наняли. Странная была дѣвочка, больная. Серафимъ отецъ сразу передалъ домашнее хозяйство, и такъ оно съ тѣхъ поръ и пошло. На ея рукахъ и Лиза была. Когда дѣвочка стала подрастать — увидали, что она совсѣмъ больная. Руки и ноги у нея дергало, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Говорить не научилась, ничего не понимала и не слышала, только дико мычала. Серафима къ ней привыкла, а другіе ея боялись, особенно, когда она стала ходить и расти. Отецъ звалъ докторовъ, сказали, что она глухонѣмая,

слабоумная, что у нея Виттова болѣзнь и сердце не крѣпкое. Два раза Серафима съ отцомъ и Лизой ѣздили на далекое богомолье, къ мощамъ и къ чудотворной иконѣ. Серафима ждала чуда, но Лиза не поправилась. Отецъ сталъ еще сумрачнѣе, но все чаще заходилъ въ горницу, когда Лиза спала — а спала она тихо, спокойно — и подолгу глядѣлъ на нее. Однажды сказалъ Серафимъ строго и постучалъ пальцемъ по столу:

— Смотри, береги сестру! Какъ мать, береги ее! Ты мнѣ за нее отвѣтъ дашь.

Лиза полюбила отца больше, чѣмъ Серафиму; когда онъ входилъ, бросалась къ нему, мычала, дергаясь. Онъ часто бралъ ее за руку, гладилъ по головѣ и смотрѣлъ подолгу ей въ лицо. Первый вопросъ его былъ, когда онъ возвращался изъ отлучки, о Лизѣ.

Серафима покорно ходила за Лизой, безъ возмущенія и безъ особой привязанности. Спала съ ней вмѣстѣ, кормила и одѣвала ее. У Лизы бывали припадки, она очень страдала, и тогда Серафима думала:

«Богъ приберетъ ее, — ей тамъ лучше будетъ. Жалко, мучается. Какая ужъ это жизнь!»

Лиза росла, выравнивалась, полнѣла и была очень красива, когда спала: она походила на мать. Годы шли незамѣтно, похожіе одинъ на другой. Блѣдное, длинное, тихое лицо Серафимы,

некрасивое, съ широкими свѣтлыми глазами и слегка оттянутымъ книзу ртомъ — дѣлалось еще блѣднѣе и тише. Серафима не скучала и не терзалась: жила, не замѣчая годовъ, смотрѣла за Лизой и за хозяйствомъ; читала «Ниву» и переводные романы; когда думала, то тихо и смутно вспоминала мать. Ходила въ церковь къ службамъ; отца боялась, но меньше, потому что слушалась его и знала, какъ ему угождать.

Такъ шла жизнь Серафимы до послѣдней зимы, когда ей минулъ двадцать девятый годъ.

III.

Дня черезъ два послѣ возвращенія Родіона Яковлевича, Серафима шла изъ церкви домой по деревяннымъ, мокрымъ мосткамъ своего переулка. Былъ часъ четвертый въ самомъ началѣ. Морозы оборвались сразу, пришла весна, безвѣтренная, неслышная, ласково и тихо, почти незаметно сѣдающая снѣга. Небо стояло неподвижно-ясное, голубое, будто умытое, все въ предвечернемъ золотѣ. Подъ снѣгомъ, въ канавкѣ, уже текли тонкіе ручейки, но тоже тихіе, безъ лепета. Нѣжный воздухъ былъ остръ и такъ легокъ, точно вовсе его не было.

Въ церкви, откуда шла Серафима, только что

кончилась служба покаянія. Медленно читали, медленно выходилъ священникъ въ темныхъ одеждахъ, говорилъ мучительную молитву и кланялся въ землю, и всѣ, за нимъ, на сырыхъ плитахъ недавно отстроенной церкви склонялись до земли. Все, все возьми отъ меня, Господи, молились люди, все, что вложено въ насъ Тобою, и дай силу уничтожить во мнѣ данное Тобою. И дай видѣть его яснѣе, чтобы лучше уничтожить. Духъ смиренія и воздержанія пошли мнѣ, Господи.

И такая сила была въ этихъ словахъ, что они были почти прельстительны.

Серафима не разсуждала. Она, какъ всегда въ посту, ходила въ церковь и говорила за священникомъ молитву покаянія, и грустила, и долго потомъ повторяла: «духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія...» И теперь она еще думала о молитвѣ, но ей не было грустно. Нѣжное небо, радостный воздухъ дали ей вдругъ испугавшую ее радость. Она даже подумала:

«Ой, что это я, грѣшница! Чего веселюсь?»

Но потомъ ей пришло въ голову, что какъ-никакъ — а постъ кончается Пасхой, значить оттого и въ посту радостно.

Навстрѣчу, по пустыннымъ мокрымъ мосткамъ, шелъ очень высокій молодой человѣкъ въ шубѣ. У него было бѣлое лицо, веселые, добрые,

совсѣмъ голубые глаза и широкая золотая борода. Не рыжая, а именно золотая, блѣдноватаго золота. Онъ поклонился Серафимѣ, улыбнулся, и глаза его стали еще добрѣе и веселѣе.

Серафима слегка ахнула и покраснѣла.

— Отъ Сергія, Серафима Родіоновна? Богу молились?

— Да... — сказала Серафима невнятно. — Я домой.

— Позвольте мнѣ проводить васъ. Вы говорили, — рецептикъ одинъ для Лизаветы Родіоновны нужно вамъ въ аптеку. Такъ я бы рецептъ принялъ, нынче къ вечеру было бы готово.

— Нѣтъ, что-жъ, — заговорила опять Серафима. — Это послѣ какъ-нибудь, Леонтій Ильичъ. Не къ спѣху. Очень благодарю васъ.

Они тихонько шли вмѣстѣ. Леонтій Ильичъ Дунинъ, сынъ Евлампіи Ниловны, провизоръ, казался еще стройнѣе, моложе и выше ростомъ рядомъ съ худенькой фигуркой Серафимы въ черномъ, нескладномъ платьѣ. Длинное, блѣдное лицо ея, впрочемъ, порозовѣло и все точно освѣтилось тихой радостью.

— Весна будетъ, — сказалъ Дунинъ. — Небеса-то какія высокія.

— А я вотъ изъ церкви шла, Леонтій Ильичъ, и думала: отчего это, грѣхъ какой, нѣтъ во мнѣ

печали, а веселость на душѣ? А это, вѣрно, погода очень ужъ свѣтлая.

— Свѣтлая погода. Хорошо.

Серафима торопливо прибавила:

— Да и постъ къ Свѣтлому празднику идетъ.

Леонтій Ильичъ поглядѣлъ на нее съ ласковымъ недоумѣніемъ. Они не очень давно были знакомы. Леонтій Ильичъ учился въ московской школѣ, пріѣхалъ въ городъ недавно. Серафима съ нимъ до сихъ поръ все больше молчала.

— А вы такая тихая и печальная, — сказалъ онъ ей. — Смотришь, смотришь на васъ — и такъ бы васъ, кажется, и развеселилъ, разговорилъ, обрадовалъ, чтобъ вы улыбнулись. Вотъ какъ сейчасъ.

Серафима улыбнулась и опять покраснѣла.

— Такъ что-жъ, развеселите, — сказала она. Сердце у нея тихо билось, и воздухъ еще ласковѣе приникалъ къ ея лицу.

— Какія мнѣ радости? — прибавила она вдругъ. — Вотъ и домой пришли.

Они, точно, стояли у калитки.

— Мамаша сегодня хотѣла быть у васъ, — сказалъ Леонтій Ильичъ. — Если зайдетъ, — вы ей рецептикъ-то отдайте. А вечеромъ лекарство будетъ готово. Я вечеромъ отлучиться рано не могу, а можетъ вы сами зайдете...

— Ужъ не знаю, какъ, — почти шопотомъ

проговорила Серафима и толкнула калитку. — Спасибо вамъ.

Она осмѣлѣла въ послѣднюю минуту и подняла на него глаза. Онъ стоялъ высокій, веселый, тоже немного робкій и глядѣлъ на нее, чуть улыбаясь своею доброю улыбкой. Серафима ему нравилась.

Когда калитка захлопнулась, и Серафима очутилась одна среди большого, снѣжнаго двора, ей показалось, что въ головѣ у нея нѣтъ ни одной мысли, что и не можетъ она ни о чемъ думать, и не хочетъ, а такъ только хочетъ стоять посреди двора и улыбаться.

Снѣгъ посинѣлъ, небеса поблѣднѣли, невидная весна была вездѣ, во всемъ, смиренно-мудрая и любовная; покорная душа Серафимы была полна ея таинственной и божеской радостью.

«Будетъ Христосъ Воскресъ», опять подумала Серафима, глядя на снѣга и небо и не умѣя инымъ оправдать своей радости. Небо и снѣгъ были чистые-чистые, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

Но въ эту минуту отъ рѣшетки палисадника, въ глубинѣ двора, отдѣлилась крупная фигура Лизы въ черномъ ватномъ салонѣ и въ платкѣ. Изъ салона она выросла, виднѣлись ноги въ широкихъ сѣрыхъ чулкахъ и грубыхъ башмакахъ.

Кривляясь и дергаясь, размахивая руками, дѣвочка подходила къ Серафимѣ. Лицо тоже дергалось, было грязно и даже не уродливо, а отвратительно. Серафима очнулась, поглядѣла на Лизу, и въ первый разъ она ей показалась страшной. Зачѣмъ она здѣсь, мычащая, заманная, гадкая,—когда повсюду такъ тихо и чисто? Но Серафима не сказала себѣ этого словами, только радость ея вдругъ исчезла, и она разсердилась.

— Кто тебя одну гулять выпустилъ? — проговорила она громко, хотя знала, что Лиза и не слышитъ ее, и не понимаетъ. — Домой, домой! — прибавила она привычными жестами, на пальцахъ, быстро показывая, что надо идти домой. Лиза было замычала, но Серафима взяла ее за руку и повела, не оглядываясь.

Родіона Яковлевича не было дома. Дарья объяснила, что она одѣла Лизу и пустила на дворъ, а сама на минутку отлучилась. Серафима угрюмо и сердито сняла съ кривляющейся и воющей Лизы салопъ, переобула, умыла ее. Лиза пошла ходить, шатаясь, по двумъ комнаткамъ и задѣвала, болтая длинными руками, то за притолку, то за гири часовъ. Смеркалось. Серафима сидѣла у стола молча, не зажигая лампы, а Лиза все ходила, неровно, стучала башмаками, дергалась и слегка подвывала, будто жаловалась.

Серафима знала, что въ такіе дни она долго не будетъ спать, что ее нужно вечеромъ мучительно укладывать, а она все станетъ подыматься съ постели, дергаться и мычать.

IV.

На другой день пришла Евлампія Ниловна Дунина, мать Леонтія Ильича, дама полная, бѣлобрысая. У нея были широкія, красныя, трясущіяся щеки и нехорошіе зубы. Ходила она не въ шляпкѣ, а въ бѣломъ шелковомъ платкѣ.

Чай давно отпили. Родіонъ Яковлевичъ былъ дома, сидѣлъ въ своемъ углу, за столомъ, насупившись, и молчалъ. Онъ не долюблялъ Евлампію Ниловну, но ужъ очень они давно были знакомы, старикъ Дунинъ знавалъ покойную жену Родіона Яковлевича. Теперь Дунинъ лѣтъ пять какъ былъ въ параличѣ, безъ ногъ. У Евлампіи Ниловны, кромѣ сына, росли три дѣвочки, лѣтъ восьми — десяти.

Евлампія Ниловна отъ чаю покраснѣла еще больше и распахнула шаль. Лиза чѣмъ-то занялась въ углу, слышно было ея ворчанье. Серафима сидѣла противъ отца, блѣдная и тихая, какъ всегда.

— Да, надо сказать правду, надо, — журча-

ла Евлампія Ниловна, — Леня одинъ наша надежда. Ужъ это я всѣмъ говорю и вамъ говорила, — да что-жъ, коли правда! Думали—совсѣмъ погибнемъ, какъ старикъ-то мой сѣлъ. Нюшѣ три года было. Ну, думаю, что-жъ, видно околѣвать. А тутъ Леня изъ Москвы пишетъ: потерпите, устрою васъ. И выслалъ кое-что, — вѣдь ухитрился! Я и рѣшила: какъ-нибудь перебьемся, потерпимъ. Знали вы нашу нужду, Родіонъ Яковлевичъ. Да вотъ Богъ послалъ. И какой онъ, Леня, счастливый у меня! Сейчасъ это пріѣхалъ, и сейчасъ ему мѣсто провизоромъ. И квартиру Карлъ Степанычъ далъ, потому что семья, отецъ больной. Ужъ такое-то подспорье эта квартира, такое-то подспорье... Не великое дѣло, конечно, двѣ комнаты...

— А куда ихъ больше? — угрюмо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ. — Двѣ комнаты и мы живемъ.

— Ваше дѣло другое, — мягко возразила гостя. — Вамъ не надо больше, вонъ весь домъ вашъ, да не надо вамъ. А у меня семья, больной, Леня человѣкъ взрослый... Тѣсно, тѣсно, говорить нечего, да спасибо, хоть съ голоду не подохнемъ. Такой ужъ сынъ у меня удался. Счастливый онъ у меня.

Родіонъ Яковлевичъ все хмурился. Лиза наткнулась на стулъ, повалила его, сама едва не

упала, испугалась и завывла. Серафима пошла къ ней. Гостыя закачала головой.

— Сокрушаетъ васъ Лизочка-то, — проговорила она почти сладко. — Кому какой крестъ посланъ.

Родиону Яковлевичу это совсѣмъ не понравилось. Онъ поднялся и крикнулъ на Серафиму:

— Ну, что тамъ? Чего она?

Серафима не сразу отвѣтила:

— Ничего, папаша. Только блажить у насъ Лиза со вторника. Спать не уложишь. Боль у ней, что ли, какая, или такъ, передъ припадками. Она совсѣмъ нѣтъ..

Угмонивъ Лизу, Серафима подошла къ отцу?

— Не взять ли ей тѣхъ капель, папаша? — спросила она тихонько.

— Какихъ еще?

— А помните, въ третьемъ годѣ, московскій докторъ прописалъ? Еще много давать не велѣлъ, мы понемногу давали, она спать стала. И припадки были тогда легче.

— Что-жъ, возьми. Записаны онѣ у тебя?

— Рецептъ есть. Евлампія Ниловна, можетъ, какъ домой пойдетъ — такъ захватить. Ихъ дѣлать еще надо. Къ вечеру Дарью пошлемъ.

— Давай, давай, милая, я захвачу, — съ готовностью согласилась Евлампія Ниловна. — Сразу его Ленѣ и отдамъ. Онъ у меня живъ... Да

что ты, Серафима Родіоновна, спѣсивишься, никогда меня, старуху, не навѣстишь? А вѣдь я тебя семилѣточкой видѣла, съ мамашей. Все я, да я хожу, а ты, словно графиня, дома сидишь.

— Миѣ нельзя, — тихонько промолвила Серафима и опустила глаза. — Я съ Лизой. Да и не привыкла я.

— Что тамъ не привыкла! Была, вѣдь, у меня. Ну и нынче заходи, за каплями-то.

— Какіе гости по вечерамъ, — сказалъ Родіонъ Яковлевичъ. — Пустое. Развѣ что за дѣломъ.

— За дѣломъ, за дѣломъ! — подхватила Евлампія Ниловна. — Она дѣвушка не вертушка. Приходи же; папаша, вонъ, позволилъ. А я, милые, пойду теперь. Что-то еще дома у меня! Прощайте, прощайте. Прощай, Лизочка. Не видать! Кудахчетъ, словно курочка...

Гостя ушла. Передъ вечеромъ, еще не совсемъ смерклось, Родіонъ Яковлевичъ сказалъ:

— Не забыть-бы капли-то.

— Я пошлю Дарью, папаша, — тихонько молвила Серафима.

Глѣбовъ помолчалъ.

— Дарью... А тамъ написано, какъ ихъ брать-то? Не перепутать бы чего. Сходи сама, пожалуй. Да спроси тамъ, поскольку и что.

Серафима вспыхнула въ сумеркахъ и по вне-

запной своей радости поняла, что ей очень хотѣлось идти. Но она не сказала ни слова, только встала, зажгла лампочку, повѣсила ее надъ столомъ, потомъ прошла въ другую комнату одѣться. Лиза сидѣла на скамеечкѣ со сверткомъ изъ тряпокъ, который былъ для нея не то куклой, не то вообще игрушкой. Серафима стала одѣваться, торопясь, хватая не то, что нужно, точно боясь, что отецъ передумаетъ и не отпустить ее. Когда она, готовая, вышла изъ спальни, Родіонъ Яковлевичъ сидѣлъ въ углу подъ лампой, проглядывалъ большую шнуровую книгу и щелкалъ желтыми деревянками счетовъ. Серафима подошла и поцѣловала у него руку. Отецъ едва поднялъ на нее глаза и молвилъ только:

— Скорѣй назадъ будь. Не засиживайся у этой... Она рада до полночи языкъ трепать.

V.

Аптека у нѣмца Карла Степаныча Ротъ была прекрасная, свѣтлая, на главной улицѣ города. За помѣщеніемъ аптеки, черезъ сѣни, — была квартирка провизора Леонтія Ильича Дунина съ семьей. Комнатки низкія, но довольно просторныя. Въ первой обѣдали, ужинали, больной

старикъ сидѣлъ въ креслѣ; за перегородкой спалъ Леонтій Ильичъ. Во второй спала вся семья.

Серафима сидѣла въ «залѣ» за столомъ, который стоялъ посреди комнаты, накрытый бѣлой скатертью, а надъ нимъ съ потолка висѣла лампа.

— Ты шляпку-то, шляпку сними, Фимочка,— убѣждала Евлампія Ниловна. — Что это, право, въ кои-то вѣки отпустять, и то не посидишь. Угостить-то хоть дай тебя чѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ ужъ, Евлампія Ниловна, мнѣ пора. Право, пора.

Серафима однако не вставала и все смотрѣла внизъ, на бѣлый кругъ скатерти, освѣщенный лампой.

Леонтій Ильичъ сидѣлъ тутъ же, чистенькій, красивый, милый, поблескивая добрыми синими глазами.

— Если бы не капельки, а порошки вамъ понадобились, Серафима Родіоновна, — говорилъ онъ, — такъ я бы вамъ славную коробочку выбралъ. У насъ есть очень красивыя. Прелестныя картинки. Да я и такъ вамъ присмотрю какую-нибудь, къ будущему разу. Пудры можно положить, мѣлу чистаго, или еще чего...

— Снаеибо вамъ, — почти шопотомъ благо-

дарила Серафима. — А теперь мнѣ, право, пора...

Евламція Ниловна съ видомъ сокрушенія покачала головой.

— Несчастная ты дѣвушка, погляжу я на тебя, Фима. Слава Богу, не маленькая, а отца боишься, воли себѣ нисколько не берешь. Что это, въ самомъ дѣлѣ, къ добрымъ людямъ въ гости пришла и сидишь, какъ на иголкахъ.

— Я за каплями, — сказала Серафима.

Больной старикъ Дунинъ, дремавшій въ креслѣ, застоналъ.

Евламція Ниловна вздохнула.

— Безпокоятъ его здѣсь. Ахъ, тѣснота, тѣснота у насъ! Дѣвочки мои къ теткѣ пошли, а то и повернуться негдѣ. Не свой братъ, бѣдность-то. Былъ и мой старикъ по торговой части, такъ же, скажемъ, какъ и Родіонъ Яковлевичъ. Да Родіонъ-то Яковлевичъ нынѣ первый у насъ купецъ по своей части, — только, вотъ, добра не на кого тратить, а моему другое опредѣленіе: сиди безъ ногъ, а семья съ голоду околѣвай...

— Что-жъ, мамаша, — робко вставилъ Леонтій Ильичъ, улыбаясь и поглаживая золотую бородку, — теперь что-жъ Бога гнѣвить. Теперь мы слава Богу...

— Слава Богу! Тобой однимъ и держимся.

Ты у меня счастливый. Да велико ли у тебя жалованье на такую семью? Велико ли?

Серафима краснѣла, точно ее заставляли слушать то, чего ей слушать не слѣдовало, наконецъ поднялась со стула, зажавъ крѣпко рукой въ черной фильдекосовой перчаткѣ сверточекъ съ каплями.

— Уходишь? Ахъ ты, сиротка бѣдная! Нечему ни приласкать тебя, ни повеселить! Другая бы дѣвушка развѣ такъ жила, особенно если у родителя состояніе? А ты и слова не скажешь, все съ этой убогой-то вашей возишься. Крестъ Родіону Яковлевичу посланъ, а онъ на тебя его положилъ. Сладко, что ли, дѣвушкѣ вѣкъ свой на убогой погубить? Сидѣлку бы нанять — чего лучше...

Серафима торопливо сказала, волнуясь:

— Я не жалуюсь, Евлампія Ниловна. Лиза такая послѣ мамы осталась. Кому-жъ ходить за ней, какъ не мнѣ? Она сама за собой не присмотритъ. А я не чужая.

— Да я ничего и не говорю. Такъ, пожалѣла тебя, что жизнь твоя не веселая. А развѣ Лизу-то не жаль? Каждый разъ смотрю и думаю: просто жалости достойно! Развѣ это человѣкъ? Безъ разума, безъ языка, вся больная. За чьи грѣхи она здѣсь на свѣтѣ мается? Прибралъ-бы ее Господь, успокоилъ бы и васъ, и ее.

— Божья воля, — такъ же торопливо промолвила Серафима. — Папаша очень къ Лизѣ привязаны.

— Привязанъ не привязанъ, однако отецъ первый долженъ радоваться, если ее Богъ проститъ. Конечно, все Его воля... Ну, прощай Фимочка. А ты о чемъ думаешь? — вдругъ обратилась она къ сыну. — Темно. Проводи барышню домой. Вѣдь свободенъ?

Леонтій Ильичъ стоялъ уже съ шапкой.

— Я и хотѣлъ, мамаша, просить позволенія у Серафимы Родіоновны проводить ихъ. Въ переулкахъ нынѣ фонарей не зажигаютъ.

Ночь была теплая, облачная, но свѣтлая, — за облаками стояла полная луна. Леонтій Ильичъ предложилъ Серафимѣ руку — она неловко оперлась на нее. Онъ былъ такой высокій, да она еще ни съ кѣмъ никогда и не ходила подъ руку. Доски тротуаровъ, обнаженные, пахли сыростью и весной. Воздухъ, теплый и, отъ облаковъ на небѣ, не острый, опять ласкался къ лицу Серафимы, только теперь онъ былъ весь душистый, не одна свѣжесть и чистота въ немъ были, а предчувственный ароматъ земли, которая должна родить травы, обнаженныхъ деревьевъ, которыя должны родить почки и листья. По сторонамъ глухого переулка тянулись заборы, за ними, при сѣромъ свѣтѣ заоблачной луны, видны

были эти, пока невинные, нагія деревья, съ черными, тонкими и уже совсѣмъ живыми вѣтвями.

— Такъ по двѣнадцати давать? — сказала Серафима дрожащимъ голосомъ.

Она говорила о капляхъ для Лизы. Ей хотѣлось сказать что-нибудь, и было все равно что; все — равно. хорошо и нужно.

— По двѣнадцати. А то и по десяти. А больше двѣнадцати никакъ не совѣтую, Серафима Родіоновна.

— Что-жь, развѣ ядовитыя?

— Яда нѣтъ, да вѣдь какъ для кого. Не знаю, предупреждалъ ли врачъ. Я по тому сужу, что вы говорили, — у Лизаветы Родіоновны сердце слабое. Тогда положительно больше двѣнадцати давать не слѣдуетъ. Мы съ вами, можетъ, цѣлый пузырекъ выпьемъ — и ничего, а Лизавета Родіоновна, при ея организмѣ, отъ двѣнадцати можетъ заснуть и не проснуться на утро. Я знаю, у насъ фармакологію строго проходили, и случаи намъ приводились. Врачъ васъ вѣрно предупреждалъ.

— Не помню... Да я мало давала. Ужасы какіе вы говорите. Можетъ, лучше вовсе не давать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Спать хорошо станетъ. И не ядъ это какой-нибудь! Я такъ сказалъ, для

осторожности, что при слабomъ сердцѣ больше двѣнадцати не слѣдуетъ брать.

Они шли нѣсколько времени молча. Лѣвая рука Серафимы, лежавшая на рукѣ Леонтія Ильича, слегка вздрагивала, и сердце около нея билось часто и радостно. Серафима уже забыла о капляхъ, ей опять хотѣлось сказать что-нибудь, но она не знала, что.

— А вы, Серафима Родіоновна, не огорчайтесь мамашиними словами, — началъ Леонтій Ильичъ другимъ, болѣ тихимъ, голосомъ. — Я, вѣдь, замѣтилъ, что вы разстроились. Мамаша — старый человѣкъ, намученный, ей простить надо, успокоить ее надо. Конечно, всякому о своей радости слѣдуетъ думать, вы же человѣкъ молодой, но, скажу вамъ по сердцу, очень мнѣ въ васъ эта покорность родителю нравится.

Онъ помолчалъ. Серафима не отвѣтила. Сердце билось все сильнѣй, такъ что почти выдержать было нельзя.

— Я и самъ прежде всего на свѣтѣ родителей уважаю и почитаю, — продолжалъ Леонтій Ильичъ. — Что-жъ, волю себѣ недолго взять, да вѣдь радости въ ней нѣту.

Онъ опять помолчалъ.

— Одно только: ужъ очень вы всегда печальная. И лицо у васъ такое печальное. У меня иной разъ... вы не сердитесь, Серафима Родіо-

новна, — а ей Богу сердце перевертывается, когда на васъ гляжу. Такой ужъ я есть, не могу печальнаго лица человѣческаго видѣть, особенно, коль человѣкъ мнѣ милъ...

Серафима молчала, но и онъ теперь чувствовалъ, какъ дрожить ея рука. Они шли тише, нѣжный воздухъ еще ласковѣе, еще любовнѣе приникалъ къ ея лицу.

Фонарь блеснулъ у самой калитки дома. Леонтій Ильичъ остановился, тихонько снялъ руку Серафимы со своей, но не отпустилъ, а слабо сжалъ ея пальцы, похолодѣвшіе въ старенькихъ фильдекосовыхъ перчаткахъ.

— Я къ вамъ всей душой, всѣмъ сердцемъ, Серафима Родіоновна, — сказалъ онъ ей. — Я весь тутъ, какой есть. Я лгать не стану. Я васъ, ей-Богу, такъ полюбилъ... Вы ужъ не сердитесь, коли что. Я вѣдь не знаю. Вы...

— Я-то?

Серафима только и сказала, и подняла на него глаза. При дрожаніи фонаря онъ увидѣлъ эти глаза, такіе хорошіе, такіе влюбленные и безпомощные, — и не сталъ больше ничего говорить. Онъ наклонился и робко, едва касаясь губами, поцѣловалъ ее въ лобъ.

Потомъ повернулся и пошелъ назадъ, а Серафима толкнула калитку, которая безшумно отворилась и безшумно заперлась за нею.

Дома Лиза еще не спала. Отецъ говорилъ что-то сурово, что она опоздала, что самоваръ не убранъ, — Серафима не отвѣтила, она слушала и не совсѣмъ хорошо слышала, думала о томъ, что изъ темноты свѣтъ лампы рѣжетъ ей глаза и больно смотрѣть. Молча, проворно и привычно дѣлала она все, что надо, убрала со стола, раздѣла Лизу, осторожно накапала ей капель, которыя принесла. Лиза любила лѣкарства и охотно выпила капли. Въ постели начала было буянить, но вдругъ затихла и заснула. Серафима поцѣловала руку у отца, ушла къ себѣ и притворила дверь. Хотѣла было раздѣваться, да не стала, а присѣла на скамеечку у широкой постели и такъ сидѣла, не двигаясь. Лампадка горѣла у кіота, въ головахъ постели, тѣни шевелились на подушкахъ и на Лизинѣмъ лицѣ. Лиза спала, и лицо у нея было опять спокойное, прекрасное и невинное.

У Серафимы до сихъ поръ не было ни одной ясной мысли, волна радости точно закрыла ее всю; но теперь, въ тишинѣ, ей стало спокойнѣе. Она совсѣмъ просто подумала, простыми словами то, что никогда раньше не думала:

«Вотъ, замужъ за него пойду».

И эта мысль не казалась ей ни непривычной, ни стыдной, ни страшной. Другія какія-нибудь слова не приходили ей въ голову, да и почему

другія? Въ этихъ для нея понятно уложилась вся радость:

«Вотъ, замужъ за него пойду».

Какъ это будетъ, какъ устроится, она не думала. Просто — «замужъ пойду», вмѣсто: «люблю».

Потомъ ей захотѣлось помолиться. Она встала на колѣни у постели и подняла глаза на кіотъ. Тамъ, посерединѣ, за лампаднымъ свѣтомъ, стоялъ образъ Снаса, большой, — благословеніе матери. Въ золотой ризѣ съ камнями, весь яркій, розоволикій, ясноокій, съ благодными, молодыми, синими глазами. Слѣва, угломъ, былъ другой образъ Спасителя, но древній; отъ серебряной ризы ликъ его казался еще чернѣе; Серафима видѣла только темное пятно, — да бѣлыя точки глазъ. Но она и смотрѣла на него рѣдко, потому что онъ былъ сбоку; она всегда молилась тому, материнскому.

Своими словами Серафима не умѣла молиться. Невольно ей пришли на память заученныя слова, и она стала шептать:

— «Господи, Владыко живота моего! Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми...»

Но потомъ она остановилась и не кончила молитву. Не входили въ сердце слова и не давали утоленія радости. «Духъ праздности»... Въ

ней и не было духа праздности. «Унынія». Какое же уныніе, когда радость? «Любоначалія, празднословія»... Не для Серафимы были эти слова, и она невольно остановилась. А для счастья своего она не знала словъ, которыя могла бы сказать Христу. И она просто смотрѣла на ясноокій ликъ.

— Господи, Господи!

Христось показался ей знакомымъ, знакомымъ, милымъ, драгоценнымъ, златокудрый, съ синими, добрыми глазами. Она такъ долго смотрѣла ему въ лицо, что уже забыла почти, что это — Христось. Ея любовь была въ немъ, была — онъ.

И ни грѣха, ни смущенія въ душѣ оттого, что Христось — такой знакомый, такой похожій... Только усталость отъ счастья.

Лампадные тѣни бродили по подушкамъ. Лиза спала, красивая, тихая. Серафима подумала, что ей хочется плакать — но слезы не текли. Она встала, быстро раздѣлась, легла рядомъ съ Лизой и сейчасъ же заснула.

VI.

Прошло нѣсколько дней, потомъ недѣль. Въ воскресенье Серафима, какъ всегда, пошла къ обѣднѣ. Въ церкви она молилась не по домашне-

му, а по-привычному, крестилась, кланялась. Теперь она, входя, постаралась забыть свою радость, которая здѣсь казалась ей «грѣховной». Въ церкви это былъ грѣхъ, въ церкви все грѣхъ, да и все иное, чѣмъ дома, было въ церкви для Серафимы. И свѣтъ иной, и лампады; и ликъ Христа не тотъ. Обѣдню она выстояла, какъ прежде выстаивала, потому что такъ надо. Впрочемъ, ей было немного скучнѣе и тяжеле.

Подходя къ дому, Серафима вдругъ почувствовала себя нехорошо, точно отъ злого предчувствія. Но это было только мгновенье. Радость сейчасъ же вернулась. А когда Серафима вошла въ комнату — радость перешла въ ужасное счастье и волненье: за столомъ, противъ отца, сидѣла Евлампія Ниловна, принаряженная по праздничному, а сбоку, на стулѣ, съ шапкой въ рукахъ — Леонтій Ильичъ. Раньше онъ никогда не бывалъ у Родіона Яковлевича, и Серафима поняла, что рѣшается ея судьба.

— Вотъ и Серафима, — произнесъ Родіонъ Яковлевичъ непривычно весело и громко. — Раздѣвайся живѣй, видишь, гости. Евлампія Ниловна и сына мнѣ своего для знакомства привела. Попотчуй гостей-то. Я и самъ послѣ обѣдни чаю еще не пилъ.

Серафима хотѣла выйти, но въ эту минуту Дарья уже внесла самоваръ.

— Ты, Дарья, погуляй съ Лизой по двору, —

продолжалъ Родіонъ Яковлевичъ мягко.—Одѣнь ее, Серафима. А сама останься, посиди въ нашей компаніи. Мы ужъ тутъ, признаться, разные разговоры разговаривали, да все не по-сурьезному.

Лизу увели. Серафима сняла шляпку и приѣла тихо, поодаль, не поднимая глазъ.

Евлампія Ниловна казалась не то сердитой, не то смущенной; красная, она сжимала губы и обдергивала платье.

— Никакихъ у насъ особенныхъ разговоровъ не было, — сказала она. — А почему не поговорить. На то и въ гости люди ходятъ, чтобъ не молчать.

— Это какъ въ какой часъ, — молвилъ Родіонъ Яковлевичъ, и теперь въ голосъ его была обычная суровость. — Надо — поговоримъ, не надо — помолчимъ. Такъ-то, гости дорогіе.

Евлампія Ниловна еще сердитѣе сжала губы. Потомъ произнесла:

— А вотъ Серафима-то у васъ вѣчная молчаливица. Эдакъ дѣвушкѣ не весело.

Родіонъ Яковлевичъ глянулъ изъ-подъ бровей.

— Слышалъ я уже это сейчасъ отъ васъ. Не весело ей. А какое ей веселье? Чему радоваться? Кого тѣшить? Серафимѣ не замужъ идти.

Прошла минута тишины. Только самоваръ шумѣлъ. Заговорила Евлампія Ниловна:

— А почему-жъ и замужъ не идти? Всякая дѣвушка на свою судьбу надѣется.

— Потому не идти, что Серафимина судьба иная. У нея сирота на рукахъ, убогая. Ей о себѣ думать не показано. Да и что даромъ говорить? Она ужъ не молоденькая. И молоденькая была бы — для безприданницъ жениховъ-то нынче не припасено.

Онъ опять глянулъ изъ-подъ бровей. Евлампія Ниловна даже подскочила.

— Серафима-то у васъ безприданница? Вотъ сно какъ! А только что пустыя слова говорить, Родіонъ Яковлевичъ; слава Богу, на людяхъ живемъ. Люди-то за это осуждаютъ.

— Мнѣ люди не указъ. А слова мои не пустыя, а крѣпкія. Въ карманѣ у меня никто не считаль, да коли и считали — такъ то мое, и воля моя, и разсужденіе мое. Случая не было — и воля моя неизвѣстна никому была, а нынче къ слову пришлось — такъ таить мнѣ нечего. Вотъ и Серафима пускай послушаетъ.

Евлампія Ниловна не нашла отвѣтить. Леонтій Ильичъ и Серафима сидѣли, опустивъ глаза.

— Вотъ какъ я положилъ на счетъ дочерей моихъ, — медленно началъ Родіонъ Яковлевичъ. — Извините, гости дорогіе, коль поскучаете, — вставилъ онъ вдругъ ласково, — ужъ къ слову пришлось. Да. Состояніе у меня, слава Богу,

есть, не великое, и не малое, и все оно, по смерти моей, отказано мною дочери Елизаветѣ. Опекунны тоже назначены, надежны, — по болѣзни, по ея. Дочери же Серафимѣ, пока она живеть съ сестрою, какъ жила, въ бракъ не вступая, назначено содержаніе, сколько для жизни требуется. Она у меня къ лишнему не приучена, да лишняго и не надо, и такъ въ довольствѣ будетъ при сестрѣ. Оговорено же у меня: если Серафима въ бракъ послѣ моей смерти захочетъ вступить, или сестру на чужое попеченіе отдать, въ лѣчебницу тамъ, что ли, обязанностями своими тяготясь — то пенсіона она своего лишается.

Родіонъ Яковлевичъ приостановился. Опять только самоваръ шумѣлъ, и то тише, потому что гасъ. Евлампія Ниловна, задыхаясь, спросила:

— А въ случаѣ, если Елизавета раньше сестры умретъ? Серафимѣ-же все послѣ нея достанется.

— Къ людямъ вѣры не имѣю, — строго сказалъ Родіонъ Яковлевичъ. — Злы люди, нѣтъ въ нихъ любви, а тѣмъ паче къ убогому, который защититъ себя какъ не знаетъ. О Елизаветѣ, кромѣ отца родного, никто не позаботится. А умретъ отецъ, останется она беззащитная, съ состояніемъ, — соблазнъ людямъ. Серафима не зла, да проста; коли будетъ послѣ сестры наслѣдницей — обойдутъ ее люди, наговорятъ, что, воть, моль, одна помѣха дѣлу — сестра убогая, бѣль-

мо на глазу... Житье ли тогда Лизаветѣ? Нѣтъ, тутъ разумѣніе справедливости надо. И такъ у меня оговорено, что буде Лизавета и умереть — сестра ей не наслѣдница. Содержаніе свое малое сохранить до конца дней, въ монастырь захочетъ — единовременный вкладъ сдѣлаетъ — много ли надо? А Лизино состояніе пусть тогда на вѣчный поминъ нашихъ душъ въ Сергіевскій приходъ пойдетъ.

Евламнія Ниловна хотѣла что-то сказать и не могла, только глядѣла широко раскрытыми глазами на старика.

— Что-жъ... что-жъ это? — вымолвила она, наконецъ. — Да это законовъ такихъ нѣтъ... Это... за что-жъ вы такъ дочь-то свою родную обидѣли?

— По закону моя воля наградить дочерей, какъ хочу, — твердо сказалъ Родіонъ Яковлевичъ. — А обиды тутъ нѣтъ. Я разумомъ до правды дошелъ. Серафима — плоть отъ плоти моей, я ей отецъ и наставникъ, я ее на истинномъ пути долженъ хранить. Я Господу за нее отвѣчаю. Путь ея ясенъ — какъ потрудиться въ жизни. И до тридцати лѣтъ она съ покорностью волю Божью совершала, и безъ соблазновъ пустыхъ прожила. Будетъ соблазнъ — отецъ долженъ охранить ее по своему разумѣнію.

Серафима ничего не поняла. Она и слушала какъ сквозь сонъ. Она только знала, что пришло

какое-то неотвратимое несчастье, всему конецъ, и ей конецъ.

Евлампія Ниловна притихла и спросила уже несмѣло:

— Значить ваша такая воля, чтобъ Серафимъ замужъ не идти?

— Ежели бы она теперь вздумала и на долгъ свой возстала, я силкомъ держать не стану. Да случая такого не вижу, потому что тогда ей ничего отъ меня не будетъ, а кому нынѣ жена-нахлѣбница не тяжела?

— А если бы, — продолжала Евлампія Ниловна, вдругъ осмѣлѣвъ, — скажемъ, Лизавета еще при вашей жизни умерла? Все въ Божьей волѣ. Ужели и тогда Серафиму обидѣли бы?

Леонтій Ильичъ всталъ и отошелъ къ печкѣ, не слушая.

Родіонъ Яковлевичъ прикрылъ глаза рукой, помолчалъ и сказалъ тихо:

— Что говорить? Его, Его воля. Захочетъ — иной трудъ укажетъ Серафимъ. Нѣтъ ей отъ меня обиды, и не будетъ. Оставитъ мнѣ Господь одну Серафиму — увижу указаніе отъ Него, не возропщу. Все ея тогда, не для кого хранить. Я только волю Господа исполняю, по моему слабому разумѣнію.

Наступило новое, долгое молчаніе. Самоваръ совсѣмъ потухъ. Леонтій Ильичъ такъ и не сказалъ ни слова.

— Что-жъ, гости дорогіе, чайку? — вдругъ ласково и громко произнесъ Родіонъ Яковлевичъ. — Угощай, Серафима. Извините, заговорилъ я тутъ васъ семейными дѣлами. Оно бы и не слѣдовало, да къ слову пришлось. Простите старика.

Серафима поднялась.

— Кушайте, пожалуйста, — сказала она едва слышнымъ, ровнымъ, точно не своимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, намъ пора. И то засидѣлись. И пора-то прошла. Собирайся, Леонтій. Спасибо на угощеніи, Родіонъ Яковлевичъ. Некогда намъ. Разговоръ разговоромъ, а дѣло дѣломъ. Намъ извините, Христа ради. Не можемъ.

— Ну, какъ угодно. Жаль очень. Въ другой разъ когда-нибудь милости просимъ. Проводи, Серафима, въ сѣняхъ темно, кадка тамъ стоитъ. Прощайте, благодаримъ покорно.

Серафима, какъ была, въ платьѣ, съ открытой головой, вышла за Дуниными въ сѣни и на дворъ.

Евлампія Ниловна обернулась къ ней, лицо у нея было все красное, точно изъ бани, сердитое и взволнованное.

— Ну, прощай, прощай, Фимуша. Иди. Покорно благодаримъ папеньку твоего на угощеніи, на добромъ словѣ. Вотъ она, жестокосердость-то родительская! Старая-то вѣра гдѣ ска-

зывается. Такие родители отвѣтятъ Богу, отвѣтятъ! Эхъ ты, моя безталанная, страдальца, за чужіе грѣхи отвѣтчица! И жалко тебя, да помочь нечѣмъ. Коль не образумить Господь отца, — пропала твоя доля, Фимочка!

Она утерла наворачнушіяся, злобно-жалобныя, слезы и поцѣловала Серафиму.

— Пойдемъ, Леонтій.

— Я... завтра... — начала Серафима.

Евламія Ниловна ушла впередъ, но Леонтій Ильичъ услыхалъ тихія слова Серафимы, понялъ, что она хочетъ сказать: «я завтра приду», взялъ ее за руку и молвилъ:

— Приходите, Серафима Редіоновна, потолкуемъ. Можетъ, что и придумаемъ. И простите вы меня, несчастнаго, Христа ради.

Серафима вернулась въ горницу и хотѣла пройти мимо отца, который сидѣлъ теперь за книгой. Онъ остановилъ ее.

— Смотри ты, тихоня! Въ голову себѣ не забирай. Не видишь, что ли, какъ люди къ чужимъ деньгамъ подбираются. Оно сладко. Дѣвка до сѣдыхъ волосъ дожила, а уши развѣшиваетъ. Разумъ-то собери, да о долгѣ о своемъ думай.

Серафима не отвѣтила, только взглянула исподлобья тѣмъ же недобрымъ взоромъ, какой бывалъ и у отца.

— Чего глядишь? Эй, смири себя! О трудѣ

своемъ тебѣ думать, Богу молиться, грѣхи замаливать...

— Чужіе грѣхи... — вдругъ сквозь зубы произнесла Серафима.

Отецъ поднялся со стула и крикнулъ съ изумленіемъ:

— Что? Что ты сказала?..

Но Серафима уже скользнула вонъ, въ другую комнату, и тихонько притворила за собою дверь.

VII.

На другой день Серафима ходила къ Дунинымъ въ аптеку. У Лизы съ утра начались припадки, къ вечеру она утихла, но Серафима все равно бы пошла, и даже отца не подумала спроситься. Его, впрочемъ, и дома не было.

Леонтій Ильичъ встрѣтилъ Серафиму по дорогѣ, видно поджидалъ ее, и сразу сталъ говорить тѣ самыя слова, которыхъ Серафима отъ него и ждала: горько жаловался на судьбу, на то, что ихъ разлучаютъ, что не дается счастье.

— Нѣтъ мнѣ ни покоя, ни радости безъ васъ, Серафима Родіоновна. А только посудите сами: какъ мы противъ родителей пойдемъ? Все равно не будетъ счастья. И осуждать вашего родителя не хочу, хоть и кажется мнѣ, что неправильныя у

него мысли. Пойти наперекоръ — что-жъ, я васъ люблю, мнѣ тяжело смириться, я бы радъ не смиряться, — да какъ жить? Сами знаете, бѣдность у насъ, отецъ больной, сестры-дѣвочки мной держатся, а вѣдь я ужъ тогда долженъ ихъ оставить помощью... Вотъ какое дѣло.

Серафима и не думала, что можно пойти наперекоръ. Про себя ничего не думала, а про него знала, что ему нельзя. Она и сама не понимала, на что надѣялась, когда шла къ Дунинымъ, и зачѣмъ хотѣла видѣть Леонтія Ильича. Когда онъ сталъ говорить ей, что единственное средство — это, чтобъ она попробовала упросить отца, — она молчала, но и тутъ ей не было надежды, она знала, что отецъ не переменитъ рѣшенія, до котораго однажды «дошелъ разумомъ».

— Намъ вѣдь не богатство какое-нибудь нужно, намъ такъ, не много, чтобъ ѣсть что было, чтобъ у моихъ-то не отнимать, — говорилъ Леонтій Ильичъ. — Попросите, Серафима Родионовна, можетъ онъ и смягчится. У отца да не выпросить! Вѣдь не каменное же у него сердце. Попросите, а? Ужъ я буду въ надеждѣ.

Доброе лицо Леонтія Ильича, такое сначала грустное, теперь опять улыбалось; онъ такъ радъ былъ вѣрить, что все еще можетъ устроиться, тихо, мирно. Безобидная душа его отвращалась отъ возможности страданія, какъ отъ чего-то страннаго, неестественнаго.

Потомъ они пошли къ Евлампіи Ниловнѣ. Тамъ тоже не было ничего неожиданнаго для Серафимы. Только Евлампія Ниловна кляла и ругала на чемъ свѣтъ стоитъ Родіона Яковлевича и всплакнула надъ судьбой Серафимы. Къ тому, что Серафима будетъ говорить съ отцомъ — отнеслась безъ восторга, хотя и сказала:

— Почему-жъ не поговорить? Попытайся. Да врядъ ли толкъ будетъ. Нѣтъ ужъ, Фимочка, видно такъ Богу угодно. Не судьба моему Леонтію...

Въ это время Леонтія Ильича кликнули въ аптеку. Уходя, онъ пожалъ руку Серафимѣ, поглядѣлъ на нее ласковыми, синими глазами и опять шепнулъ:

— Такъ поговорите? Ужъ я буду въ надеждѣ...

Опять Серафима сидѣла за столомъ съ висячей лампой, молчала, упрямо глядя внизъ, а Евлампія Ниловна изливалась въ безконечныхъ жалобахъ и совѣтахъ.

— Ты ему отлей, отлей свои слезки, Серафима! Ты ему выскажи. Покориться покорись — а выскажи. Ишь ты, добренькій! Все, говорить, ея будетъ, коли Лизавета прежде меня умреть! Да жди, умреть она! Такія-то и живучи. И гдѣ она больная, дѣвка кровь съ молокомъ, сильная, только что разума ни крошки, хуже, прости Господи, чѣмъ у пса или у какой иной твари. У эдакихъ-то и души нѣтъ. Ходи — не ходи,

— за нее Богу не отвѣтишь. Больная! Всѣхъ насъ переживетъ!

— У нея припадки теперь, — сказала Серафима. — Очень мучается.

— Мучается, да не къ смерти. А тоже поглядѣть, — и зачѣмъ мучается? И самой, и другимъ терзаніе. Богу молиться надо, денно и ночью, чтобъ прибралъ ее Господь, простилъ на ней родительскіе грѣхи. А ты-то какъ бы вздохнула! Зажили бы вы съ Леней, мы бы на васъ радовались...

Серафима поднялась и стала прощаться, Евламія Ниловна вышла ее проводить въ сѣни.

— Молись, молись Богу, дѣвушка, о своемъ счастіи, чтобъ развязались у тебя руки. Припадки, говоришь, у Лизаветы? Что-жъ, капельки-то эти даешь, что Леня тебѣ готовилъ? Покойнѣе она отъ нихъ?

— Даю. Ничего, помогаютъ.

— То-то, давай, давай. Крѣпче спать будетъ.

— У нея сердце слабое, не каждый день даю.

— Какое тамъ слабое! Взгляни-ка на нее, — бѣлая, румянецъ во всю щеку, да и рослая какая! Кто это тебѣ наговорилъ? Онѣ, капли-то, невредныя, мнѣ Леня сказывалъ — хоть два пузырька выше. Успокоительныя. Ты побольше ей давай, не бойся. По двадцати тамъ, или по двадцати пяти. Поспитъ и успокоится. Ей же легче. Прощай, голубка, Христосъ съ тобою. Ты

ужь не ходи къ намъ пока, хуже бы отецъ не разсердился. А тамъ видно будетъ. Прощай.

VIII.

Серафима точно просыпалась. Ни прежней равнодушной покорности, ни привычнаго страха передъ отцомъ у нея больше не было. Еще радость ея была робкая, смутная, но озлобленіе дало ей твердыя, опредѣленные мысли и слова. Впрочемъ, эти слова она говорила только себѣ. Она понимала, что съ отцомъ спорить безумно и ненужно. Все равно ничего не будетъ.

«Камень на шею навязали... камень... камень...» — думала она, съ ненавистью глядя на Лизу. Одѣвала, раздѣвала, укладывала она ее теперь почти грубо, съ жесткостью, которая пугала даже ничего не понимающую дѣвочку.

Припадки были тяжелые. Серафима едва сдерживала корчившіеся члены, подкладывала подушки и опять думала:

«Мучается. И сама мучается, и другихъ мучаетъ. Развязаль бы ее и меня Господь. Ну кому она нужна? На что живетъ?»

Вечеромъ Серафима, усталая, сама больная, стала капать въ рюмочку капли, но рука дрожала, она влила сразу слишкомъ много, — и съ

сердцем выплеснула въ умывальникъ, чтобы снова капать.

Когда Лиза уснула, — она вспомнила, какъ выплеснула лекарство и задумалась. Вотъ и Евлампія Ниловна ей про капли говорила. Неправда, конечно, что Лизѣ капли не вредны, Леонтій Ильичъ лучше знаетъ. Можетъ, и ничего не было бы, кабы она тогда въ тазъ не вылила, а можетъ Лиза такъ бы и не проснулась. Ну, и не проснулась бы. И не мучилась бы ужъ больше. А у нея сердце слабое, сказали бы — отъ припадковъ умерла. Это тоже бываетъ, докторъ говорилъ. На Лизѣ грѣховъ нѣтъ; за что же ей здѣсь мучиться?

Серафима встала, взяла бутылочку съ каплями, открыла, понюхала: пахло горьковато. Повертѣла рецептъ: нигдѣ не написано, что ядъ.

«За такую Богу не отвѣчать», вспомнились ей слова Евлампіи Ниловны.

Серафима глянула на кіотъ: отсюда ей виденъ былъ только старый, черный образъ въ серебряной ризѣ, съ бѣлыми глазами. Строгий ликъ походилъ, или Серафимѣ казалось, что онъ походить — на отца; и у нея опять поднялось озлобленіе. Такіе же, или въ родѣ этихъ, образа и въ церкви. Помни долгъ свой, да трудись, да въ грѣхахъ кайся. Какіе грѣхи? За то отвѣчать, что Лизѣ не мучаться и ей самой не му-

чатся? Коли такъ — и пусть грѣхъ, и не страшно грѣха. Только мученье одно страшно.

«Завтра на ночь и дамъ ей капли», рѣшила Серафима. «Тридцать дамъ, или сорокъ, а тамъ пусть, что будетъ».

Опять послѣ того на нее нашель туманъ, и цѣлый день она ходила, какъ мертвая, а вечеромъ совсѣмъ не дала Лизѣ капель. И въ слѣдующій день не дала и такъ шли дни. На шестой недѣлѣ отецъ выѣхалъ въ Москву ненадолго. Передъ отъѣздомъ постучалъ пальцами о столъ и сказалъ Серафимѣ строго:

— Смотри! У меня отъ Лизы ни на шагъ не отлучаться. Ты отвѣчаешь.

Серафима вспыхнула.

— Да она больная, папаша. Какъ мнѣ за нее отвѣчать? Я не докторъ.

— Не дерзи, дура! Не про то говорю. Говорю, чтобъ ты изъ дома ни на шагъ. Шляться куда не смѣй, слышишь?

Прежде отецъ никогда такъ грубо не говорилъ съ Серафимой. Она не отвѣчала, но въ сердцѣ опять вспыхнуло озлобленіе и туманъ слетѣлъ съ души.

«Недолго вамъ надо мной измываться», подумала она, провожая его до калитки. «Возьму свое. И Богъ не осудитъ. Комаръ сядетъ на щеку — комара давимъ. А въ Лизѣ развѣ душа?»

Разума нѣтъ — и души нѣтъ. Плоть одна поганая.

Серафима въ одномъ платьѣ, съ открытой головой, пошла по двору. Такъ же шла она отъ каютки домой и въ тотъ разъ, на первой недѣлѣ, когда возвратилась съ ефимоновъ, и еще Леонтій Ильичъ ей встрѣтился. Тогда лежалъ снѣгъ, кругомъ было чисто и тихо, въ небесахъ — свѣтло и торжественно, а въ душѣ была радость. Она думала, что радуется свѣтлому празднику, и боялась, что радость — грѣхъ. Но теперь она знала, что радость — не грѣхъ, а страданіе — грѣхъ, и не хотѣла страданія.

По небу плыли сѣрыя весеннія тучи. Снѣгъ сошелъ, и ужъ подсыхало. У стѣнки, на солнцѣ, выросла малая, блѣдная былинка. Серафима присѣла на приступочку, недалеко отъ палисадника, и сгорбилась, согнувшись отъ душевной боли. Но и теперь кругомъ была чистота и тишина. У небесъ, у травки подъ стѣной — нѣтъ разума...

«Значить, и души нѣтъ, плотъ одна... поганая», подумала Серафима, и самой ей показалось это страннымъ.

Глубоко, на самомъ днѣ души у Серафимы все-таки была радость, та же самая, потому что и любовь была; только страданіе ее затащило, какъ грозовая туча затягиваетъ небо.

«Придавило меня... Господи! Господи! Нѣтъ

у меня разумѣнія, ничего я не знаю, не словами молюсь, — болью моею молюсь, и гдѣ Ты, Господи, — не знаю, и Тебя ли люблю — не знаю, прости Ты меня, научи Ты меня, сними Ты съ меня... Только любовь мою не отдамъ, радость мою не бери, Господи»...

Серафима тихонько заплакала, слезъ было мало, и не утолили онѣ души. По небу все такъ же скользили сѣрыя, легкія облака. Гдѣ-то колоколь звонилъ, рѣдкій, мѣрный, тонкій. Точно скудные слезы капали. Серафима прислушалась.

«А вотъ на Пасхѣ веселый звонъ будетъ», подумала она безотчетно.

Встала было, хотѣла идти домой, да опять заплакала, увидѣла травку подъ стѣной, наклонилась, — и не сорвала ее, пожалѣла, только дотронулась рукой до нѣжной ниточки, до стебелька.

«Нѣтъ души — а радуется»...

— Барышня, вы здѣсь? — крикнула съ порога Дарья. — Пожалуйста-ка сюда.

Въ низкихъ горницахъ было ужъ темно. Зажгли лампочку; пахло душнымъ тепломъ, полотенцами, постнымъ кушаньемъ и керосиномъ. Лиза мычала въ углу. Потянулся долгій, долгій одинокий вечеръ, съ одинокой, молчаливой мукой. Серафима растворила двери и ходила изъ одной горницы въ другую, а въ сердцѣ у нея счастье

рвалось изъ-подъ навалившагося душнаго и злобнаго страданія.

Лиза мычала въ углу. Серафима думала:

«Вотъ кто меня душить. Навалилась на меня. Придавила, какъ плита могильная. Неужели пропадать моей радости изъ-за нея? Ни разума — ни души»...

И опять ходила, и опять рвалось въ ней сердце.

— Пойдемъ спать, — сказала она вдругъ Лизѣ и взяла ее крѣпко за руку.

Лиза было замычала испуганно, однако пошла, волоча ноги. Серафима оправила постель — лампадка уже горѣла передъ кіотомъ — и стала раздѣвать Лизу, срывая съ нея платье, чулки и бѣлки, и говорила громко, съ ней или съ собой — она не знала.

— Чего мычишь? Больно? Ладно, потерпи. Ты тварь безсловесная. Камень придорожный. Понимаешь? Ты жерновъ мнѣ на шеѣ. Въ тебѣ и пара нѣтъ, не только что души. За тебя Богу не отвѣчать.

Лиза бессмысленно глядѣла на сестру и мычала, размахивая руками. А Серафима не могла не говорить. Сердце у нея въ груди росло, росло и, казалось, этого и выдержать нельзя.

— Вотъ, лѣкарства тебѣ дамъ, хочешь лѣкарствица? Уснешь крѣпко, и не будетъ больно. Хорошія капельки, много дамъ. Будешь разум-

ная, веселая, мамашу увидишь. Ну, что глядишь? Ты мнѣ спасибо скажи.

Серафима засмѣялась. Лиза, глядя на нее, тоже засмѣялась. Она смѣлась не громко, но дико.

— Моя воля, что хочу съ тобой, то и сдѣлаю. И не боюсь никого. Хорошо тамъ, Лиза: ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. На панихидахъ такъ поють. И надъ мамашей пѣли. И надъ тобой будутъ. Ну, чего вылѣзаешь изъ-подъ одѣяла? Лежи. Постой, я тебѣ сейчасъ лѣкарствица...

Серафима рѣзко отворила дверцу шкапа, торопясь вынула бутылочку съ каплями, рюмочку, отсчитала двадцать, потомъ еще десять, потомъ еще подлила, не считая, добавила воды изъ графина и подошла къ постели. Руки у нея такъ дрожали, что мутная жидкость колыхалась и билась о стеклянныя стѣнки.

— Ну вотъ, Лиза. Вотъ теперь выпей. Только надо скоро-скоро, сразу. А то мамашу не увидишь. Постой, погоди, сейчасъ.

Серафима встала на колѣни передъ постелью. Лиза потянулась къ рюмочкѣ.

— Постой. Мы Богу помолимся. Такъ нельзя, я такъ не хочу. Я не ради зла какого-нибудь, а ради любви моей. Господи! Я ради...

Она подняла глаза. Сверху смотрѣлъ на нее, изъ-за лампаднаго огня, свѣтлый ликъ, веселый и грустный, такой знакомый, такой похожій...—

и такой весь иной. Синіе, добрые глаза были ласковы, но точно спрашивали:

«Ради Меня ли?...»

Серафима остановилась. Еще разъ хотѣла повторить, хотя бы мысленно, «ради любви...» и не смогла. То, что поднималось изъ сердца все время, — вдругъ поднялось до конца, перешло, перелилось, вырвалось вонъ, — и Серафима кинулась лицомъ въ постель, бросивъ рюмку на полъ. Рюмка упала и разбилась. У Серафимы слезы потекли неистовыя, съ крикомъ, и Лиза, которая не могла видѣть слезъ, тоже заплакала, закричала и потянулась голыми, тонкими, еще дѣтскими руками къ Серафимѣ.

— Лиза.... Лиза... Травка моя неразумная... Развѣ я ради любви хотѣла? Развѣ можно тебя... ради любви? Ради любви — любить, хранить тебя. Плоть, говорила, неразумная, поганая. Прости, Лиза. Не оттого, что грѣхъ — не могу, а оттого, что любовь во мнѣ къ Нему, ко всему, что отъ Него — не могу.

Серафима плакала все тише, не отнимая отъ своей шеи нѣжныхъ Лизиныхъ рукъ. И Лиза успокоилась понемногу, и такъ и заснула, и сейчасъ же стала красивой и тихой, какъ весенніе снѣга и свѣтлое небо надъ ними. А Серафима до утра не спала, все лежала, не шевелясь, одѣтая, и слушала, какъ сердце у нея успокаивается,

бьется ровнѣе и крѣпче. Туча боли растаяла. И мысли опять дѣлались ясными и очень простыми.

«Развѣ я для любви моей убить хотѣла? — думала она. — Вѣдь любовь мою никто у меня не отнималъ. Любовь моя всегда при мнѣ. Я чтобъ замужъ за него пойти, чтобъ деньги... вотъ для чего. Души нѣтъ... а какъ мы знаемъ? Въ травинкѣ, вонъ, нѣтъ души, а развѣ она плоть поганая? Въ ней моя радость. И въ Лизѣ — радость. Это я мою радость убить хотѣла, чтобъ замужъ пойти».

Горьковатый запахъ отъ пролитого лѣкарства подымался съ полу и мѣнялся, смѣшавшись съ запахомъ лампаднаго масла.

«Ну, и не пойду замужъ, — думала Серафима, засыпая и вся отдыхая. — А радость моя при мнѣ. Въ радости моей страха нѣтъ, и печали не боюсь. Мамаша говорила... печалью и радость дорога... Господи...»

Уже не туча, а легкое облако накрыло ее, и она заснула.

IX.

«Тѣло Христово пріимите...»

Серафима сошла со ступеней амвона и стала, гдѣ раньше стояла, у лѣваго крылоса. Былъ четвергъ, на Страстной. Серафима отговѣла и причастилась. Солице падало на церковный полъ

узкими, пыльными, веселыми полосами. Вся церковь казалась золотой, и воздухъ былъ густъ и свѣтлъ, какъ дорогой желтый камень.

Радостные причастные наѣвы дрожали въ сводахъ; радость о томъ, что всѣ чисты, всѣ оказались достойны, для всѣхъ — благодать. Нѣтъ грѣха, негдѣ быть ему, потому что здѣсь всѣ чисты.

Когда служба кончилась, Серафима надѣла кофточку на свое бѣлое, можетъ быть, слишкомъ пышное, парадное платье и направилась къ выходу. Но въ самой парадности ея одежды было что-то трогательно-торжественное, та же непривычность, особенность — какъ и въ причастіи.

Яркость весенняго, уже почти лѣтняго, солнца на панерти была нестерпима. Серафима оставилась на ступеняхъ. Въ эту минуту ее достигъ Леонтій Ильичъ, который тоже стоялъ въ церкви, но къ Серафимѣ тамъ не подходилъ.

— Съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ, — произнесъ онъ, несмѣло кланяясь и глядя на Серафиму своими добрыми синими глазами.

Она покраснѣла чуть-чуть, потомъ подала ему руку и сказала:

— Благодарю.

Они вмѣстѣ сошли со ступеней панерти, вмѣстѣ минули церковную площадь и пошли по переулку, гдѣ былъ домъ Серафимы.

Земля совсѣмъ высохла. У досчатыхъ тротуаровъ, подлѣ деревянныхъ тумбъ, вездѣ пробивалась, подымалась яркая-яркая трава, и расцвѣтали круглые желтые цвѣты, некрасивые, но самые прекрасные, потому что самые первые, тѣ, у которыхъ ломкій стебелекъ полонъ горьковатымъ молокомъ. Небеса сдѣлались выше, серьезнѣе и темнѣе. За сѣрыми заборами деревья стояли прозрачныя, покрытыя первымъ налетомъ, точно зеленымъ пухомъ. Вверху, едва видныя, быстро мелькали птицы, наполняя воздухъ ровными, пронзительными, счастливыми криками, которые не нарушали, а углубляли тишину.

Леонтій Ильичъ долго шелъ молча рядомъ съ Серафимой, но потомъ несмѣло и ласково заговорилъ:

— Давно мы не видались, Серафима Родіоновна. Ждалъ вѣстей, да и не дождался. Какъ здоровье ваше?

— Благодарю, я здорова. Я рада была встрѣтить васъ, Леонтій Ильичъ.

— Все смотрѣлъ на васъ въ церкви. Такое хорошее у васъ было лицо, веселое. Да и теперь вонъ, улыбаетесь. Нѣтъ ли чѣмъ и меня порадовать? Родіонъ Яковлевичъ что? Могу спросить васъ, имѣли вы... разговоръ съ нимъ?

Серафима покачала головой.

— Нѣтъ, Леонтій Ильичъ. Я не говорила съ

папашей. И что себя обманывать: онъ рѣшенія не измѣнить.

Леонтій Ильичъ поблѣднѣлъ немного, улыбка слетѣла съ его румяныхъ губъ.

— Какъ же такъ? А я, было, видя васъ радостной, подумалъ, было... Значить, конецъ нашему дѣлу? И вы, значить, мысли свои ко мнѣ перемѣнили?

— Я къ вамъ никогда не перемѣнюсь. Я васъ до конца моей жизни буду любить, Леонтій Ильичъ, — просто сказала Серафима.

Онъ взглянулъ на нее, хотѣлъ что-то проговорить, но она перебила его и поспѣшно прибавила, точно боясь, что онъ не такъ ее пойметъ:

— Замужъ не судьба мнѣ идти — я и не пойду. Что-жъ, я бы пошла, если-бъ судьба. А смерти желать живому, чтобы мнѣ выйти — я не могу. Вы не думайте, Леонтій Ильичъ, я не такъ какъ-нибудь покорила, а я вольно. Любить васъ всегда буду, а больше ничего не надо. Вы себѣ хорошую невѣсту найдете, добрую дѣвушку, подходящую. Полюбите ее. Я узнаю — радоваться буду, если хорошая попадется и сама станетъ васъ любить.

— Вотъ какія горькія слова вы мнѣ говорите, — началъ Леонтій Ильичъ, и на доброе лицо его легла тѣнь недоумѣнія, и губы дрогнули. — Нѣтъ, видно вамъ моя грусть до сердца не доходитъ. Вамъ и горя мало.

— Да нѣтъ же, Господи! — сказала Серафима. — Какъ еще говорить? Я не умѣю говорить. У меня такая грусть, что и дна ей нѣтъ, заглянешь въ нее — а она ужъ и на грусть не похожа, а будто и радость. Сказать словами не знаю какъ, а вы не слушайте, вы повѣрьте, что все хорошо, и мнѣ хорошо, — вотъ и вамъ будетъ хорошо.

Они стояли у калитки дома. Серафима подняла рѣсницы, улыбаясь, лицо у нея было блѣдное и свѣтлое, а въ глазахъ стояли и не проливались слезы. Она не умѣла ему объяснить ни своей радости, ни своей печали; Леонтій Ильичъ смотрѣлъ на нее, не понимая, но чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ легче, тѣмъ веселѣе становилось и у него на душѣ.

А небо и земля вокругъ нихъ были чистыя-чистыя, и казалось, что ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья.

1900.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Небесныя слова	7
Все къ худу	73
Кабань	91
Комета	119
Влюбленные	167
Страстничекъ	177
Нинишь	189
Вѣчная женскость	197
Судьба	211
Тварь	257
Святая плоть	283

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА „СЛОВО“
во Львовѣ, ул. Русская 3.

6886

29.945